

**Научный
журнал**

ISSN 2219-6242

Социология и право

№ 4 (42) • 2018

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 4 (42) • 2018

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО, ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН, проректор по научно-техническому сотрудничеству с предприятиями и организациями и трудоустройству выпускников, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

*М. В. РЫБКИНА, доктор юридических наук, профессор
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ, доктор социологических наук, профессор*

Редакционный совет

Г. А. о. АГАЕВ, профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

Н. Ф. БАБАНЦЕВ, декан юридического факультета Санкт-Петербургского университета гражданской авиации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЮН, заслуженный деятель науки РФ

В. БЕРГМАНН, вице-президент Европейской академии наук и искусств, член правления Форума «Петербургский диалог», доктор юридических наук, профессор

В. М. БОЕР, проректор по учебно-воспитательной работе Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

С. С. БРАЗЕВИЧ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Н. В. БУГЕЛЬ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

И. И. ЕЛИСЕЕВА, руководитель сектора Социологического института РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор

С. Ю. КОСАРЕВ, профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридический наук, профессор

Р. А. КОСТИН, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. В. МАЛЬКО, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, вице-президент Ассоциации юридических вузов России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Я. А. МАРГУЛЯН, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. А. МАРКОВ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

С. М. ОГАНЕСЯН, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор

А. К. СААКЯН, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии проблем гуманизма (Республика Армения), член Международной профессорской ассоциации (ЮНиДО)

Е. В. СИЛИНА, заведующий кафедрой Ленинградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

С. А. ЦЫПЛЯЕВ, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:

190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44, лит. А

Тел.: (812) 448-82-50

E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2018

© Санкт-Петербургский
университет технологий
управления и экономики, 2018

SOCIOLOGY AND LAW № 4 (42) • 2018

Chief Editor

O. G. SMESHKO, Doctor of Economics, Professor

Deputy Editor

G. A. KOSTIN, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

M. V. Rybkina, Doctor of Law, Professor
N. N. Pokrovskaya, Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

- G. A. o. AGAEV, Professor of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor*
- N. F. BABANTSEV, Dean of Department of St. Petersburg State University of Civil Aviation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Science Worker of the Russian Federation*
- B. BERGMANN, Vice-President of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Member of the Board of the Forum "Petersburg dialogue", Doctor of Law, Professor*
- V. M. BOER, Vice-Rector for teaching and educational work of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation*
- S. S. BRAZEVICH, Professor of St. Petersburg State University, Doctor of Social Sciences, Professor*
- N. V. BUGEL, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor*
- E. V. VOSKRESENSKAYA, Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor*
- I. I. YELISEYEVA, Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences*
- N. N. ZHIL'SKIY, Head of Department of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor*
- S. Yu. KOSAREV, Professor of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor*
- R. A. KOSTIN, Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor*
- A. V. MAL'KO, Director of the Institute of State and Law of RAS, Vice President of the Association of Law Schools of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation*
- Ya. A. MARGULYAN, Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor*
- A. A. MARKOV, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor*
- Yu. V. MISHAL'CHENKO, Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor*
- S. M. OGANESYAN, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor*
- A. K. SAAKYAN, Head of the Department of Armenian State Pedagogical University named after H. Abovyan, Doctor of Social Sciences, Professor, Member of the Academy of humanity problems (Republic of Armenia), Member of the International Professorial Association (UNIDO)*
- E. V. SILINA, Head of Department of Leningrad State University, Doctor of Law, Professor*
- S. A. TSYPLYAEV, Head of Department of Law of the North-West Institute of Management (branch of RANEPa), Ph. D. in Physical and Mathematical Science*

Editorial office:

44/A Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Phone: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Team of authors, 2018
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Е. В. Мороз, И. Л. Первова, В. Н. Келасьев.</i> Стратегии включения уязвимых групп населения в общество на примере пожилых людей и инвалидов трудоспособного возраста	6
<i>В. И. Колесов.</i> Концепция формирования духовно-нравственной личности ребенка в основе культурного развития потенциала в образовательной среде в современной России	17
<i>Р. А. Костин, И. О. Федорова.</i> Теоретические основы исследования процесса интеграции мигрантов	22
<i>А. Р. Аюбян, Е. А. Аюбян.</i> Демографические процессы и региональные социально-демографические проблемы в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (1991–2011 гг.)	28
<i>Л. В. Касаева, Н. Г. Романова.</i> Сравнительный анализ субъективных оценок качества жизни жителями Республики Северная Осетия — Алания	38
<i>Е. М. Чапаков, Г. В. Скорохватова, Т. Л. Трушина.</i> Социальная значимость формирования профессионально-педагогических умений студентов современного вуза	52
<i>Д. С. Джолдошева.</i> Демографические тренды в Киргизской Республике и других странах Центральной Азии	58
<i>Б. Р. Бердиев.</i> Влияние механизмов рынка на формирование социально-классовой структуры общества (история и современность)	64
<i>Н. В. Краснова.</i> Эмиграционная политика в мусульманских странах: социально-экономический и демографический аспекты проблемы	70
<i>Д. М. Шакирова.</i> Кибербуллинг в школьной среде	81
<i>С. У. Абдулхакимов.</i> Социальные основы развития системы управления и повышения профессионального интеллектуального потенциала молодежи ...	86
<i>М. Г. Цыпкина.</i> Управление профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда: системный подход	90

Право в жизни государства и личности

<i>Е. В. Воскресенская, Н. Н. Жильский, Э. А. Шаряпова.</i> Право застройки в современном гражданском и градостроительном законодательстве: необходимость реформы	98
<i>А. Н. Островский, В. А. Пимонов.</i> Обоснование направлений интеграции восстановительных технологий (в том числе медиации) в работу комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав	104
<i>Г. А. о. Агаев, А. В. Баженов, Е. А. Зорина.</i> Трудности антиалкогольного воспитания и проблемы антинаркотической профилактики у несовершеннолетних делинквентов в воспитательных колониях	116
<i>А. В. Кротов.</i> Свобода индивидуализации, либерализм, индивидуализм как основа права на частную жизнь в зарубежных странах	129

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>E. V. Moroz, I. L. Pervova, V. N. Kelas'yev.</i> The strategy of inclusion of vulnerable groups of the population in society on the example of elderly people and disabled people of working-age.....	6
<i>V. I. Kolesov.</i> The essence of the formation of spiritual and moral personality of the child at the heart of cultural development potential in the educational environment in the new society of Russia.....	17
<i>R. A. Kostin, I. O. Fedorova.</i> Theoretical basis of the study of integration process of migrants.....	22
<i>A. R. Akopyan, E. A. Akopyan.</i> Demographic processes and regional social-demographic problems in Saint-Petersburg and the Leningrad Region (1991–2011).	28
<i>L. V. Kasaeva, N. G. Romanova.</i> Comparative analysis of subjective assessments of the quality of life of residents of the Republic of the North Ossetia — Alania	38
<i>E. M. Chepakov, G. V. Skorokhvatova, T. L. Trushina.</i> Social importance of formation of professional and pedagogical abilities of students of modern higher education institution	52
<i>D. S. Djoldosheva.</i> Demographic trends in the Kyrgyz Republic and countries of Central Asia	58
<i>B. R. Berdiyev.</i> The impact of market mechanisms on the social-class structure of society (Past and Present)	64
<i>N. V. Krasnova.</i> Migration policy in Muslim countries: socio-economic and demographic aspects of the problem	70
<i>D. M. Shakirova.</i> Cyberbullying in the school environment.....	81
<i>S. U. Abdulkhakimov.</i> Social foundations of the development of the system of management and enhancement of the professional intellectual potential of the youth	86
<i>M. G. Tsypkina.</i> Management of professional mobility of youth in the labor market through systems approach	90

The Law in a State and Person Life

<i>E. V. Voskresenskaya, N. N. Zhil'skiy, E. A. Sharyapova.</i> The right of building in the modern civil and town-planning legislation: need of reform.....	98
<i>A. N. Ostrovskiy, V. A. Pimonov.</i> Justification of the directions of integration of recovery technologies (including mediations) in work of the commissions on Commissions on Juvenile Affairs and protection of their rights.....	104
<i>G. A. o. Agaev, A. V. Bazhenov, E. A. Zorina.</i> Difficulties of antialcoholic education and problem of counter-narcotics prevention at educational colonies	116
<i>A. V. Krotov.</i> Freedom of individualization, liberalism, individualism, as the basis of the right to privacy in foreign countries	129

Е. В. Мороз, И. Л. Первова, В. Н. Келасьев

Стратегии включения уязвимых групп населения в общество на примере пожилых людей и инвалидов трудоспособного возраста*

E. V. Moroz, I. L. Pervova, V. N. Kelas'ev. The strategy of inclusion of vulnerable groups of the population in society on the example of elderly people and disabled people of working-age

В рамках данной статьи рассматривается проблема включения в общество уязвимых групп на примере пожилых людей и инвалидов трудоспособного возраста. В статье дается теоретический обзор подходов к проблеме социального включения в России и за рубежом, рассматриваются основные стратегии социального включения, реализуемые в отношении исследуемых групп. Также в статье представлены результаты эмпирических исследований, проведенных на базе двух типичных социальных бюджетных учреждений Санкт-Петербурга и общественной организации «Дети войны». По результатам анализа теоретических материалов и социологического исследования авторы делают вывод об ограниченном характере реализуемых в настоящий момент стратегий включения в общество пожилых людей и инвалидов. Также отмечается, что хотя

This article deals with the problem of inclusion of vulnerable groups in society on the example of elderly and disabled people of working age. The article gives a theoretical overview of approaches to the problem of social inclusion in Russia and abroad, the main strategies of social inclusion, implemented in relation to the study groups. The article also presents the results of empirical research conducted on the basis of two typical social budget institutions of St. Petersburg and the public organization "Children of war". Based on the results of the analysis of theoretical materials and sociological research, the authors conclude about the limited nature of the currently implemented strategies of inclusion in society for the elderly and disabled. It is also noted that, although at the moment for the representatives of the studied groups it was possible to suc-

Егор Владимирович Мороз — магистр Санкт-Петербургского государственного университета.

Ирина Леонидовна Первова — преподаватель кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

Вячеслав Николаевич Келасьев — заведующий кафедрой теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

© Мороз Е. В., Первова И. Л., Келасьев В. Н., 2018

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-03-00859 «Социальная компетентность как фактор интеграции уязвимых групп населения в общество в современной России».

в настоящий момент для представителей исследуемых групп удалось успешно преодолеть социальную изоляцию, их социальная интеграция по-прежнему остается актуальной проблемой.

Ключевые слова: включение в общество; инклюзия; эксклюзия; пожилые люди; инвалиды; «Дети войны»; стратегия.

Контактные данные: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 9; (812) 464-60-86; egorstalker1@gmail.com.

cessfully overcome social isolation, their social integration remains an urgent problem.

Keywords: inclusion in society; inklyuziya; exclusion; elderly people; disabled people; "Children of war"; strategy.

Contact details: Smol'nogo Str. 1/3, the 9th entrance, St. Petersburg, Russian Federation, 191124.

На каждом этапе развития человеческого общества существовали исключенные группы: те, кто в силу различных ограничений, связанных с состоянием здоровья, расовой, национальной или этнической принадлежностью, религиозными или политическими взглядами, цветом кожи либо другими факторами переставал быть активным членом сообщества. Социальное исключение для них характеризовалось отсутствием ресурсов и прав, что негативно сказывалось на качестве их жизни и отражалось на обществе в целом.

Концепт социального исключения представляет собой идею о том, что человек попадает в разряд «уязвимых» по причине невозможности реализовать права: право на труд, медицинское обслуживание, образование, жилье. Ключевым моментом в концепции социального исключения является переход от экономических критериев к вопросу о возможности реализации прав индивидом или группой населения [1].

В противовес этому концепт социального включения представляет собой относительно новую парадигму, в рамках которой раскрываются проблемы бедности, стигматизации, нетерпимости, дискриминации, а также ущемления прав человека. При этом, поскольку социальное исключение понимается как один из основных критериев уязвимости, ему противопоставляется процесс социального включения, который может быть определен как процесс преодоления социальной изоляции, конечной целью которого является переход к социальной интеграции индивида.

В качестве наиболее уязвимых групп можно выделить пожилых людей и инвалидов. В силу целого ряда факторов, наиболее значимым из которых является состояние здоровья, эти группы имеют сильные тенденции к социальному исключению, вплоть до полной изоляции. Данные группы являются наиболее многочисленными: настоящий момент доля пожилых людей в российском обществе составляет 25% от общего числа населения [2]; в это же время число инвалидов в Российской Федерации превышает цифру в 12,6 млн человек, что составляет почти 10% от общего числа граждан страны [3].

Уязвимость данных групп населения в России значительно выросла в 90-е годы XX в.: ликвидация советской системы социального обеспечения, шоковые неолиберальные реформы и демонтаж идеологии привели к снижению уровня жизни и кризису самоидентичности миллионов людей. В настоящий момент данные группы по-прежнему остаются уязвимы. В силу изменений условий труда, жизни, развития медицины и науки увеличилась продолжительность жизни и сократилась смертность. Однако эти, казалось бы, положительные явления привели к тому, что число как пожилых, так и инвалидов неуклонно увеличивается, что в свою очередь повышает расходы на их обеспечение для государства. В условиях ограниченности ресурсов это приводит к тому, что государство вынуждено искусственно сокращать количество получателей материальной помощи: пример этому внесенный в Государственную Думу проект закона об увеличении

пенсионного возраста, который в случае реализации сократит число получателей пенсионных выплат и увеличит число налогоплательщиков.

Кроме того, как пожилые люди, так и инвалиды по-прежнему остаются подвержены социальному исключению: ограничения, связанные в первую очередь с состоянием здоровья, не позволяют представителями данных групп в полной мере реализовать свои права (например, право на труд), выстроить устойчивую и развитую сеть социальных контактов, а отсутствие безбарьерной среды и вовсе подчас превращает их в так называемых «узников квартир» — людей, не способных на протяжении долгого времени покинуть свое жилище. В результате страна ежегодно теряет десятки тысяч потенциально активных граждан, которые могли бы приносить пользу обществу.

В связи с этим особенно актуальным становится вопрос включения данных уязвимых групп в общество, который может быть определен как процесс преодоления социальной изоляции, конечной целью которого является достижение социальной интеграции. Исходя из этого, особый интерес представляет комплекс мер, в результате реализации которых осуществляется процесс включения уязвимых групп в общество. Такой комплекс мер определяется стратегиями включения уязвимых групп населения общество: долгосрочными планами действий по преодолению социальной изоляции и достижению социальной интеграции уязвимых групп, реализуемых в результате совместной деятельности как государственных, так и частных и общественных структур.

Говоря о международном опыте, стоит отметить, что идея о необходимости включения в общество занимает знаковое место среди направлений работы с уязвимыми группами населения в большинстве развитых стран мира. Однако причины социального исключения и, соответственно, методы, с помощью которых осуществляется противодействие этому процессу, весьма различны.

В рамках зарубежного опыта социальное обслуживание населения осуществляется в соответствии с одной из четырех основных концепций: социал-демократической, консервативной, католической и либеральной.

Социал-демократическая модель социального обслуживания предполагает распространение социальных услуг и социальной помощи на все слои населения. Данная модель применяется в скандинавских странах: Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии [4]. *Консервативная модель* предполагает, что в основе предоставления социальных благ должен лежать так называемый принцип «достижения» — вклад каждого члена общества в создание общественных благ является определяющим фактором для предоставления ему социальных услуг. Консервативная модель распространена в странах западной Европы: Англии, Франции, Германии, странах Бенилюкса.

Специфика *католической модели* заключается в опоре на местное сообщество. Данная модель использует принципы «ближней инстанции» и сетевого взаимодействия и апеллирует к этической составляющей проблемы уязвимых групп. Данная модель распространена в странах южной Европы — Италии и Испании.

В основе *либеральной модели* лежит представление о рыночных отношениях как об универсальном способе разрешить любые, в том числе и социальные проблемы. Данная модель предполагает максимальное усиление роли рынка в системе социальных отношений и значительное ограничение роли государства. Наиболее ярко она представлена в Соединенных Штатах Америки [Там же].

На основе анализа зарубежного опыта можно сделать вывод о наличии двух противоположных тенденций противодействия уязвимости отдельных

групп населения, в основе которых лежат различные представления о причинах уязвимости. В случае США в качестве причины уязвимости понимается низкий уровень благосостояния человека. В результате основные программы по противодействию уязвимости групп населения направлены на повышение объемов потребления материальных благ человеком и сводятся к предоставлению пособий и иных социальных выплат [5, с. 69], а также содействие трудоустройству определенных групп населения, в первую очередь за счет противодействия дискриминации [6, с. 97–99]. В то же время в Европе в качестве основного критерия уязвимости понимается подверженность индивида или группы социальному исключению, исходя из чего программы по противодействию уязвимости групп населения направлены на включение представителей данных групп в общественные процессы за счет развития инклюзивного образования, содействия трудоустройству, повышения доступности социальных и медицинских услуг.

В отличие от зарубежных государств Российская Федерация только начинает разрабатывать концепцию включения уязвимых групп населения в общество. В настоящий момент выделяют несколько основных стратегий в отношении уязвимых групп населения: это развитие безбарьерной среды, стационарзамещающие технологии социального обслуживания, развитие инклюзивного образования, содействие занятости клиентов, социальное сопровождение и создание терапевтических сообществ [7, с. 122].

Было установлено, для пожилых людей в Российской Федерации на данный момент характерно явление социального исключения. Оно характеризуется сокращением социальных контактов, вызванным как возрастными особенностями, так и социальными явлениями.

К возрастным особенностям можно отнести ухудшение состояния здоровья, изменение психологического состояния, снижение мобильности, апатию, самоизоляцию, что приводит к снижению адекватного восприятия, деформации в рефлексии и ухудшению в социальной адаптации. Снижение возможности адаптации к происходящим в обществе изменениям приводит к тому, что пожилой человек оказывается дезориентирован и лишен возможности активного социального участия. Кроме того, смерть родных и близких, неизбежно сопровождающая процесс старения, приводит к тому, что старые контакты стремительно уходят. Здесь же необходимо отметить гендерные различия: по причине более ранней смертности у мужчин количество социальных контактов для них в пожилом возрасте дополнительно сокращается. В то же время, по причине ухудшения состояния здоровья и связанных с ним апатии и тенденцией к самоизоляции, создание новых контактов у пожилых людей значительно осложняется.

К социальным процессам, влекущим социальное исключение пожилых людей, можно отнести утрату места работы в силу достижения пенсионного возраста, а также существующие в обществе проявления эйджизма и геронтофобии. В результате пожилые люди также оказываются лишены возможности в полной степени реализовать свои права и возможности, являться полноценными участниками общественных процессов. Также потеря трудоустройства приводит к снижению уровня доходов пожилого человека и вынужденному сокращению привычных форм и объемов потребления. Кроме того, эйджизм и связанные с ним поражения в правах приводят к снижению социального статуса пожилого человека. В результате возникает явление дискриминации пожилого человека: с одной стороны, в обществе формируется отношение к пожилому человеку как к субъекту, утратившему социальную компетентность, являющемуся обузой для общества; с другой стороны, ана-

логичное ощущение создается и у пожилого человека [8]. Возникающий конфликт между индивидом и обществом приводит либо к саморазрушению пожилого человека, либо к противопоставлению себя социуму [9, с. 2–4].

Стоит отметить гетерогенность группы «пожилые люди». Можно выделить внутри группы «пожилые люди» три подгруппы, основанные на возрастных показателях: это «пожилой возраст» — 61–74 года для мужчин и 56–61 год для женщин, «старческий возраст» — 75–90 лет для мужчин и женщин и «долгожители» — мужчины и женщины в возрасте свыше 90 лет. Для всех трех подгрупп характерно разное состояние здоровья, разные интересы и потребности [10].

Относительно включения пожилых людей в общество можно выделить несколько основных стратегий. В первую очередь — это *содействие трудоустройству*, в рамках которого пожилому человеку предоставляется возможность при его желании продолжить трудовую деятельность после официального выхода на пенсию. В качестве другой стратегии включения пожилых людей в общество можно выделить *развитие досугового направления*. Досуговые мероприятия, как и работа в общественных организациях, призваны заполнить вакуум, образующийся в жизни пожилого человека после прекращения трудового пути, помочь ему определить свое место и роль в обществе. Еще одной стратегией включения пожилого человека в общество является соответствующая работа общественных организаций и волонтерская деятельность. В настоящий момент в России существуют различные общественные организации, союзы, советы и другие структуры, объединяющие пожилых людей: Советы ветеранов войны, труда и правоохранительных органов, союзы жителей и детей блокадного Ленинграда, детей войны, тружеников тыла и иные объединения. Деятельность данных организаций весьма различна, однако они решают главную задачу включения пожилых в общество: формируют и помогают поддерживать необходимую сеть социальных связей и контактов пожилого человека, а также создают позитивное взаимодействие между ним и обществом.

В качестве отдельной стратегии включения пожилых людей в общество можно выделить *развитие системы дополнительного образования*. Получение новых знаний способствует повышению компетентности пожилого человека в современном обществе, позволяет организовать досуг и положительно сказывается на когнитивных способностях. Отдельно в этом направлении следует отметить освоение компьютера. Развитие информационных технологий в современном мире, цифровизация повседневной жизни приводят к тому, что человек, не владеющий современными техническими средствами, фактически оказывается не в состоянии стать полноценным участником процессов, происходящих в обществе [11, с. 15–17].

В отношении инвалидов было установлено, что одним из наиболее важных критериев уязвимости инвалидов является бедность. Порядка 70% инвалидов входят в категорию бедного населения [12, с. 120]. Как правило, это обусловлено отсутствием у инвалидов высокооплачиваемого и постоянного места трудоустройства. Как показывает практика, даже несмотря на официальное закрепление трудовых прав инвалидов в российском законодательстве (например, ст. 23 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ [13]), многие из них по-прежнему становятся жертвами трудовой дискриминации. Собственно, трудовая дискриминация заложена в самом определении инвалида как лица, утратившего или частично утратившего трудоспособность, что не позволяет эффективно бороться с таким явлением, как безработица в среде инвалидов.

Причины отказа в трудоустройстве инвалида могут быть различными. В некоторых случаях инвалиды не соответствуют параметрам желаемой должности — из-за низкого уровня развития системы профессиональной реабилитации инвалидов очень многие из них могут претендовать лишь на низкоквалифицированные работы [12, с. 120]. В то же время развитие технологий производства и автоматизация приводят к тому, что количество таких вакансий каждый год сокращается [14, с. 36]. Также причиной отказа может стать отсутствие доступной среды на рабочем месте. Несмотря на то, что наличие в трудовом коллективе инвалида предполагает наличие определенных налоговых льгот для предприятия, из-за бюрократических сложностей работодателю очень часто оказывается проще отказать инвалиду, чем адаптировать рабочее пространство к его нуждам [15, с. 128–130]. В результате многие инвалиды оказываются лишены как постоянного, так зачастую и временного места трудоустройства, что негативно сказывается на их финансовом благополучии. Помимо тяжелого материального положения и проблем с трудоустройством для инвалидов характерно явление социального исключения. Социальное исключение инвалидов наступает по целому комплексу причин. В первую очередь здесь необходимо отметить слабое развитие или полное отсутствие доступной среды, в результате чего инвалид оказывается физически лишен возможности активного участия в жизни социума. Ситуация осложняется тем, что инвалиды с разными проблемами здоровья имеют разные потребности по отношению к доступной среде, а следовательно, объекты инфраструктуры должны быть универсальны. В то же время отмечается, что состояние объектов городской инфраструктуры в целом ряде регионов России не отвечает не только потребностям инвалидов, но и трудоспособного населения [12, с. 121–123].

Другой причиной социального исключения инвалидов является их дискриминация со стороны общества. Дискриминация в отношении инвалидов может иметь явный и скрытый характер. Явная дискриминация проявляется в открытом неприятии или пренебрежении по отношению к инвалидам со стороны общества, создании препятствий в сфере трудоустройства. Скрытая дискриминация может проявляться в сокращении социальных контактов инвалида по инициативе его окружения, когда люди не хотят брать на себя «лишнюю нагрузку», сопряженную с заботой о нетрудоспособном человеке [16]. Также дискриминация может проявляться в грубом отношении к инвалидам в государственных и медицинских учреждениях, отказе в приеме в образовательные учреждения, занижении заработной платы [17].

Говоря о стратегиях включения инвалидов в общество, стоит отметить, что, хотя в некоторых аспектах они схожи со стратегиями включения в общество пожилых людей, имеется ряд принципиальных отличий.

Главной стратегией включения инвалидов в общество можно назвать *создание и развитие безбарьерной среды*. Включение в общество в условиях, когда индивид не имеет возможности свободно перемещаться в пространстве практически невозможно. Кроме того, отсутствие безбарьерной среды является серьезным препятствием для реализации других стратегий в отношении инвалидов: например, отсутствие возможности перемещаться в городском пространстве может стать серьезным препятствием для трудоустройства инвалида.

Другой стратегией в отношении инвалидов является их *трудоустройство*. Как уже указывалось выше, оно дает индивиду не только постоянный источник дохода, но и определенный социальный статус, а также увеличивает круг общения и позволяет самореализоваться как личности. По данным исследований А. Ю. Думбровской, 53% инвалидов назвали трудоустройство наиболее необхо-

димым видом социальной поддержки [18, с. 129–139]. Однако в настоящий момент в реализации данной стратегии имеются определенные сложности. По состоянию на 2016 г., всего 12,6% инвалидов трудоспособного возраста имели постоянное место работы [19, с. 46]. При этом отмечается, что в отношении инвалидов существует явление трудовой дискриминации, как при приеме на работу, так и в отношении заработной платы [Там же, с. 49].

Еще одной стратегией в отношении включения инвалидов в общество является *внедрение инклюзивного образования*. Особая важность инклюзивного образования для инвалидов заключается в том, что это дает им возможность пройти полноценный процесс социализации, позволяет максимально адаптироваться к обществу, почувствовать себя его полноценным членом. Кроме того, совместное обучение людей без отклонений здоровья и инвалидов позволяет повысить лояльность общества по отношению к последним, что будет способствовать снижению дискриминации в обществе и усилению интеграционных процессов. Отдельно может быть выделена *стратегия воздействия на общественное мнение* через СМИ и социальную рекламу. В рамках данной стратегии до основной части населения в доступной форме доносятся идеи о недопустимости дискриминации инвалидов, а также о том, что люди с инвалидностью имеют права и потребности, аналогичные людям без отклонений здоровья.

Несмотря на то, что включение в общество инвалидов и пожилых людей является одной из приоритетных задач для Правительства Российской Федерации, в ходе проведенного социологического исследования был выявлен ряд проблем, связанных с практической реализацией описанных стратегий.

В рамках эмпирического исследования были проведены экспертные интервью с сотрудниками двух типичных государственных социальных учреждений Санкт-Петербурга районного уровня для пожилых людей и инвалидов: Комплексного центра социального обслуживания населения Красносельского района и Центра социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Колпинского района «Поддержка». Отдельное исследование было проведено в Колпинском районном отделении Общероссийской общественной организации «Дети войны», где кроме экспертных интервью было проведено включенное наблюдение в рамках ежегодного отчетного собрания организации. В рамках исследования были определены практики включения пожилых людей и инвалидов, реализуемые в данных учреждениях. При этом были выявлены как достоинства, так и недостатки существующих практик.

По результатам исследования было установлено, что в отношении пожилых людей достаточно успешно реализуются стратегии включения в общество посредством организации досуга и вовлечения в деятельность общественных объединений. Общественные объединения могут выступать в качестве площадки для высказывания гражданской и политической позиции пожилого человека, а также удовлетворяют запрос на участие в волонтерской деятельности. Также было установлено, что для пожилых людей реализуются достаточно разнообразные практики, направленные на организацию досуга. В первую очередь, это организация культурно-массовых мероприятий: совместных посещений пожилыми людьми театров, музеев, поездки на экскурсии по пригородам Санкт-Петербурга или по центру города. Также в рамках деятельности КЦСОН Красносельского района существует достаточно большое число практик, направленных на организацию свободного времени пожилых людей. Это различные кружки и секции: трудотерапия, скандинавская ходьба, танцы, час поэзии, хоровое и сольное пение. Кроме того, в рамках дан-

ного направления действуют и образовательные программы: для пожилых людей организуются лекции на различные тематики. В рамках деятельности Колпинского отделения общественной организации «Дети войны» также были выявлены практики организации досуга пожилого человека: это проведение различных совместных поездок и экскурсий, еженедельные заседания правления районного отделения организации. Это отделение предоставляет возможность своим членам и возможность бесплатного дополнительного образования — прохождения курсов повышения компьютерной грамотности.

Помимо этого, в рамках исследования Колпинского отделения общественной организации «Дети войны» было установлено, что для многих членов организация выступает площадкой для обмена мнениями и высказывания своей гражданской позиции. Так, во время проведения отчетного собрания Колпинского отделения «Детей войны» 20 февраля 2017 г., участниками активно задавались вопросы главе администрации Колпинского района Санкт-Петербурга, касающиеся как проблем местного уровня, так и всероссийского и даже общечеловеческого характера. Членов Колпинского районного отделения «Детей войны» волновали проблемы переноса местоположения остановок общественного транспорта, отсутствия горячего водоснабжения на отдельных улицах города Колпино, внутривластной ситуации в Колпинском районе (вопрос о судьбе главы администрации ВМО город Колпино, находившегося на момент проведения отчетного собрания в СИЗО по подозрению о совершении грабежа). Также поступили вопросы о том, не является ли возврат к капиталистической системе предательством памяти героев войны; справедливо ли начисление столь высоких зарплат государственным служащим и депутатам; о необходимости компенсации пожилым людям лечения у стоматолога, расходов на коммунальные платежи и лекарства, бесплатной выдачи подгузников и гигиенических средств для лежачих больных пожилого возраста, требование прекратить практику «каникул» для работников социальных служб, когда клиенты вынужденно остаются одни на продолжительный промежуток времени (например, в новогодние праздники). Эти данные свидетельствуют о наличии у членов организации интереса к общественным и политическим процессам, происходящим как внутри Колпинского района, так и в масштабе Российской Федерации и всего человечества.

Однако, вместе с определенными успехами в рамках реализации данных стратегий, было установлено, что стратегия включения пожилых людей в общество через содействие трудоустройству в рамках деятельности государственных бюджетных учреждений на практике имеет формальный характер: проводится информирование пожилых людей о возможности трудоустройства, но само трудоустройство не осуществляется. Кроме того, в исследованном учреждении реализуемые практики охватывают преимущественно пожилых людей старше 70 лет.

Также в ходе исследования было выявлено наличие запроса у пожилых людей на участие в волонтерской деятельности. В рамках деятельности КЦСОН Красносельского района были описаны случаи, когда пожилые люди выступали в роли добровольных помощников как в рамках деятельности Центра, так и в различных жизненных ситуациях. Здесь стоит отметить участие пожилых людей в организации досуга клиентов Центра в качестве преподавателей. Для своих сверстников клиенты Центра проводят экскурсии, читают лекции, организуют мастер-классы, занимаются обучением танцам и хоровому пению. Кроме того, пожилые люди охотно помогают друг другу в бытовых вопросах — пожилые присматривают друг за другом, помогают в походах по

магазинам и аптекам, организуют совместные поездки в поликлиники и другие лечебные учреждения.

В отношении инвалидов были выявлены отдельные попытки создания терапевтических сообществ и практики организации досугового направления деятельности инвалидов. Так, в рамках деятельности ЦСРИДИ «Поддержка» клиенты ежегодно участвуют в различных творческих и спортивных мероприятиях. Можно отметить уникальный творческий фестиваль «Ижорские встречи», который проводится с 1998 г. В этом мероприятии ежегодно принимают участие несколько сотен человек из большинства районов Санкт-Петербурга. Проведение фестиваля занимают важное место в жизни Центра — подготовка начинается едва ли не за год до открытия, к самому мероприятию широко привлекаются волонтерские организации. В рамках фестиваля для лиц с ограниченными возможностями здоровья реализуется обширная творческая и культурно-развлекательная программа. На «Ижорских встречах» инвалиды имеют возможность раскрыть свой творческий потенциал, завязать новые социальные контакты.

Помимо «Ижорских встреч» клиенты «Поддержки» принимают активное участие в фестивале «Театр плюс я». В первую очередь это участники театрального кружка. Кружок занимает знаковое место в жизни Центра. Ежемесячно он проводит различные мероприятия, в рамках которых инвалиды готовят творческие номера, принимают участие в конкурсах и дискотеках. Кроме того, в рамках культурно-массового направления работы для клиентов Центра организуются еженедельные поездки в музеи Санкт-Петербурга, где для инвалидов организуются тематические экскурсии и мастер-классы.

Также в направлении досуга работает отделение адаптивной физической культуры. Данным отделением регулярно организуется участие инвалидов в различных спортивных соревнованиях. Было отмечено, что особой популярностью у клиентов «Поддержки» пользуются игры «дартс» и «бочче».

Однако на основании полученных данных можно сделать вывод, что, несмотря на относительно успешные попытки преодоления социальной изоляции инвалидов, их включение в реальные общественные процессы в настоящий момент не осуществляется. Кроме того, были выявлены проблемы, связанные с развитием безбарьерной среды и наличием в обществе дискриминации в отношении инвалидов, которая распространяется практически на все группы населения, включая родных и близких инвалидов, а также сотрудников центров по социальной реабилитации. В ходе исследования было отмечено, что родители инвалидов трудоспособного возраста часто негативно воспринимают попытки трудоустройства своих детей, а подчас и вовсе не относятся к ним как к полноценным личностям. Были описаны случаи, когда родственники (в первую очередь родители) не следили за соблюдением инвалидом правил личной гигиены, сознательно не покупали новую одежду, принуждая донашивать вещи до состояния полной негодности, не одевали инвалида согласно сезонным изменениям погоды. Кроме того, было установлено, что часто распространено и другое негативное явление: проживая с родственниками, инвалиды подвергаются гиперопеке и оказываются не в состоянии выполнять даже элементарные бытовые действия. Несмотря на то, что в Центре существует так называемая «тренировочная квартира», в рамках которой инвалиды могут практиковать бытовые навыки, в домашних условиях приобретенный опыт часто оказывается не востребован. Причина этому — действия родных и близких инвалида, в первую очередь родителей. Примечательно, что данное явление часто может быть вызвано не столько заботой о клиенте (гиперопека на бытовом уровне и индифферентное отношение к досугу инвалида могут

происходить одновременно), сколько стремлением к личному комфорту. Логика родственников при этом можно описать простым логическим заключением: «Вместо выстраивания подчас сложного взаимодействия с инвалидом проще выполнить все самостоятельно».

Кроме того, было установлено, что практики содействия трудоустройству инвалидов зачастую носят формальный характер и сводятся к постановке инвалида на учет биржу труда без реального трудоустройства: имеют место лишь единичные успешные случаи получения инвалидом рабочего места. При этом стоит отметить, что стратегия трудоустройства может быть применена не ко всем категориям инвалидов: если в случае с инвалидами с сохранным интеллектом был отмечен запрос на трудоустройство, то у инвалидов с нарушениями интеллекта такой запрос практически отсутствует. Осложняется реализация этой стратегии еще и тем, что инвалиды с нарушениями интеллекта могут выполнять лишь низкоквалифицированную работу, спрос на которую с каждым годом снижается.

По итогам исследования относительно включения пожилых людей были сделаны выводы о необходимости обобщения существующих в настоящий момент практик организации досуга, вовлечения в волонтерскую деятельность, развития межпоколенческого взаимодействия, результатом которого должна стать концепция включения пожилых людей в общество в формате нормативно-правового документа, реализация которой должна осуществляться посредством совместной деятельности государственных и общественных организаций. В рамках деятельности государственных бюджетных организаций необходимо внедрение практик, направленных не только на пожилых людей старшей возрастной группы, но и на пожилых людей в возрасте до 70 лет (например, образовательных программ, содействия трудоустройству, в том числе и в общественных организациях, развития волонтерского движения).

На основании проведенного исследования в отношении включения инвалидов в общество были сделаны выводы о необходимости развития безбарьерной среды, противодействия существующей дискриминации за счет разъяснительной работы с обществом и внедрения инклюзивного образования, содействия трудоустройству инвалидов (в том числе за счет развития государственно-частного партнерства и введения квотирования для инвалидов) а также определения включения инвалидов в общество как приоритетной задачи деятельности организаций, занимающихся социальной реабилитацией инвалидов.

На основании проведенного социологического исследования и анализа теоретических материалов можно сделать вывод о том, что в настоящее время в Российской Федерации стратегии включения уязвимых групп населения в общество применительно к пожилым людям и инвалидам реализуются в ограниченной степени (содействие трудоустройству подчас носит формальный характер, слабо развита безбарьерная среда), в результате чего осуществлено преодоление социальной изоляции, однако социальная интеграция данных групп по-прежнему остается актуальной проблемой.

Литература

1. Шабунова А. А. [и др.]. Эксклюзия как критерий выделения уязвимых групп населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2. С. 29–47.
2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2017 г.: бюл. // Федеральная служба государственной статистики РФ. [Электронный

- ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (дата обращения: 13.04.2018).
3. *Статистика инвалидности в России* // Платформа «Особенный банк». [Электронный ресурс]. URL: http://specialbank.ru/2016/10/18/stats_russia (дата обращения: 18.04.2018).
 4. *Лозолова Л. А., Немашкалова К. Г.* Анализ зарубежных моделей социальной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 1. С. 120–128.
 5. *Бейдина Т. Е., Бейдина А. Р.* Новые подходы к социальной политике в США // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 6. С. 63–73.
 6. *Назметдинов Р. Р.* Защита от дискриминации в Соединенных Штатах Америки // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2. С. 97–109.
 7. *Романьчев И. С., Феоктистова Н. А.* Стратегии общественной интеграции клиентов социальных служб // Приволжский научный вестник. 2013. № 10. С. 121–127.
 8. *The Cambridge Handbook of Violent Behavior and Aggression* / ed. by D. J. Flannery, A. T. Vazsonyi, I. D. Waldman. Cambridge: Cambridge University press, 2007. 817 p.
 9. *Вдовина М. В.* Жестокое обращение, насилие в пожилом возрасте и возможности их преодоления // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 1. С. 9–13.
 10. *Григорьева И. А.* Пожилой человек в современном обществе // Университет третьего возраста. [Электронный ресурс]. URL: <http://u3a.ifmo.ru/people-s/> (дата обращения 09.03.2018).
 11. *Мальшова Г. А.* О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. № 1. С. 15–17.
 12. *Больницкая А. Н.* Инвалиды и общество // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 119–127.
 13. *О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 18.04.2018).
 14. *Коллинз Р.* Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология. 2010. № 1. С. 35–50.
 15. *Чуксина В. В., Комиссаров Н. Н.* Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. № 1. С. 128–130.
 16. *Головкин С. Г.* Проблема дискриминации инвалидов в современном обществе // Омский научный вестник. 2008. № 5. С. 82–84.
 17. *Наберушкина Э. К.* Обзор социальных проблем инвалидности в контексте занятости, социальной политики и социальных дистанций // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 333–340.
 18. *Домбровская А. Ю.* Представления российских инвалидов о благоприятных условиях социальной адаптации // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 3. С. 129–139.
 19. *Демьянова А. В., Лукьянова А. Л.* Низкий уровень занятости инвалидов в России — результат дискриминации? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 3. С. 385–411.

В. И. Колесов

Концепция формирования духовно-нравственной личности ребенка в основе культурного развития потенциала в образовательной среде в современной России

V. I. Kolesov. The essence of the formation of spiritual and moral personality of the child at the heart of cultural development potential in the educational environment in the new society of Russia

В статье анализируется важная проблема развития личности будущего гражданина страны, преемственности поколений сквозь призму культурного развития в образовательном процессе. Сущность развития личности ребенка на современном этапе рассматривается не просто как процесс и результат качественных и количественных изменений, но как цель и результат познавательно-нравственного развития, процесс его «вращения» в человеческую культуру.

Ключевые слова: национальная доктрина; образовательная сфера; преемственность поколений; стратегия развития в воспитательном процессе.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44, лит. А; (812) 575-11-19; vi_kolesov@mail.ru.

In article the important problem of personal development of future citizen of the country, succession of generations through a prism of cultural development in educational process is analyzed. The entity of personal development of the child at the present stage is considered not just as process and result of high-quality and quantitative changes, but as the purpose and result of cognitive and moral development, process of its “rotation” in human culture.

Keywords: national doctrine; educational sphere; succession of generations; development strategy in educational process.

Contact details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 575-11-19; vi_kolesov@mail.ru.

Проведенные социологические исследования в третьем тысячелетии показали, что детство — это важнейший период становления личности, когда закладываются предпосылки гражданских качеств, развиваются представления о человеке, обществе, культуре [1]. Любовь к Родине необходимо воспитывать с ранних лет через ознакомление с традициями «своей» социокультурной среды — историко-культурными, национальными, географическими, природными особенностями своего региона [2; 3].

Актуальность проблемы познавательно-нравственного развития детей в XXI в. находит свое подтверждение в нормативно-правовых документах образовательной сферы. Так, в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года» подчеркивается, что «система образования призвана обеспечить... историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России» [4]. Кроме того, «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» среди при-

Владимир Иванович Колесов — профессор кафедры педагогики, психологии и переводоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

© Колесов В. И., 2018

оритетных направлений в сфере воспитания детей определяет развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества [5].

Существует множество концепций, технологий, парциальных программ, в которых представлено в разных объемах гражданское, патриотическое воспитание детей. В то же время данные программы не могут решить проблемы воспитания, образования и развития детей на краеведческом материале с учетом особенностей определенного региона.

В связи с этим обратимся к искусству костромского художника, писателя, автора сказок и поэта Ефима Васильевича Честнякова. Как он полагал, любовь к детям — это ключ ко всей творческой деятельности и пробуждению творческого начала в каждом человеке. Все его творчество пронизывает дидактическая нота, выражающая утверждение основной мысли: о добром отношении человека к человеку, о победе добра над злом, о пользе общего дела и труда, о всеобщем благополучии, достигаемом только коллективными усилиями. Посвятив всю свою жизнь строительству народной крестьянской культуры, Е. В. Честняков понимал ее как просвещение ума и души, которую не нужно строить заново: следует воспользоваться тем, что веками накоплено народной жизнью в быту, в верованиях, фольклоре, ритуале и внести во все это «художественность», т. е. элемент эстетической организации [6–8].

Обеспечение реализации регионального компонента воспитания, образования и развития творческих способностей детей на основе творческого наследия Е. В. Честнякова предполагает реализацию проекта, который решает следующие задачи: во-первых, приобщение детей старшего дошкольного возраста к культуре и традициям Костромской области через творчество Е. В. Честнякова на основе сотрудничества педагогов и родителей; во-вторых, формирование эстетической культуры, художественно-творческих способностей, осуществление социального развития детей старшего дошкольного возраста в художественно-эстетической деятельности (изобразительной, музыкальной, театрализованной) на основе творческого наследия Е. В. Честнякова; в-третьих, освоение педагогами новых подходов и технологий, способствующих формированию художественно-творческих способностей, эстетическому и социальному развитию детей старшего дошкольного возраста.

Проект включал в себя несколько взаимосвязанных этапов, направленных на решение поставленных задач. На первом этапе осуществлялся поиск и накопление материала о творчестве Е. В. Честнякова, обобщение опыта работы коллег в данном направлении, поиск партнеров и установление деловых контактов. Проведенное на начальном этапе анкетирование родителей воспитанников показало, что они мало знакомы с творчеством художника, поэта, сказочника Е. В. Честнякова, но, вместе с тем, заинтересованы в работе детского сада по ознакомлению детей с его творчеством. Была выявлена необходимость просветительской работы с родителями по данному вопросу, а также организации совместных мероприятий, в том числе экскурсий на различные выставки. Следующим этапом стало создание минимумея Ефима Честнякова, уточнение календарно-тематического планирования, разработка и реализация минипроектов по изучению творческого наследия художника.

С детьми были организованы экскурсии на выставку картин мастера в культурно-просветительский центр им. Ефима Честнякова, просмотр спектакля «Ефимкин фестиваль» в театре кукол. Знакомство с творчеством Е. В. Честнякова явилось богатейшим источником познавательно-нравственного потенциала развития каждого ребенка, способствовало формированию чувства причастности к художественному наследию прошлого, позволило увлечь изобразительным ис-

кусством. В совместной деятельности дети познакомились со сказками, стихами Е. В. Честнякова, рисовали и лепили по сказкам «Чудесное яблоко», «Иванушко», «Сергийушко», создавая «глинянки», рисуя картины, учились передавать свои впечатления. В веселых праздничных представлениях дети и вместе с ними зрители являлись активными участниками «Города Всеобщего Благоденствия», как и задумывал их автор — Е. В. Честняков.

Важным этапом явилось вовлечение родителей в жизнь группы, активное использование потенциала семьи в формировании познавательно-нравственных ценностей. Проведено родительское собрание на тему «Роль изобразительного искусства родного края в эстетическом развитии детей»; консультации: «Как посетить с ребенком музей», «Познакомить детей с творчеством Е. В. Честнякова», литературно-музыкальная гостиная «Художник сказочных чудес»; создан альбом «Е. В. Честняков, художник, сказочник, поэт», минигалерея картин Е. В. Честнякова; рекомендовано семейное чтение сказок Е. В. Честнякова.

В третьем тысячелетии ведущие ценности поменялись и приобрели другую окраску. Культура и нравственность остаются по своей сути основным стержнем в воспитании подрастающего поколения, культура имеет свои корни, свои традиции, и она в какой-то мере обуславливает процесс сохранения моральных устоев общества. Семья — ячейка этого общества, и взрослый человек должен понимать, что культура остается приоритетным аспектом в самом процессе воспитания и обучения ребенка. Весь личный опыт в семье переходит из поколений в поколения, т. е. по наследству, в ней осуществляется передача накопленного опыта взрослыми людьми детям, т. е. своего рода преемственность в культурном измерении.

Только культурные ценности могут быть мерилami, даже в политике, в экономике и, конечно же, в семье. В 90-е годы XX столетия экономические и социально-культурные ценности в России резко поменялись, и не в лучшую сторону. Это отразилось на всех сторонах жизни общества и государства. Воспитательный процесс стал терять актуальность в формировании личности школьников. Демократическая составляющая в обществе понизила свою значимость, а именно при отсутствии стратегии здесь появились социально-экономическая и психологическая тревожность среди населения, нравственность и духовность резко понизилась [9]. В связи с этим стали проявляться агрессивность и жестокость, увеличился процент среди учащихся с девиантным поведением. В процесс воспитания и обучения подрастающего поколения внедрился так называемый формализм, который на сегодняшний день занял прочные позиции в сознании молодого поколения. Формализм отразился и на духовно-нравственном воспитании и обучении детей в школе. Отчасти был нарушен духовно-нравственный потенциал в развитии ребенка и в культурном пространстве в целом.

В настоящее время нравственная культура находится на стыке этики и морали [10]. Можно рассматривать два аспекта в самой сущности понятия «нравственная культура»: культура — родовое понятие, а нравственность — основной аспект.

Само представление о нравственной культуре лежит в этимологии слова «культура». Оно происходит от латинского «cultura», т. е. возделывание земли, ее культивирование, изменения в природе под воздействием человека. После под этим термином стали понимать все, созданное человеком. Испокон веков культура, специфический способ ее формирования в процессе человеческой деятельности, являются продуктами материального и духовного труда людей, который выражается в духовных ценностях, в отношениях людей, включая передачу всего лучшего в процесс воспитания ребенка.

В начале XXI в. процесс духовно-нравственного воспитания ребенка, возвращения подлинной Личности, должен происходить в духовно-нравственном пласте культуры. Учитель, родители и сам ребенок должны участвовать в общем культурном воспитательном процессе, где осуществляется процесс привития и накопления духовно-нравственных ценностей. Подчеркивал значимость нравственности и культуры в воспитании школьников и В. А. Сухомлинский. Основной педагогической задачей великий педагог считал формирование у ребенка основ такой нравственной культуры, которая стояла бы выше западной, европейской культур и не теряла бы свою сущность, традиционность, чтобы дети стремились сами и с помощью взрослых к развитию таких компонентов, как осознание самого себя, принятие норм общечеловеческой нравственности, воспитание эмоциональных чувств, умение управлять своими эмоциями, желаниями, формирование побуждений в процессе деятельности, способность давать оценку своим поступкам [9]. По мнению многих ученых, нравственная культура человека — это общественная сущность самой личности, ее морально-нравственные качества, проявляющиеся в процессе общения с людьми, с миром в целом, в освоении и воспроизводстве нравственных отношений. Духовность и нравственность не зависят от эпохи, меняющихся ориентиров и мерил ценности. Воспитание молодежи является приоритетной задачей Российского государства, на основе государственной политики формируется конкретная политическая составляющая, направленная на воспитание и эффективное формирование всесторонне развитой личности, подготовку молодых специалистов-управленцев, на которых имеется социальный заказ в нашем обществе.

Сегодня ответственная задача ложится на культурный интеллектуальный потенциал молодежи как основного резерва развития общества. От молодежи зависит само качество жизни этого общества и судьба страны в целом. Исследования показали, что в XXI в. духовно-нравственное воспитание является основой образования школьников, в котором равно важные роли играют профессиональная ориентация и освоение базовых культурных и нравственных ценностей, создание индивидуального культурного потенциала школьников, в свою очередь способствующего накоплению потенциала развития образовательной среды и общества в целом. В основе этого лежит моральный настрой школьников в учебной деятельности на духовно нравственное воспитание [11]. Главным источником формирования в нравственных отношениях в школе выступают объективные взаимоотношения, которые помогают обретать знания в процессе образовательной деятельности и общения между учеником и учителем. В ходе учебного воспитания нравственные отношения переходят в нравственные качества личности, т. е. учитель является организатором, наставником в развитии нравственных приоритетов, направляя школьника на познание культурных ценностей. Духовно-нравственное воспитание ребенка во многом зависит как от средств и форм организации, так и от его характера, поступков, морального состояния, удовлетворения при получении знаний [4]. Должны быть учтены все факторы, которые влияют на духовно-нравственное воспитание учащихся. Без точно сформулированных целей и задач не будет достигнут результат — духовная направленность формирования личности ребенка.

По мнению специалистов, оценка воспитательного процесса в современных условиях остается на сегодняшний день спорной. Растут негативные явления в молодежной среде: алкоголизм, курение, употребление наркотиков, преступность, возникают новые формы асоциального поведения, обобщенно именуемые понятием «экстремизм», что настораживает и власть, и социум. Президент Российской Федерации уделил внимание ряду важных вопросов на X съезде уполномо-

моченных по правам ребенка в регионах РФ на тему «Формирование государственной политики в области воспитания детей». Приоритеты социальной политики — семья и общество, в котором все мы живем и формируем свою нравственную духовность, а защита прав и интересов детей, воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма и непреходящих духовных, моральных ценностей — основа нравственного благополучия в российском обществе и уверенного развития нашей страны. По мнению Б. Т. Лихачева, основа формирования личности, идейности, духовности, убежденности — это главная внутренняя составляющая, а именно диктат совести: автономность собственных мыслей и мнений, приоритет совестливости, верность убеждениям, давать честную оценку самому себе как основна духовной и социально-психологической ответственности в формировании личности [12]. На этой основе терпимость к инакомыслию и духовному противостоянию, заблуждениям других будет носить воспитательный характер.

Свою роль играет гибкость в процессе нравственного восприятия, мышления и памяти, поскольку нравственное сознание конкретизирует в личности ребенка идеи правды, справедливости и добра. Нравственные убеждения служат высоким и гуманным человеческим принципам, формируя высокодуховную личность и уважение человека к самому себе. Нравственный потенциал человека организуется в совокупности в философский продукт, квинтэссенцию материально-духовного и социального бытия человека — его «Личность» [2].

Духовное начало каждой личности в конечном итоге организует нравственный потенциал общества и составляет его основной стержень, выражаясь в самих принципах жизнедеятельности, обуславливает интеллектуальную и нравственную свободу, мораль и ответственность личности как таковой. Взаимодействие образовательной организации и семьи по развитию знаний о родном крае у детей на основе изучения творческого наследия местных деятелей культуры и искусства обеспечивает единство требований и согласованность усилий, необходимых для формирования у подростков общечеловеческих ценностей и реализации регионального компонента в обучении.

Литература

1. *Гражданско-патриотическое воспитание в дошкольном образовательном учреждении* / авт.-сост. Е. А. Позднякова. Волгоград: Учитель, 2008. 148 с.
2. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 104 с.
3. *Кузьмин Л.* Чудесное яблоко: рассказ о художнике Честнякове. М.: Детская литература, 1981. 96 с.
4. *Национальная доктрина образования в Российской Федерации*: утв. Постановлением Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 06.07.2018).
5. *Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года*: утв. Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 06.07.2018).
6. *Игнатьев В. Я., Трофимов Е. П.* Мир Ефима Честнякова. М.: Молодая гвардия, 1988. 221 с.
7. *Ильин А. И.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 263 с.
8. *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1993. Т. 1. 141 с.
9. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 29 с.

10. *Пути в избах: триптих о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове* / сост., авт. предисл. и коммент. Р. Е. Обухов. М.: МЦР; Мастер-Банк, 2008. 440 с.
11. *Маханева М. Д.* Нравственно-патриотическое воспитание дошкольников: метод. пособие. М.: ТЦ «Сфера», 2009. 96 с.
12. *Растим патриотов земли Костромской: метод. рекомендации для реализации государственной программы* / под ред. Г. В. Власовой. Кострома, 2005. 48 с.

УДК 314.15

Р. А. Костин, И. О. Федорова

Теоретические основы исследования процесса интеграции мигрантов

R. A. Kostin, I. O. Fedorova. Theoretical basis of the study of integration process of migrants

В данной статье рассмотрена проблема интеграции мигрантов через теоретические основы данного процесса. Авторами описываются теории ассимиляции, концепция «плавильного котла», концепция мультикультурализма и транснационализма. Рассматривая и анализируя каждую из теорий, они оценивают роль интеграции мигрантов для принимающего сообщества.

Ключевые слова: интеграция; миграция; теория ассимиляции; концепция «плавильного котла»; мультикультурализм; транснационализм.

Контактные данные: 191000, Санкт-Петербург, ул. Марата, д. 27; (812) 602-23-24; dept.pp@unecon.ru.

The problem of integration of migrants through the theoretical foundations of this process is analyzed in this article. The article describes the theory of assimilation, the concept of “Melting pot”, the concept of multiculturalism and transnationalism. The role of integration of migrants is evaluated through the analysis of each of the theories.

Keywords: integration; migration; the theory of assimilation; the concept of “Melting pot”; multiculturalism; transnationalism.

Contact details: Marata Str. 27, St. Petersburg, Russian Federation, 191000; (812) 602-23-24; dept.pp@unecon.ru.

Политические, экономические и социальные причины обусловили интенсификацию миграционных процессов России с 90-х годов XX в. Накопленные эмпирические и теоретические знания дают основания полагать, что характер и взаимодействие миграционных процессов оказывают существенное влияние на социально-экономические аспекты принимающей среды. Особенно остро в наше время встает проблема интеграции мигрантов, поскольку наблюдается прирост миграционных потоков, который в том числе затрагивает и Россию.

Процесс интеграции мигрантов сложен и неоднозначен. Сложность обусловлена в первую очередь самим объектом. Успешная адаптация и интеграция ми-

Костин Роман Алексеевич — профессор кафедры социологии и психологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор.

Федорова Ирина Олеговна — аспирант кафедры социологии и психологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Костин Р. А., Федорова И. О., 2018

грантов в России основывается на практическом понимании ряда факторов, имеющих непосредственное влияние на взаимоотношения социальных групп. К ним относятся политические, экономические, культурные и психологические характеристики принимающего населения и групп мигрантов. Успешная интеграция мигрантов, построенная на системных методиках, призвана способствовать снижению конфликтных противоречий во взаимодействиях с принимающим населением.

Согласно статистическим данным, миграционный прирост в городских поселениях и сельской местности Российской Федерации неуклонно растет. В табл. 1 приведены общие итоги миграции населения Российской Федерации [1].

Таблица 1

Численность и миграция населения в 2016 г.

	2015 г.			2016 г.		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
Городские поселения и сельская местность						
Миграция — всего	4 734 523	4 489 139	245 384	4 706 411	4 444 463	261 948
из нее: в пределах России	4 135 906	4 135 906	—	4 131 253	4 131 253	—
в том числе: внутрирегиональ- ная	2 053 058	2 053 058	—	2 041 392	2 041 392	—
межрегиональная	2 082 848	2 082 848	—	2 089 861	2 089 861	—
международная	598 617	353 233	245 384	575 158	313 210	261 948
в том числе: со странами СНГ	536 157	298 828	237 329	511 773	256 480	255 293
с другими зарубеж- ными странами	62 460	54 405	8055	63 385	56 730	6655

Миграционный прирост составляют в основном мигранты из стран СНГ (см. табл. 1). Из таблицы видно, что объективно число мигрантов продолжает расти, создавая необходимость более глубокого изучения проблемы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. В 2012 г. интеграция стала частью концепции миграционной политики России. Так, в Концепции государственной миграционной политики до 2025 г. установлено, что «важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации является создание условий для адаптации и интеграции мигрантов» [2]. Однако стоит отметить, что в социологической науке проблемы интеграции мигрантов исследованы недостаточно. Большинство работ, посвященных проблемам миграции, представляют собой социально-демографические, социально-экономические, социально-трудовые исследования, тогда как на фундаментальном уровне проблематика изучена мало.

В последнее время фокус внимания стал смещаться в сторону изучения взаимосвязей миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающее сообщество, изучению факторов, влияющих на процесс адаптации, проблемам толерантности принимающего сообщества.

Интеграция мигрантов в самом широком смысле представляет собой процесс установления оптимальных связей между относительно самостоятельными мало-связанными между собой социальными объектами (индивидами, группами, социальными классами) и дальнейшее их превращение в единую целостную систему, связанный с социализацией, аккультурацией, ассимиляцией, адаптацией [3, с. 41]. Для более глубокого понимания проблемы интеграции необходимо рассмотреть теоретические основы данного процесса.

Исследование интеграции мигрантов неразрывно связано с общими исследованиями процесса миграции, которые впервые были рассмотрены в работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе». Всю социальную жизнь индивидов авторы понимали как процесс адаптации: «Поведение есть адаптация к среде, и нервная система... есть развивающаяся адаптация» [4]. Томас и Знанецкий впервые предприняли анализ последствий миграционных процессов и адаптации мигрантов, опираясь на качественные методы. Миграционные процессы были широко представлены в Чикагской школе социологии. Так, Р. Парк разработал теорию ассимиляции мигрантов, согласно которой существует четыре этапа, формирующих собой суть общественной эволюции. Это конкуренция, которая неизбежна на первом этапе выстраивания контактов и знакомства мигрантов с новой средой. Второй этап — конфликт, соперничество. Далее следует аккомодация (или приспособление) и, наконец, завершающим этапом становится собственно ассимиляция в принимающее сообщество. Этот принцип в дальнейшем был положен Р. Парком в основу изучения миграционных процессов в США. Как результат процессов ассимиляции, по Р. Парку, формируется новый тип личности, так называемая «маргинальная личность», которая сохраняет и свойственные черты прежнего общества, и приобретенные черты, особенности нового образа жизни в новом обществе. Р. Парк также обосновал гипотезу о том, что интенсификация миграции отрывает людей от их родных традиций и помещает в маргинальное состояние [5].

Э. Берджес совместно с Р. Парком и Р. Маккензи в работе «Город» обосновал идею того, что миграция выступает показателем и ускорителем социальной мобильности. Подходы к изучению миграционных процессов Э. Равенштейна и его 11 миграционных законов явились базой для формирования множества иных научных подходов в изучении миграции: географический, объясняющий причины миграции воздействием географических факторов (К. Тейлор, Дж. Беккер), который впоследствии включил в себя социальные и экономические факторы (В. Кларк, П. Жеорж, Х. Джонс); экологический, принявший во внимание постепенность миграции (С. А. Стоуффер, Г. К. Зипф); поведенческий (Э. Ли) и системный, являющийся сейчас главным направлением в изучении миграции.

Милтон Гордон в своей книге «Ассимиляция в американской жизни», написанной в начале 1960-х гг., опирается на теорию Р. Парка. Так, М. Гордон выделяет семь этапов ассимиляции: аккультурация (принятие норм и ценностей), структурная ассимиляция (включение в институты принимающего общества), брачная ассимиляция (появление и распространение смешанных браков), идентификационная ассимиляция (связь меньшинства с большинством), поведенческая ассимиляция (отсутствие дискриминации в отношении меньшинства), ценностная ассимиляция (связана с отсутствием предрассудков) и гражданская ассимиляция (связана с отсутствием конфликта между внутренними представлениями индивида и ценностями принимающего общества) [6]. Здесь важно заметить, что в те годы ассимиляция представлялась

как единственный, естественный и неизбежный способ включения представителей иных культур в общество.

Гордон уделял большое внимание первым двум этапам — аккультурации и структурной ассимиляции. Согласно Гордону, аккультурация может происходить без других типов ассимиляции и может длиться бесконечно. Кроме того, каждый из подпроцессов может проходить в той или иной степени. Перечисленные семь этапов ассимиляции в синтезе Гордона представляют собой составной многомерный индекс ассимиляции, который может быть использован для определения степени ассимиляции группы в соответствии с индивидуальными и групповыми критериями. Таким образом, в работах Гордона приводятся спецификации эмпирических показателей ассимиляции, которые способствовали развитию количественных исследований в социологии в 1960-е гг.

Данные теории объединены общим термином «плавильный котел» (англ. *melting pot*), суть которой выражается в доминировании с точки зрения статуса и численности группы (англосаксонская культура в США), в которую должны были встраиваться и полностью заимствовать культурные и поведенческие аспекты меньшинства (мигранты). В национальном единообразии виделся залог национального единства. Однако в конечном итоге концепция «плавильного котла» показала свою несостоятельность, поскольку не учитывала многогранности миграционных процессов и ассимиляции.

Концепция «плавильного котла» была заменена новой парадигмой — «культурным плюрализмом», согласно которой необходимо сохранять культурную самобытность, язык и традиции, а не встраивать этнические группы и национальные меньшинства в единую массу. Глобальная смена концепции была отражена в работе Н. Глейзера и Д. Мойнихана «Вне плавильного котла» («*Beyond the Melting Pot*»), в которой авторы приходят к выводу о том, что этнические различия продолжают играть важную роль, несмотря на усилия, принятые в рамках «плавильного котла». Концепция ассимиляции уступила место идеям интеграции, мультикультурализма и транснационализма. Однако из поля зрения ученых она не исчезла: волна новых исследований ассимиляции началась в 90-х годах и была связана с именами А. Портеса, Р. Румбо, М. Чжоу, Р. Альба и В. Ни и рядом других ученых.

Пересмотренная теория ассимиляции в понимании Р. Альбы и В. Ни предполагает сокращение культурных и этнических границ между мигрантами и принимающим сообществом. Авторы не отрицают существование доминирующей культуры [7].

В ходе исследований А. Портес и М. Чжоу раскрывается понятие «сегментной ассимиляции», т. е. ассимиляции, учитывающей ряд характеристик мигрантов (этнических, социально-экономических, половозрастных, образовательных и др.) и определяющей, в каком сегменте принимающего общества определенная группа мигрантов может быть интегрирована. По мнению исследователей, процесс ассимиляции зависит от двух групп факторов: это характеристики принимающей среды и личные качества мигранта [8, с. 75]. Одним из наиболее важных выводов теории сегментной ассимиляции является пересмотренный взгляд на определение ассимиляции. Так, согласно данной теории, ассимиляция не является общим единым процессом, через который в обязательном порядке проходят все без исключения мигранты, а также их дети.

Следующей концепцией прошлого столетия в связи с объективными причинами роста миграции был мультикультурализм, предполагающий сохранение культурных и этнических различий. Концепция мультикультурализма в отношении адаптации и интеграции мигрантов допускает плюрализм куль-

тур, уважение прав этнических меньшинств, поддержка языка и культуры меньшинств. На государственном уровне проводится политика толерантности по отношению к меньшинствам. Одним из ярких примеров реализации данной политики является появление и распространение средств массовой информации, вещающих на языках меньшинств. На политическом уровне отсутствуют дискриминационные законы в отношении этнических меньшинств. От мигрантов же требуется базовое знание языка и истории принимающей страны. Признается право на этнические, культурные и религиозные различия, принимающее общество не требует ассимиляции и интеграции мигрантов для дальнейшего проживания на своей территории. Идея многонационального государства при проведении политики мультикультурализма подразумевает равные права и возможности всех этнических групп.

Концепция мультикультурализма приобрела особую популярность в Канаде, где мультикультурализм был признан официальной политикой страны, и ряде европейских стран. Проблематикой данной концепции занимались С. Вертовец, С. Вессендорф, П. Шеффер, Э. Гидденс. Однако в последнее десятилетие концепция была подвергнута критике. Так, в работе «Миграция и культурное, религиозное и языковое разнообразие в Европе: обзор проблем и тенденций» С. Вертовец и С. Вассендорф приводят основные аргументы критиков мультикультурализма [9]. Среди них обобщения о том, что почти все обсуждения мультикультурализма ведут к обсуждению процесса «этнизации», в качестве примера которого приводится тот аргумент, что поведение представителей этнических меньшинств опирается в первую очередь на культурные особенности, а уже во вторую очередь на социальные и другие аспекты. Также авторы обращают внимание на политический аспект, согласно которому мультикультурализм ограничивает возможность достоверно рассуждать о проблемах, так как любое высказывание о религиозных или этнических проблемах и противоречиях может быть расценено как проявление расизма.

Современный мультикультурализм существенно отличается от прошлого определения. Так, по мнению Я. Питерса, если ранее люди выбирали между кардинально отличающимися средами пребывания, то теперь, благодаря доступности путешествий и общению, мигранты перемещаются между несколькими поликультурными средами [10]. Схемы интеграции в глобальной мультикультуре разнообразны, поскольку становится возможна «гибкая аккумуляция».

В конце 90-х годов в Европе получила распространение новая концепция объяснения миграции и интеграции — транснационализм. Данная концепция, основываясь на объективных предпосылках повсеместного развития сети Интернет, интенсификации авиасообщений, развитии технологий для общения между людьми, говорит о том, что этнических групп и диаспор, о которых велись рассуждения ранее, больше не существует. Существуют транснациональные сети и сообщества. Мигранты в данной теории проявляют зависимость от контактов как в стране исхода, так и в новой среде. К примеру, мигранты, проживающие на территории другой страны, могут инвестировать в развитие бизнеса на родине. Транснациональные мигранты оказывают влияние как на принимающую страну, так и на страну исхода. Концепция транснационализма отражена в работах таких исследователей, как Н. Г. Шиллер, Н. Глазер, Д. Мойнихан и др.

Опираясь на существующие теории, можно сделать вывод о том, что интеграция мигрантов в принимающем сообществе по-прежнему остается острой

проблемой. По мнению В. И. Мукомеля, именно принимающее сообщество ответственно за мигрантов, их формальные права и возможность участия во всех основных сферах жизни, но также и сами мигранты должны участвовать в процессе интеграции без потери своей идентичности [11]. Для этих целей в Европе используется «Индекс миграционной политики» (MIREX), учитывающий 167 индикаторов интеграции мигрантов и позволяющий сравнивать интеграционную политику разных стран. Среди индикаторов, поделенных на восемь направлений, значатся доступ к рынку труда, образование, участие в жизни страны, долгосрочность пребывания, воссоединение с семьей, гражданство, доступность здравоохранения и защита от дискриминации.

Для успешной интеграции мигрантов необходимы равновесные усилия как принимающего общества на политическом, социальном и экономическом уровнях, так и со стороны самих мигрантов.

Литература

1. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 г.: бюллетень*. Вып. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 14.07.2018).
2. *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г.* Разд. III. П. 17.
3. *Дробижева Л. М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации: опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 332 с.
4. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. N. Y.: Dover Publications, 1958.
5. *Парк Р. Э.* Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. 1998. № 3. С. 167–176.
6. *Gordon M.* Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. N. Y.: Oxford University Press, 1964. 287 p.
7. *Alba R., Nee V.* Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration. Cambridge. Mass.: Harvard University Press, 2003. 359 p.
8. *Portes A., Zhou M.* The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. Vol. 530. P. 74–96.
9. *Vertovec S., Wessendorf S.* Migration and Cultural, Religious and Linguistic Diversity in Europe: An overview of issues and trends. Oxford: University of Oxford, Centre on Migration Policy and Society (COMPAS), 2004.
10. *Pieterse J. N.* Global Multiculture, Flexible Acculturation // Globalizations. 2007. Vol. 4. No. 1. P. 65–79.
11. *Мукомель В. И.* Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.

А. Р. Акопян, Е. А. Акопян

Демографические процессы и региональные социально-демографические проблемы в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (1991–2011 гг.)

A. R. Akopyan, E. A. Akopyan. Demographic processes and regional social-demographic problems in Saint-Petersburg and the Leningrad Region (1991–2011)

За исследуемый период проблемы депопуляции, а также старения населения коснулись страны в целом, а также Санкт-Петербурга и Ленинградской области в частности. С 1991 по 2011 г. численность населения Санкт-Петербурга сократилась на 425 тыс. человек, или на 9%, а Ленинградской области — на 44 тыс. человек, или на 2,5%. Такое сокращение численности населения в регионе вызвало сокращение трудовых ресурсов и отрицательно повлияло на социально-экономическое развитие города и области. Основные причина демографического кризиса, который отрицательно влияет на экономическое развитие региона — низкая рождаемость и высокая смертность. За 20 лет произошли коренные изменения в типе естественного воспроизводства населения. Россия в 1990-х гг. совершила второй демографический переход, вызванный не улучшением уровня жизни населения, как в высокоразвитых странах мира, а наоборот, глубоким и длительным социально-экономическим кризисом.

Ключевые слова: демографическая динамика; депопуляция; урбанизация; смертность; рождаемость; старение населения; миграция; статистика; регион.

Контактные данные: 191123, Санкт-Петербург, Захарьевская ул., д. 22; (812) 275-26-66; vatt-spb@mil.ru.

During the period under investigation, the problems of depopulation, as well as the aging of the population, affected the country as a whole, as well as Saint-Petersburg and the Leningrad Region in particular. From 1991 to 2011, the population of Saint-Petersburg fell by 425 thousand people, or 9%, and Leningrad region — 44 thousand people, or 2.5%. Such a reduction in the population in the region caused a reduction in labor resources and adversely affected the socio-economic development of the city and the region. The main cause of the demographic crisis, which adversely affects the economic development of the region, is low birth rate and high mortality. For 20 years there have been fundamental changes in the type of natural reproduction of the population. Russia in the 1990's made the second demographic transition, caused not by the improvement of the standard of living of the population, as in the highly developed countries of the world, but, on the contrary, by a deep and prolonged socioeconomic crisis.

Keywords: demographic dynamics; depopulation; urbanization; mortality; fertility; population aging; migration; statistics; region.

Contact details: Zakhar'evskaya Str. 22, St. Petersburg, Russian Federation, 191123; (812) 275-26-66; vatt-spb@mil.ru.

Демографическая динамика и социально-экономическое развитие находятся в тесной взаимосвязи. С одной стороны, население представляет спрос на товары и услуги, а с другой стороны, составляет предложение трудового ресурса: «На-

Александр Рафаэлович Акопян — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Военного института (инженерно-технического) военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, кандидат исторических наук, доцент.

Евгений Александрович Акопян — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Военного института (инженерно-технического) военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, кандидат социологических наук.

© Акопян Р. А., Акопян Е. А., 2018

селение и экономика представляют собой элементы единого социального организма, в котором выделить линии их взаимосвязи — „население — экономика“ и „экономика — население“ можно лишь с большой условностью» [1, с. 9]. Демографическая ситуация отражает специфику общества.

При этом политические и социально-экономические трансформации могут оказывать и резкие, катастрофические воздействия на демографические факторы, которые в стабильной ситуации воспринимаются как константы. Так, необходимость активного участия управляющей государственной системы в решении демографических проблем обнаружилась в чрезвычайной ситуации смены социально-экономической модели, которая происходила в СССР с 1985 г. и выразилась в распаде страны в 1991 г.

Коренное реформирование общества отразилось в резком изменении демографической ситуации, когда практически все показатели демографических процессов, характеризующие численность и движение, состав, структуру населения резко поменяли уровни и тенденции. В публикациях демографическое положение в России после распада СССР характеризовалось как «русский крест» [2, с. 5], т. е. пересечение графиков рождаемости и смертности, что привело к депопуляции страны (рис. 1).

Таким образом, собственно демографическая ситуация стала представлять угрозу депопуляции страны [4, с. 67; 5]. Хотя депопуляция представляла объект размышлений еще в эпоху Просвещения, в XVIII в., когда угроза уменьшения населения была связана с эпидемиями и войнами, в современном, т. е. индустриальном и урбанизированном, обществе вопрос депопуляции приобрел характер цивилизационной проблемы для промышленно развитых стран, проблемы сокращения населения в условиях бытового комфорта и развития технологий в рамках распространения социальной практики малодетности и постепенной смены двухдетной модели семьи в пользу однодетной.

Одной из объяснительных концепций, используемых для осмысления причин депопуляции, является модернизация общества, и прежде всего формирование урбанизированного образа жизни с его спецификой «атомизированного» индивидуального существования. Смена образа жизни от деревенского к городскому привела на индивидуальном уровне к тому, что экзистенциальная потребность в воспроизводстве резко сократилась. Как отмечает И. В. Бестужев-Лада, в сельском образе жизни ребенок с раннего возраста помогал родителям, в 10 лет он уже был способен заменить родителей в большинстве хозяйственных дел, к 15-летию создавал семью и к 20 годам сам становился родителем, выполняя одновременно роль «живой пенсии» для своих родителей [6, с. 288]. В «славные» послевоенные десятилетия непрерывного экономического роста в североамериканских и западноевропейских промышленно развитых странах впервые возникла проблема, связанная с предпочтением индивидуальных достижений и удобств в ущерб деторождению, возникновение, распространение и удешевление контрацептивных средств с развитием фармацевтической промышленности сделало возможным контроль над этой функцией.

Таким образом, члены общества одновременно сократили потребность в воспроизводстве и получили эффективные средства для сохранения полноценной жизни при одновременном контроле над зачатием и рождением детей. Надо отметить, что в СССР социальные нормы сохраняли ценностную систему деревенского образа жизни, поскольку индустриализация и проходившая параллельно в 1930-е гг. урбанизация страны резко наполнили города вчерашними сельскими жителями, которые, переехав в город, сохранили основные

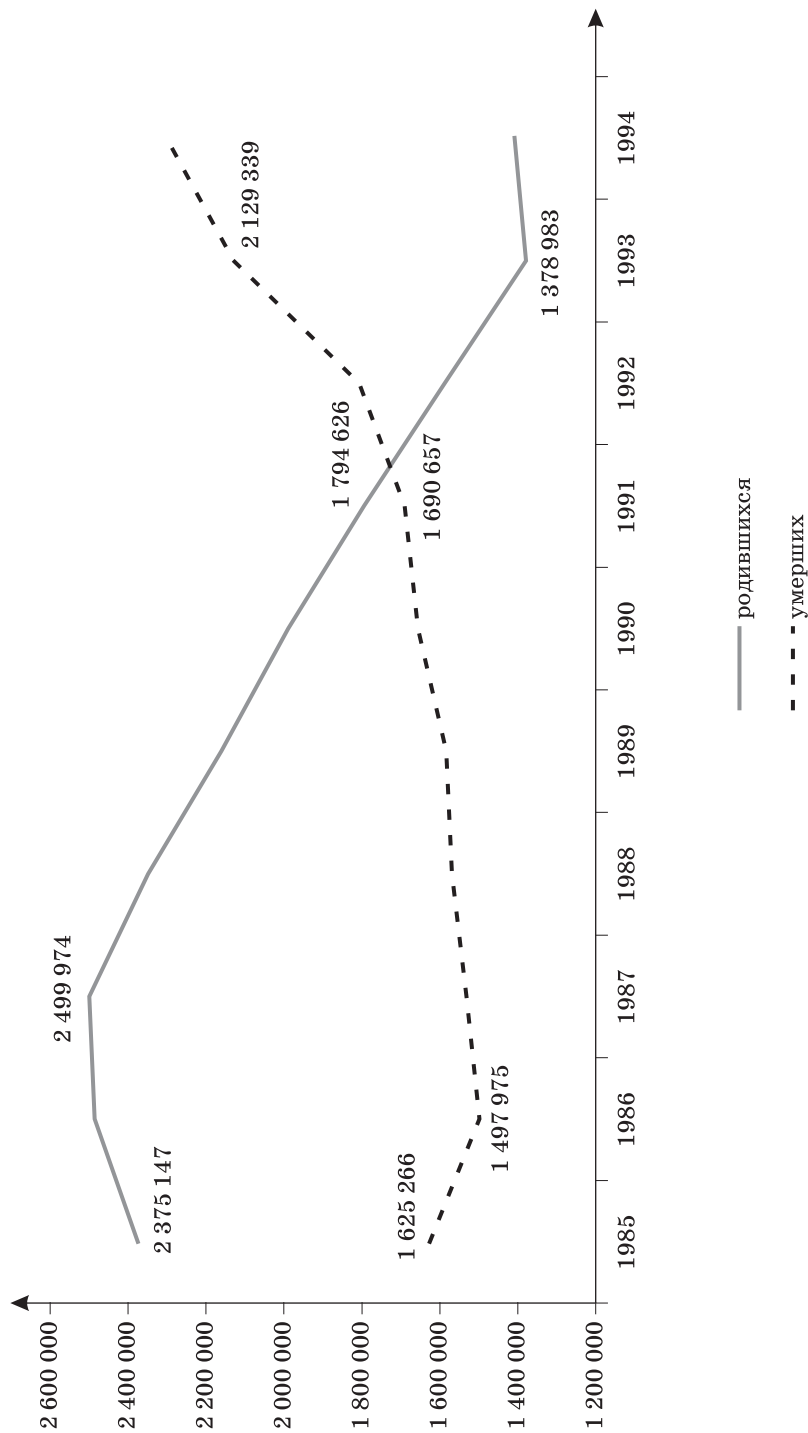

Рис. 1. Естественное движение населения РФ в 1980–1994 гг., получившее название «русский крест» [3, с. 68]

социокультурные характеристики, поведенческие модели и оценочные шкалы, свойственные деревенскому образу жизни [7, с. 145]. В результате переход к урбанизированному демографическому поведению произошел лишь со сменой нескольких поколений и, по сути, реализовался в полной мере лишь под мощным ударом социально-экономических трансформаций в период с 1985 г. по 1990-е гг.

В современных условиях под депопуляцией понимают такой уровень естественной убыли численности населения, при котором падение уровня рождаемости в стране или регионе превышает соответствующий уровень смертности, причем преодолеть депопуляцию за счет сокращения смертности на основе совершенствования здравоохранения или других мер геронтологии или безопасности принципиально невозможно, поскольку для замещения смерти одного человека в любом, даже очень преклонном возрасте необходимо, чтобы одна среднестатистическая женщина рожала не менее чем 2,1 ребенка.

Поэтому во второй половине XX в. вопрос о депопуляции, т. е. сокращении естественного прироста численности населения до уровней ниже, чем необходимые для простого воспроизводства численности населения, стали объектом демографической политики государств, прежде всего в Западной Европе. Западноевропейские страны столкнулись с такими проблемами, вызванными депопуляцией, как старение населения и увеличение роли и численности иммигрантов в обществе. Это, в свою очередь, стало приводить к конфликтам на почве перераспределения (в форме налогов на бездетность или льгот по налогам для лиц, имеющих детей, предоставления жилья многодетным семьям вместо выделения жилья заслуженным работникам и т. п.) между малодетными и многодетными семьями, расширение межнациональных и социальных конфликтов, поскольку иммигранты привносили свой стиль жизни, повседневные поведенческие модели и социокультурные нормы, стремились к получению льгот и привилегий, пособий, бесплатных или льготных благ, а также в управлении принявшей их страной. Изменения этнической структуры страны привели к проблеме национальной идентичности.

В то же время отказаться от иммиграции для руководства таких стран невозможно, поскольку процесс старения населения приводит к ситуации, когда страна нуждается в той части трудоспособного населения, которое будет обеспечивать пенсионные выплаты созданием адекватного объема валового внутреннего продукта.

Фактор сокращения возможностей естественного воспроизводства населения, депопуляции, вынуждает правительство страны разрабатывать не столько запретительные меры, сколько эффективную и сложную, дифференцированную систему регулирования объемов и темпа иммиграции. Так, в России естественная убыль населения в начальные «постперестроечные» годы, в 1993–1995 гг., еще полностью или почти полностью компенсировалась миграционным приростом, но в дальнейшем иммиграция в страну начала сокращаться, а естественная убыль численности населения достигла своих максимальных значений, составив в 2000 г. почти миллион человек (рис. 2).

Необходимо уточнить: статистика по миграционным потокам формируется на основе документов статистического учета прибытия и выбытия (листок статистического учета прибытия и листок статистического учета выбытия), которые составляются при регистрации или снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, при этом первичные статистические учетные документы на мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания, вне зависимости от срока пребывания не обрабатываются [3, с. 400; 9].

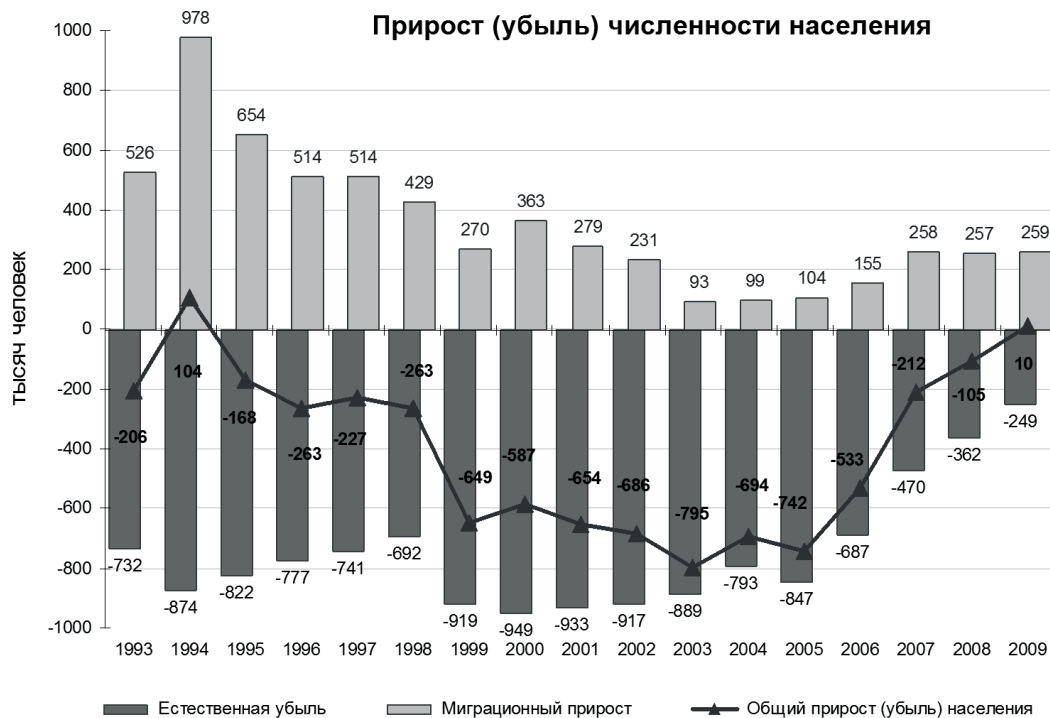

Рис. 2. Изменение численности населения за счет естественного движения и миграционной динамики, тыс. чел. [8]

Сокращение иммиграции в РФ за одно десятилетие более чем в 10 раз, с 978 тыс. человек в 1993 г. до 93 тыс. человек в 2003 г. свидетельствовало о том, что, те граждане СССР, которые оставались в других союзных республиках в момент распада Союза, за это десятилетие переехали в Россию, и социальная база иммиграции из стран ближнего зарубежья иссякла.

К примеру, в 1994 г., согласно данным ФГС РФ, из Армении в РФ приехало почти на 45 тыс. человек больше, чем выехало из РФ, причем миграционные потоки были достаточно значительны и в советский период (1983–1990 гг.), затем в 1995–1999 гг. они сокращались, но во второй половине 2000-х гг. они вновь выросли до весьма существенного уровня — более 30 тыс. человек в год в 2007–2009 гг. Таким образом, можно сделать вывод, что финансовый кризис 2008–2010 гг. не привел к сокращению иммиграции в РФ из Республики Армении, возможно, в некоторой степени даже стимулировал ее. Рассматривая российскую демографическую ситуацию, следует отметить, что ситуация несколько изменилась в 2000-е гг.

Кривые рождаемости и смертности с середины 2000-х гг. начали постепенно сближаться, что дает основания для прогноза гармонизации естественного движения, т. е. нового пересечения кривых, при котором рождаемость вновь начнет превышать смертность. Вместе с тем, как показывают многочисленные исследования, в том числе проводимые Федеральной службой государственной статистики РФ [8], рождаемость начала устойчиво расти с 2007 г. благодаря мерам государственной демографической политики по поддержке семей с детьми, причем, прежде всего, реализация государственных мер повлияла на решение семьи о рождении второго ребенка.

Так, статистические данные по суммарному коэффициенту рождаемости, т. е. количеству детей, которых в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости данного календарного года, показывают, что минимум суммарного коэффициента рождаемости был достигнут в 1999 г., когда на одну женщину приходилось 1,16 деторождений, а с 2007 г. пологий подъем кривой суммарного коэффициента рождаемости по РФ в целом сменился достаточно заметным и крутым взлетом — если в 2005–2006 гг. это был подъем с 1,287 до 1,296 рожденных ребенка на одну женщину, то в 2007 г. этот показатель составил 1,406 рождений, а в 2009 г. — уже 1,537 [3, с. 94]. Таким образом, этот усредненный показатель перешел величину в полтора рождения, и в среднем российская женщина рождает более полутора детей, т. е., выражая эту мысль в более деликатной форме, на 1000 женщин приходится 1537 рождений, что на 380 рождений или почти на треть (на 32,8%) больше, чем в 1999 г.

Санкт-Петербург и Ленинградская область являются одним из экономических центров России. Для эффективной работы мощного экономического потенциала региона необходимы квалифицированные специалисты и рабочие. Изменения общей численности населения региона, его возрастно-половой структуры, ухудшения качества подготовки инженерно-технического состава и рабочих отрицательно влияют на экономическое функционирование города и области. Регион испытывал бы нехватку трудовых ресурсов без приезда на заработки десятков тысяч трудовых мигрантов, в основном из стран СНГ (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Казахстан, Молдова, Беларусь и т. д.).

Но приезд трудовых мигрантов в регион не в состоянии полностью компенсировать проблемы демографического кризиса, негативно влияющие на экономическое развитие.

Во-первых, рост половой диспропорции среди населения региона в пользу женщин, так как смертность среди мужчин в возрасте старше 30 лет в 3,6 раза выше женской [10; 11, с. 29].

Во-вторых, высокий уровень заболеваемости (сердечно-сосудистые, онкологические, кожно-венерические и болезни дыхательных путей) всех возрастных групп населения региона.

В-третьих, уменьшение среди населения региона доли лиц моложе трудоспособного возраста и увеличение доли лиц пенсионного возраста (с преобладающей долей женщин). В 2011 г. пенсионеры составили 27,3% населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области [12], что свидетельствует о старении населения региона.

В-четвертых, сокращение среди трудовых ресурсов лиц с высокой квалификацией для работы в промышленном секторе (технический персонал, высококвалифицированные рабочие, инженеры). Данные профессии в настоящее время востребованы на рынке труда, в частности в области оборонно-промышленного комплекса и в целом в условиях модернизации экономики и создания инновационного пространства.

В-пятых, относительно высокая смертность от внешних причин, таких как дорожно-транспортные происшествия, пожары, отравления, производственный травматизм. Ленинградская область является одним из лидеров в РФ по смертности от внешних причин, так, в 2004–2008 гг. от внешних причин по официальным данным погибло в Санкт-Петербурге 32 192 человека, в области — 22 935 человек.

В-шестых, относительно высокий уровень детской и подростковой смертности в регионе, особенно в Ленинградской области.

Распад СССР, переход к рыночным отношениям, нестабильность финансовой системы, спад производства, дезорганизация рынка труда, рост преступности, отсутствие полноценной системы институтов социальной защиты населения отрицательно повлияли с 1991 г. на демографическую ситуацию.

Адаптация к новым условиям протекала неодинаково в демографических и социально-экономических группах населения. Значительная, прежде всего наиболее активная, достаточно высокообразованная и квалифицированная часть жителей региона воспользовались возникшей возможностью покинуть страну, причем в их число вошли люди как с техническим, так и гуманитарным образованием и профессиональной принадлежностью. Небольшая часть населения преуспела в организации предпринимательской деятельности. Но большинство населения вынуждено было бороться за выживание. Помимо реальных трудностей, крайне болезненной для населения оказалась обстановка неопределенности, неуверенности в будущем, высокая дифференциация населения по уровню материальной обеспеченности и социальному статусу. Численность населения с 1990 г. (5,01 млн человек) по 2008 г. (4,58 млн) сократилась в Санкт-Петербурге на 425 тыс., или на 9%, в Ленинградской области с 1,68 млн человек до 1,63 млн, т. е. на 44 тыс. человек, или на 2,5% [13, с. 10].

Соотношение мужчин и женщин в Санкт-Петербурге и области не претерпело существенных изменений и составляет около 45 и 55% в пользу женщин [14, с. 6].

Изменилось соотношение возрастных групп в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: доля лиц моложе трудоспособного возраста сокращается при одновременном увеличении доли лиц старше трудоспособного возраста. 30 лет назад каждый пятый житель региона был пенсионером, в настоящее время — каждый четвертый: в 1990 г. в Ленинграде 20,7% населения относились к группе лиц старше трудоспособного возраста, а в 2010 г. в Санкт-Петербурге 25,5% населения составляют лица этой группы (рис. 3).

Таким образом, по городу удельный вес населения моложе трудоспособного возраста, которое образует резерв человеческих ресурсов для будущего перспективного развития в горизонте 1–2 десятилетий, сократилась с 19,9% в 1990 г. до 12,9%.

В Ленинградской области ситуация сходная — доля лиц моложе трудоспособного возраста сократилась за истекшие 20 лет еще заметнее — с 23,3 до 13,2% (рис. 4).

После 2000 г. в экономике страны и региона произошел ряд позитивных изменений: оживление в производственной сфере, рост инвестиций, создание новых рабочих мест на открывающихся предприятиях, реализация целевых и региональных программ развития. Уровень и качество жизни населения региона стали повышаться, но по основным показателям остаются значительно ниже уровня стандартов качества жизни развитых стран. Финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., ухудшил качество жизни основной части населения Санкт-Петербурга и особенно Ленинградской области.

Надо отметить и положение региона в стране в целом. Так, по итогам учета рождаемости и смертности за 1990–2006 гг. естественная убыль населения наблюдалась в 69 регионах России. Санкт-Петербург по данному показателю занимал 61-е место среди субъектов РФ, Ленинградская область — 83-е место [15, с. 4]. Такое положение свидетельствует о неблагополучии в демографическом развитии Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Таким образом, статистические данные свидетельствуют, с одной стороны, об острой необходимости и актуальности разработки и применения целостной

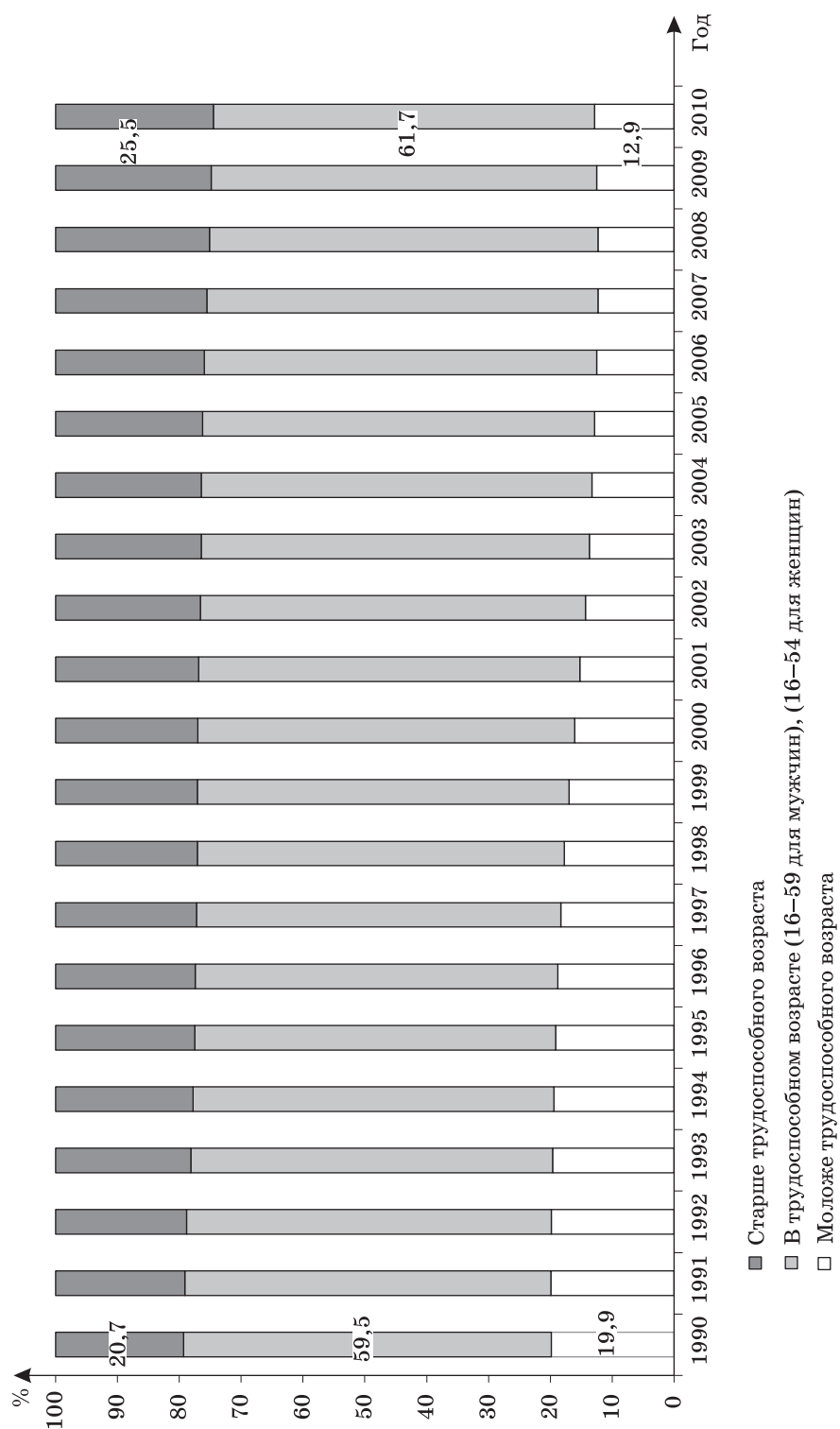

Рис. 3. Возрастная структура населения Ленинграда — Санкт-Петербурга по группам трудоспособности, 1990–2010 гг. [3, с. 91]

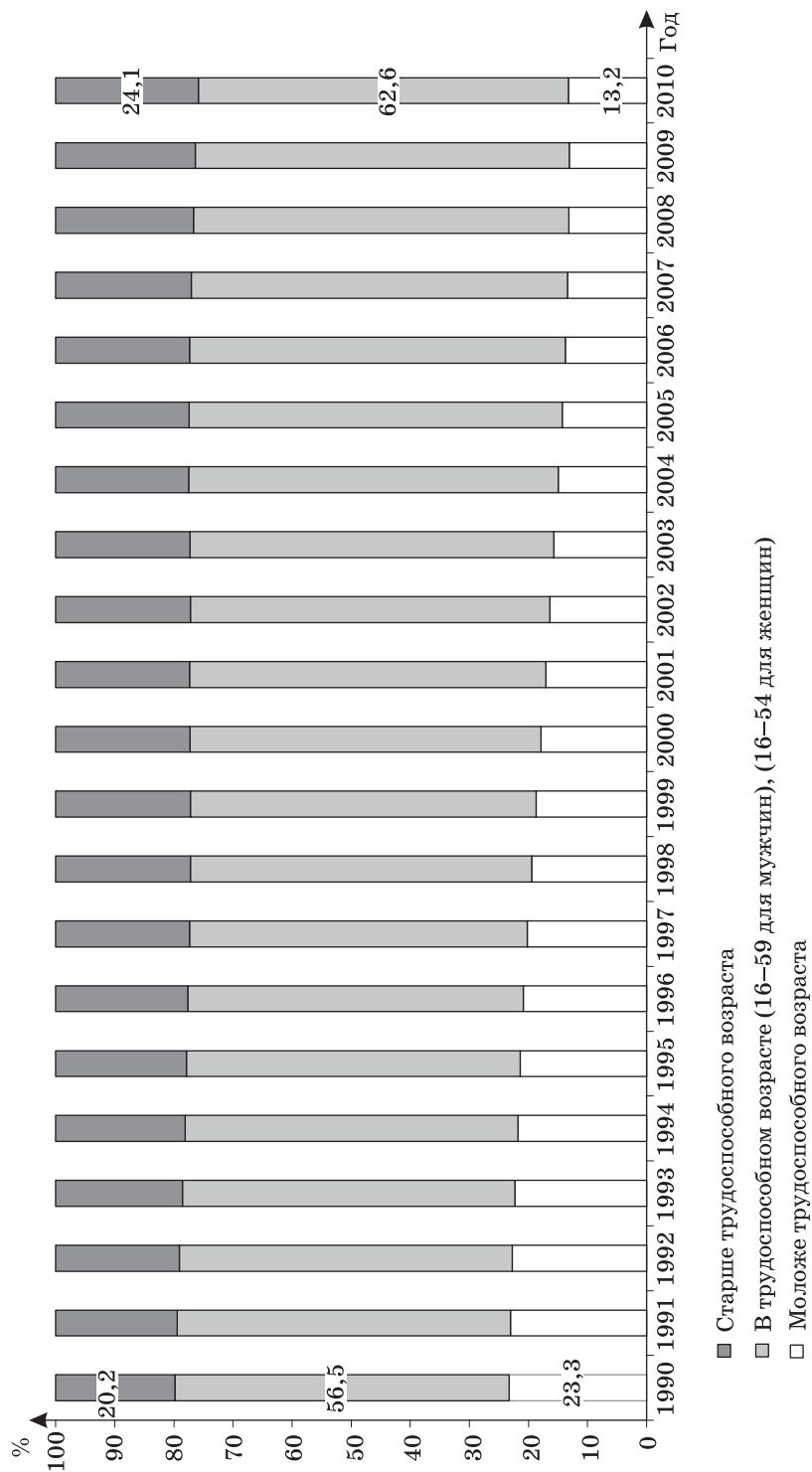

Рис. 4. Возрастная структура населения Ленинградской области по группам трудоспособности, 1990–2010 гг. [3, с. 94]

государственной демографической стратегии, а с другой стороны, об определенной эффективности тех отдельных мер, которые уже применяются в рамках государственной и региональной (городской и областной) политики для улучшения демографической ситуации на национальном, региональном и локальном уровне.

Литература

1. Халкечев М. Н. Демографическая дифференциация регионов России: динамика и развитие. М.: ЦСП, 2006. 224 с.
2. Римашевская Н. М. «Русский крест» // Природа. 1999. № 6. С. 3–10.
3. Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 525 с.
4. Антонов А. И. Депопуляция и кризис семьи в постсоветской России: кто виноват и что делать? // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 1995. № 2. С. 43–72.
5. Антонов А. И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2010. № 4. С. 134–150.
6. Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. М.: Алгоритм, 2003. 448 с.
7. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1999. 447 с.
8. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/free_doc/2010/demo/dem-sit-09.doc (дата обращения: 21.07.2018).
9. Демографический ежегодник России. 2001: стат. сб. / Росстат. М., 2002. 500 с.
10. Оперативная информация Петростата (территориального органа ФГС РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области) [Электронный ресурс]. URL: <http://petrostat.gks.ru/> (дата обращения: 19.07.2018).
11. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2008 г.: стат. сб.: офиц. изд. СПб.: ПЕТРОСТАТ, 2009. 163 с.
12. Отделения Пенсионного Фонда Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.pfrf.ru/ot_peter/ (дата обращения: 17.07.2018).
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009. 87 с.
14. Санкт-Петербург и Хельсинки: демографические проблемы и перспективы. СПб.: Хельсинки, 2008. 119 с.
15. О демографической ситуации в Санкт-Петербурге в 2006 г.: экон. докл. СПб.: ПЕТРОСТАТ, 2007. 39 с.

УДК 330.59(470.62/.67)

Л. В. Касаева, Н. Г. Романова

Сравнительный анализ субъективных оценок качества жизни жителями Республики Северная Осетия — Алания

L. V. Kasaeva, N. G. Romanova. Comparative analysis of subjective assessments of the quality of life of residents of the Republic of the North Ossetia — Alania

Данная статья посвящена сравнительному анализу субъективных оценок качества жизни жителями Республики Северная Осетия-Алания. Методом анкетирования авторами собрана и обработана информация в соответствии с разработанным инструментарием социологического исследования. Разработка анкеты, проведение социологического опроса и обработка полученных данных были выполнены в соответствии с традиционными методиками. В социологических исследованиях предусмотрены методы обработки эмпирических данных в программах SPSS 17.00 / SPSS 22.00 и Excel 2007. Результаты анкетирования представлены в табличном и графическом виде.

Ключевые слова: население; Северная Осетия; качество жизни; социологический опрос; респондент.

Контактные данные: 362021, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, 44; (938) 861-03-77; consequat@bk.ru.

This article is devoted to the comparative analysis of subjective assessments of the quality of life of the residents of the Republic of North Ossetia — Alania. The authors collected and processed information by the method of questioning in accordance with the developed tools of sociological research. The questionnaire design, sociological survey and data processing were performed in accordance with traditional methods. In sociological research provides methods of processing of empirical data the programme SPSS 17.00 / 22.00 SPSS and Excel 2007. The results of the survey are presented in tabular and graphical form.

Keywords: population; North Ossetia; quality of life; sociological survey; respondent.

Contact details: Nikolaeva Str. 44, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, Russian Federation, 362021; (867-2) 40-74-83; consequat@bk.ru.

В Республике Северная Осетия — Алания были проведены социологические исследования о качестве жизни населения и социально-экономической обстановке [1; 2, с. 84–125; 3] в 2014 и в 2017 гг.

Целью исследования явился анализ субъективных оценок качества жизни жителями Республики Северная Осетия — Алания.

Разработка анкеты, проведение социологического опроса и обработка полученных данных были выполнены в соответствии с традиционными методиками [4–6]. Эмпирические данные обрабатывались в программах SPSS 17.00 / SPSS 22.00 и Excel 2007.

Любовь Викторовна Касаева — преподаватель кафедры философии и социально-правовых дисциплин Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета), кандидат социологических наук.

Наталья Григорьевна Романова — соискатель кафедры философии и социально-правовых дисциплин Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета).

© Касаева Л. В., Романова Н. Г., 2018

Общеизвестно, качество жизни предполагает удовлетворение основных человеческих потребностей (труда, поддержания здоровья, отдыха и т. п.), чистую окружающую среду, личную и национальную безопасность, политические и экономические свободы и другие условия человеческого благополучия, трудно поддающиеся количественному измерению.

Основные сведения о респондентах, участвовавших в опросе, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные сведения о респондентах

№ п/п	Наименование показателя	2014 г.	2017 г.
1	Семейное положение	<ul style="list-style-type: none"> • холостые — 68%; • разведенные — 4%; • вдовствующие — 2%; • состоящие в браке — 22%; • состоящие в гражданском браке — 4% 	<ul style="list-style-type: none"> • холостые — 38%; • разведенные — 8%; • вдовствующие — 3%; • состоящие в браке — 44%; • состоящие в гражданском браке — 7%
2	Сфера деятельности	<ul style="list-style-type: none"> • индивидуальные предприниматели и коммерсанты — 12%; • работники правоохранительных органов — 8%; • госслужащие — 6%; • служащие сфер образования, здравоохранения, торговли и бытового обслуживания — 38%; • рабочие — 4%; • студенты — 24%; • пенсионеры — 2%; • безработные и домохозяйки — 6% 	<ul style="list-style-type: none"> • индивидуальные предприниматели и коммерсанты — 6%; • работники правоохранительных органов — 14%; • госслужащие — 7%; • служащие сфер образования, здравоохранения, торговли и бытового обслуживания — 9%; • рабочие — 11%; • студенты — 36%; • пенсионеры — 5%; • безработные и домохозяйки — 12%
3	Доход	<ul style="list-style-type: none"> • 2–5 тыс. руб. — 18%; • 5–10 тыс. руб. — 38%; • более 10 тыс. руб. — 18%; • 15–20 тыс. руб. — 8%; • более 20 тыс. руб. — 6%; • 30–40 тыс. руб. — 4%; • 40–50 тыс. руб. — 4%; • свыше 50 тыс. руб. — 4% 	<ul style="list-style-type: none"> • 2–5 тыс. руб. — 9%; • 5–10 тыс. руб. — 33%; • более 10 тыс. руб. — 19%; • 15–20 тыс. руб. — 22%; • более 20 тыс. руб. — 13%; • 30–40 тыс. руб. — 2%; • 40–50 тыс. руб. — 1%; • свыше 50 тыс. руб. — 1%

Респондентам было предложено дать качественные характеристики для оценки различных сфер жизни республики. Мнение респондентов относительно *различных сфер жизни* представлены в табл. 2–8.

Таблица 2

Как в целом вы бы оценили состояние вашего здоровья?

№ п/п	Показатель	2014 г.	2017 г.
1	Отличное	22%	9%
2	Очень хорошее	12%	15%
3	Удовлетворительное	54%	57%
4	Не удовлетворительное	12%	19%

В 2014 г. свое здоровье респонденты оценили как «отличное» — 22%, «очень хорошее» — 12%, «удовлетворительное» — 54%, а 12% считают его неудовлетворительным. Как видно из табл. 2, в 2017 г. оптимистичный настрой ответивших «отлично» снизился на 13%. Однако положительная тенденция наблюдается в ответах «очень хорошее» и «удовлетворительное» (+3% по группам соответственно). Количество неудовлетворенных своим здоровьем возросло до 19%. Как в 2014 г., так и в 2019 г., положительные ответы преобладают на отрицательными в соотношении 88 : 12% и 81 : 19% соответственно.

Душевное равновесие, ощущение комфорта, стабильности — важная составляющая современной городской жизни. В табл. 3 представлены ответы на вопрос «Оцените уровень вашего самочувствия в настоящий момент? (Душевное равновесие, ощущение комфорта, стабильности)».

Таблица 3

Оцените уровень вашего самочувствия в настоящий момент

№ п/п	Показатель	2014 г.	2017 г.
1	Наихудшее состояние	4%	2%
2	Плохое состояние	8%	9%
3	Удовлетворительное состояние	20%	19%
4	Хорошее состояние	46%	51%
5	Наилучшее состояние	22%	19%

Так, в 2014 г. наихудшее душевное состояние испытывали только 4% респондентов, удовлетворительное состояние — 20% опрошенных, число испытывающих наилучшее душевное состояние, ощущение комфорта, стабильности составило 22%, остальные респонденты (46%) выбрали «серединное» хорошее состояние. В 2017 г. респонденты оценили уровень самочувствия следующим образом: «наихудшее» у 2% (уменьшение вдвое по отношению к предыдущему опросу), «удовлетворительное» отметили 19% (уменьшение на 1% по отношению к предыдущему опросу), «хорошее и наилучшее состояние» — 70% (увеличение на 2% по отношению к предыдущему опросу). Таким образом, в целом в 2017 г. душевное состояние респондентов в обоих анализируемых периодах удовлетворительное: 12 : 20 : 68% (2014 г.) к 11 : 19 : 70% (2017 г.).

При ответах на вопрос «Как бы вы оценили свое здоровье сейчас по сравнению с тем, что было год назад?» респондентов, оценивающих свое здоровье в 2014 г. по сравнению с 2013 г., 20% указали ухудшение состояния. С данным фактом респонденты связывают ухудшение семейных отношений (4%), отношений с коллегами по работе и с соседями (6%), отношений с руководством на работе (10%). В 2017 г. респонденты оценили ситуацию следующим образом: доля отметивших улучшение «значительно лучше» возросла на 3% по сравнению с ответившими в 2014 г., а доля отметивших улучшение «несколько лучше» — возросла на 4%; положительным фактом является снижение доли «несколько хуже» (–6%). Группа людей, утверждающих, что их здоровье сейчас по сравнению с тем, что было год назад, осталась в пределах 60% — как при предыдущем опросе в 2014 г.

Таким образом, в целом в 2017 г. мнение респондентов в обоих анализируемых периодах удовлетворительное: 80 : 20% (2014 г.) к 86 : 14% (2017 г.).

Респонденты в 2017 г. отметили по степени влияния негативные аспекты, послужившие к ухудшению их самочувствия: снижение социального статуса и места в обществе (9%), сложные семейные отношения (7%) и отношения с соседями (6%), а также наихудшие отношения с руководством на работе (5%).

В табл. 4 представлены ответы на вопрос «Насколько вы *довольны своей работой?*».

Таблица 4

Насколько вы довольны своей работой?

№ п/п	Показатель	2014 г.			2017 г.		
		Дово- лен (-на)	Вполне удовлетво- ряет	Не дово- лен (-на)	Дово- лен (-на)	Вполне удовлетво- ряет	Не дово- лен (-на)
1	Уровень оплаты труда	14%	24%	62%	13%	31%	56%
2	Уровень квали- фикации	26%	52%	22%	31%	48%	21%
3	Возможность карьерного роста	32%	24%	44%	27%	24%	49%
4	Занимаемая должностью	40%	34%	26%	33%	38%	29%
5	Отношения с работодателем	48%	38%	14%	44%	38%	18%
6	Отношения с коллегами	62%	24%	14%	57%	32%	11%
7	График рабочего времени	41%	43%	16%	38%	45%	17%

Как видно из табл. 5, респонденты в 2014 г. оказались наименее довольны уровнем оплаты своего труда (62%). На втором месте недовольство вызвано отсутствием карьерного роста (44%). Практически четверть опрошенных недовольны занимаемой должностью (26%). Стоит отметить, что отношениями с коллегами (62%), отношениями с работодателем (48%) и занимаемой должностью (40%) довольны значимая часть респондентов. Также положительными показателями являлись такие выделенные, как «уровень квалификации» (52%), «занимаемая должность» (34%) и в равной степени «возможность карьерного роста» (24%).

Таким образом, количество довольных/удовлетворенных респондентов при ответе на вопрос «Насколько вы довольны своей работой?» в 2014 г. превалирует над недовольными: по уровню квалификации 78/22%; по возможности карьерного роста 56/44%; по занимаемой должности 74/26%; по отношению к работодателю 86/14%; по отношению к коллегам 86/14%; относительно графика рабочего времени 86/16%; кроме уровня оплаты труда 38/62%.

В 2017 г. респонденты отметили отрицательными ответами вопросы касательно оплаты труда (56%) и невозможность карьерного роста (49%). Так же недовольство вызывает занимаемая должность (29%). Рост положительных ответов наблюдается по следующим позициям: доволен (-на) — «уровень квалификации» (+5%); вполне удовлетворяет — «уровень оплаты труда» (+7%), «занимаемая должность» (+4%), «отношения с коллегами» (+8%), «график рабочего времени» (+2%).

Таким образом, в 2017 г. количество довольных/удовлетворенных респондентов при ответе на вопрос «Насколько вы довольны своей работой?» превалирует над недовольными: по уровню квалификации 79/21%; по возможности карьерного роста 51/49%; по занимаемой должности 71/29%; по отношению к работодателю 82/18%; по отношению к коллегам 89/11%; относительно графика рабочего времени 83/17%; и, соответственно, увеличение недовольства относительно уровня оплаты труда 44/56%.

Большинство респондентов в 2014 г. были вполне удовлетворены такими параметрами уровня жизни, как качество питания и одежды.

При выборе из списка не менее трех наименований продуктов респонденты отметили, что мясо и мясопродукты, рыба и рыбопродукты, молоко и молочные продукты приобретают чаще всего, несмотря на изменение цен в обоих анализируемых периодах. При этом в 2014 г. по степени значимости покупок респонденты отметили хлеб и хлебобулочные изделия (32%), мясо и мясопродукты (24%), молоко и молочные продукты (18%). Картофель, овощи (бахчевые) и яйца в равной степени важны для потребителей. В 2017 г. следует отметить рост спроса на молочные продукты (+1%), рыбопродукты (+1%), сахар и кондитерские изделия (+2%) и овощи (+2%). Как видно из таблицы, на 9% снизилось потребление мяса и мясопродуктов, а также на 1% фруктов и ягод.

Пункты общественного питания в городе пользуются популярностью. *Качество торгового обслуживания* (пункты общественного питания) респонденты оценили следующим образом:

- 1) заявили о низком качестве 14% в 2014 г. и в 18% в 2017 г.;
- 2) среднего качества — это отметили 58% в 2014 г. и 57% в 2017 г. соответственно;
- 3) отметили высокое качество только 16% населения в 2014 г. и 14% в 2017 г.;
- 4) категорически не пользуются данной услугой 10% в 2014 г. (2% воздержались от ответа) и в 11% в 2017 г.

В табл. 5 представлены ответы на вопросы «Как вы оцениваете качество торгового обслуживания?».

Таблица 5

Как вы оцениваете качество торгового обслуживания?

№ п/п	Показатель	2014 г.			2017 г.		
		Торговля продуктами питания	Торговля промышленными товарами	Пункты общественного питания	Торговля продуктами питания	Торговля промышленными товарами	Пункты общественного питания
1	Высокое качество	26%	16%	16%	28%	27%	14%
2	Среднее качество	58%	68%	58%	56%	57%	57%
3	Низкое качество	10%	12%	14%	14%	15%	18%
4	Затрудняюсь ответить	6%	4%	2%	2%	1%	—
5	Не пользовался услугой	—	—	10%	—	—	11%

Торговля промышленными товарами в 2014 г. удовлетворяла население по качеству (среднее качество отметило 68%), а вот торговля продуктами питания находилась на более низком уровне (среднее качество отметило 58% респондентов), как и пункты общественного питания. В 2017 г. пропорции в ответах опрошенных сохранились в пределах ответов 2014 г.

Респондентам было предложено расставить не менее трех показателей по степени важности расходов своей семьи. Расходы на питание имеют самое важное значение для горожан, затем респонденты по степени важности отмечают рас-

ходы на непродовольственные товары (одежду, бытовую технику и т. п.), оплату услуг, а расходы на отдых и культурные мероприятия может позволить себе только десятая часть опрошенных, хотя треть отметили, что это значимо для их семей. Алкогольные напитки покупает половина опрошенных.

Расходы на отдых и культурные мероприятия респонденты отметили как «менее значимые» по степени важности из перечисленных пунктов (8% в 2014 г. / 10% в 2017 г.), но регулярные (22% в 2014 г. / 29% в 2017 г.).

Также необходимо отметить возрастание расходов на питание и затрат на связь / Интернет: с 29 до 32%, а также с 9 до 13% соответственно. Расходы на Интернет по степени важности оценены достаточно высоко (46% в 2014 г. / 53% в 2017 г.). Опрос показал, что расходы на предметы роскоши как «самое важное» подчеркнули 5% в 2014 г. и лишь 1% в 2017 г.

На рис. 1 представлены результаты сравнений мнений респондентов 2014 и 2017 гг. относительно важности расходов.

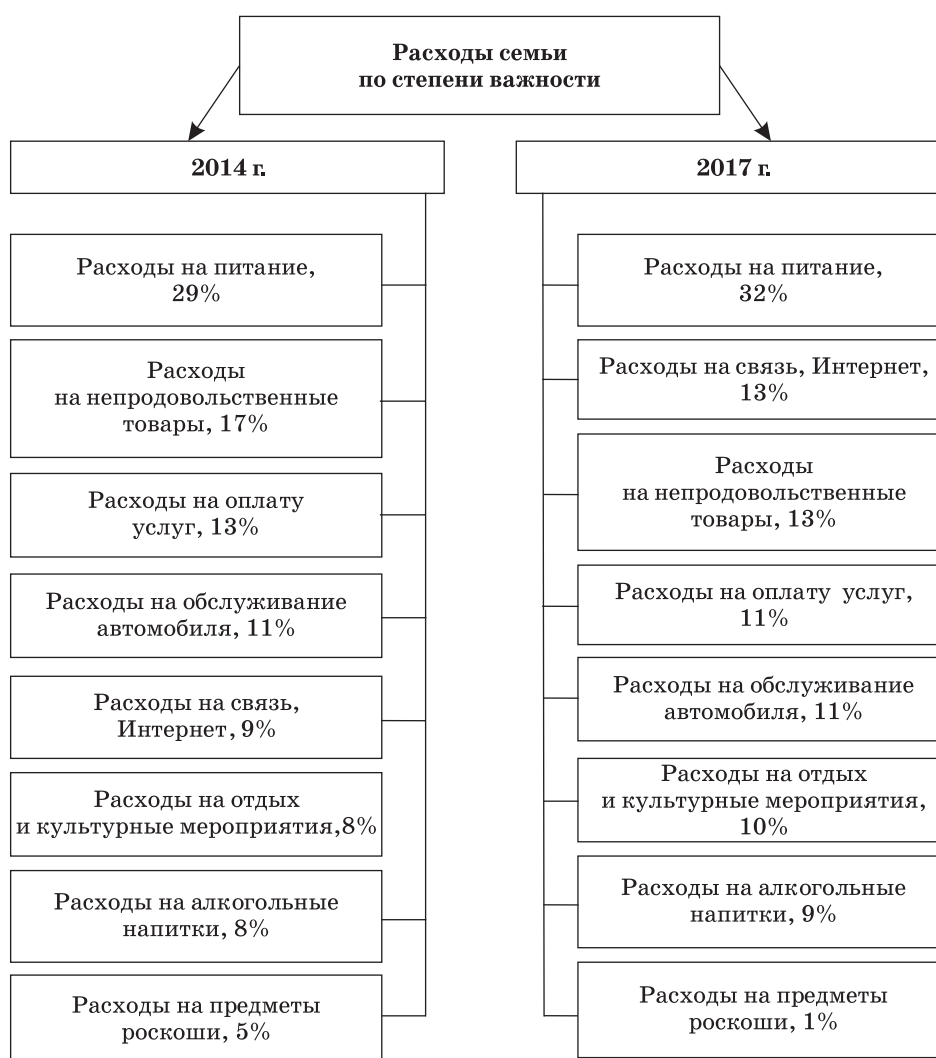

Рис. 1. Результаты сравнений мнений респондентов 2014 и 2017 гг. относительно важности расходов

К числу показателей качества социальной сферы относится *удовлетворенность населения услугами здравоохранения*. Необходимо отметить, что 31,5% (низкое качество по шести позициям $189 : 6 = 31,5$ и 32 в 2017 г.) опрошенных не удовлетворены системой обслуживания, также 44,6% ($(32 + 52 + 50) : 3 = 44,6$) в 2014 г. и 40% в 2017 г. — качеством обслуживания в государственных медицинских учреждениях. Низкое качество услуг поликлиник в 2014 г. отметили 32% респондентов, больниц — 52%, родильных домов — 24%, аптек — 6%, скорой помощи — 44%, детских молочных кухонь — 8%. Жителей не устраивают квалификация врачей и техническая оснащенность медицинских учреждений. В 2017 г. наблюдается смещение мнений в положительную сторону относительно услуг, оказываемых больницами (высокое +3, среднее +9), услуг родильных домов (высокое +3, среднее +15) и услуг скорой помощи (среднее +7). Но следует привести и динамику мнений респондентов, отметивших ухудшение оказываемых услуг со стороны поликлиник (+6), больниц (+2), аптек (+14), детских молочных кухонь (+3).

Примечателен отрицательный факт : 78% населения в 2014 г. отметили, что не могут позволить себе приобрести путевки в санаторно-курортные учреждения. Таких респондентов в 2017 г. оказалось порядка 79%.

В табл. 6 представлены ответы на вопросы «Как вы оцениваете качество образования?».

Таблица 6

Как вы оцениваете качество образования?

№ п/п	Показатель	2014 г.					2017 г.				
		Высокое качество	Среднее качество	Низкое качество	Не пользовался услугой	Затрудняюсь ответить	Высокое качество	Среднее качество	Низкое качество	Не пользовался услугой	Затрудняюсь ответить
1	Дошкольные образовательные учреждения	10%	58%	12%	12%	8%	13%	60%	14%	10%	3%
2	Школьные образовательные учреждения	10%	64%	12%	10%	4%	7%	57%	35%	—	1%
3	Средне-специальные образовательные учреждения	4%	54%	14%	23%	5%	9%	63%	14%	14%	—
4	Высшие образования образовательные учреждения	4%	58%	34%	2%	2%	7%	59%	30%	1%	1%

Следует отметить, что в 2014 г. 58% опрошенных были удовлетворены полученным высшим образованием, но только 4% отметили, что смогли получить высшее образование высокого качества. Гораздо лучше обстоит дело, по мнению респондентов, в дошкольных образовательных учреждениях (яслях, детских садах) — это отметили 58%. Школьные образовательные учреждения последнее время предоставляют некачественные услуги — в этом уверены 12% населения, «среднего качества» — придерживаются 64%. При опросе о средне-специальных образовательных учреждениях (лицеях, колледжах, техникумах) респонденты не

только не смогли сформулировать ответ (5%), но часть респондентов вынесли решение, что указанные учреждения не отличаются качеством образования в настоящее время (14%). В 2017 г. наблюдается изменение мнений респондентов относительно качества услуг, оказываемых дошкольными образовательными учреждениями (высокое +3, среднее +2) и средне-специальными образовательными учреждениями (высокое +5, среднее +9). Отрицательным фактом является увеличение мнений о качестве услуг школьных образовательных учреждений (высокое -3, среднее -7); соответственно увеличилось мнение о низком качестве услуг (на 23%). В высшем образовании наблюдается положительная тенденция.

Респондентам было предложено классифицировать учреждения дополнительного образования детей по степени важности и частоте выбора. Наиболее популярными и качественными по предоставляемым услугам как в 2014 г., так в 2017 г., в которые родители предпочитают отдавать детей, оказались художественные (центры, дворцы, дома) — 24/27% соответственно; затем респонденты отметили спортивные (детско-юношеские школы и клубы общей физической подготовки) — 18/26%; детские музыкальные, художественные, хореографические школы и школы искусств — 14/23%.

Качество услуг жилищно-коммунального хозяйства республики оставляет желать лучшего. Республиканские службы газа и горячего водоснабжения предоставляют населению некачественные услуги (в 2014 г. уверены 18 и 20% респондентов соответственно): высокий износ теплотрасс, частые поломки оборудования, трудность вызова аварийных служб, грубое отношение сотрудников предприятий данной отрасли и многое другое. 10% опрошенных отметили, что такое состояние в отрасли подтолкнуло их к введению автономного отопления. Поэтому респонденты определили как «среднее» качество услуг предприятий отрасли: газовой (62%), холодного водоснабжения (44%), горячего водоснабжения (50%). Что касается качества услуг по состоянию дворовой и придомовой территории, то «высокое качество» отмечают 14% опрошенных, «среднее» — 36 и 44% «низкое качество» соответственно. Состоянием самих домов респонденты также недовольны — 44%. Критически на данный вопрос отреагировали 32%.

В 2017 г. мнения респондентов относительно качества услуг по холодному водоснабжению стали пессимистичнее. На 9% увеличилось количество респондентов, отметивших ухудшение состояния домов, в которых они проживают. Однако опрошенные указали, что состояния дворов и придомовых территорий несколько улучшилось (среде +6). Мнения респондентов о качестве услуг газовых служб и горячего водоснабжения не намного отличаются от мнений 2014 г.

Что касается поддержания чистоты и порядка в своих подъездах, респонденты отвечали следующим образом: треть из общего числа опрошенных прикладывают усилия для поддержания чистоты и порядка (32% в 2014 г. / 39% в 2017 г.); 54% опрошенных недовольны состоянием подъездов (56% в 2017 г.). К сожалению, опрос выявил людей, у которых данный вопрос не вызвал переживаний относительно чистоты мест проживания; таких оказалось 12% (для сравнения — 21% в 2017 г.).

Респондентам было предложено *оценить качество услуг работы ЖЭКом и управляющих компаний*. 54% отметили «низкое качество» работы указанных организаций (в 2017 г. — 52%); «среднее качество», по мнению населения, — 22% (в 2017 г. — 24%); и только 6% отметили «высокое качество» (в 2017 г. — 7%).

Были исследованы жилищные условия респондентов: в собственной квартире проживают 56% (в 2017 г. — 57%), в собственном доме — 18% (в 2017 г. — 21%), в коммунальных квартирах — 10%, у родственников проживают 8% (в 2017 г. — 10%), снимают жилье — 2% (в 2017 г. — 12%).

Таким образом, анкетирование затронуло и вопрос состояния жилых помещений, в которых проживают респонденты. Порядка трети опрошенных в обоих исследуемых периодах ответили, что жилые помещения требуют капитального ремонта, более половины — косметического ремонта и только десятая часть проживает в новостройках (новых построенных домах).

В 2017 г. отмечается рост проживающих в новостройках (31%). А 88% респондентов отметили, что стало труднее оплачивать счета по коммунальным услугам (не получают субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг).

Качество транспортного обслуживания — еще одна сторона жизни республики. Работа дорожных служб настолько удручает респондентов, что 58% сразу отметили ее низкое качество (в 2017 г. — 63%), поэтому и дороги находятся в ужасном состоянии — 68% (в 2017 г. 49%). Работа общественного транспорта оценена следующим образом: «низкое качество» 36/32% соответственно (2014/2017 г.), «среднее качество» — 52/48%, «высокое качество» — 12/9%. Естественно, состояние остановок и пешеходных переходов не оставляет равнодушными никого: «низкое качество» 36/37%, «среднее качество» — 54/51%, «высокое качество» — 6/11% (в 2017 г. последнее отметило практически вдвое больше респондентов).

Проблема качества услуг транспортных компаний обострена увеличением количества пользующихся таксомоторным транспортом — 24% (41% в 2017 г.). Доступным городским транспортом остается автобус (маршрутное такси), им пользуются 60% опрошенных (63% в 2017 г.). Удобство передвижения трамваем категорически некачественное — 14% (33% в 2017 г.).

Личная безопасность респондентов складывается из следующих составляющих: защищенность от преступлений, качество работы органов внутренних дел, участковых, пожарных служб, МЧС, правоохранительных органов республики.

38% респондентов указали в 2014 г., что не чувствовали защищенность от преступлений. Таких респондентов оказалось 40% в 2017 г. Низкое качество опрошенные отмечали в работе органов внутренних дел (24%) и в работе участковых (30%). Пожарные службы и МЧС, по мнению респондентов, выполняют свою работу качественно («низкое качество» отметили лишь 8% и 4% соответственно). Однако 18% респондентов указали, что их совсем не удовлетворяет работа правоохранительных органов (непосредственно участковых). А в 2017 г. по всем направлениям произошло смещение мнений респондентов. Так, практически вдвое улучшилось отношение участвующих в опросе к качеству работы органов внутренних дел (МВД) (высокое +6%, среднее +5%). Пожарные службы и МЧС — лидеры по доверию и качеству выполняемой работы. Суммарные положительные ответы относительно указавших «низкое качество» выглядят следующим образом: пожарные службы 81/3%; а МЧС 76/3% соответственно.

Высокое качество жизни и здоровья населения, а также устойчивое экономическое развитие могут быть обеспечены только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего *качества окружающей среды*. Респонденты оценили *качество/состояние окружающей среды и экологии* в республике следующим образом: в 2014 г. «низкое качество» — 60%, «среднее качество» — 28%, «высокое качество» — 8%; в 2017 г. мнения респондентов относительно низкого или среднего оказались равны, но в 2,5 раза больше респондентов отметили улучшение состояния среды (27 против 10% в 2014 г.). При оценке наличия перспектив по улучшению состояния окружающей среды 8% (21% в 2017 г., положительное увеличение мнений респондентов в 3 раза) опро-

шенных затруднились ответить, а 34% уверены (45% в 2017 г.; +11%), что в среднем что-то улучшится. В 2014 г. 52% ответили категорично «нет» (32% в 2017 г.; снижение пессимистических настроений на 20%).

На вопрос «Довольны ли вы социальными программами для населения, реализующимися в регионе?» в 2014 г. респонденты ответили следующим образом: «нет, не доволен (-на)» — 26%, «удовлетворительно» — 18%, «да, в полной мере» — 12% и целых 34% не имели возможности/интереса участвовать. На данный вопрос в 2017 г. ответы респондентов распределились следующим образом: да, в полной мере — 11%, удовлетворительно — 15% и «нет, не доволен(на)» — 19%. Таким образом, интерес у населения к социальным программам не только возрос, но и прослеживается положительная оценка по их реализации в настоящее время.

Деятельность органов местного самоуправления также была оценена респондентами. Мнения опрошенных разделились следующим образом: 22% удовлетворены их деятельностью, такое же количество (22%) высказали противоположенное мнение — совсем не удовлетворяет; 28% уверены, что в большей степени не удовлетворяет; затруднились ответить 18%, и только некоторое количество говорило о работе органов местного самоуправления положительно (2% — «отлично», 8% — хорошо). Как видно из приведенных ответов, негативные мнения респондентов к положительным о деятельности органов местного самоуправления соотносилось в 2014 г. как 32/68%. В 2017 г. данное соотношение выглядит следующим образом: отлично — 11%, хорошо — 21%, удовлетворяет — 39%, в большей степени не удовлетворяет — 15%, совсем не удовлетворяет — 10%, затрудняюсь ответить — 4%. Соответственно, пропорция отрицательных ответов к положительным ответам в 2017 г. составила 741/29%.

Необходимо отметить доступность/открытость органов местного самоуправления для решения проблем населения. Респонденты реагировали на вопрос неоднозначно. В 2014 г. 36% опрошенных отметили недоступность данных органов (22% в 2017 г.); 18% — что они в целом доступны (34% в 2017 г.). Нейтральное мнение разделили 24% — «в большей степени не закрыты» (33% в 2017 г.). 20% затруднились ответить на данный вопрос (4% в 2017 г.). Только 2% ответили в 2014 г., что открытость органов местного самоуправления для решения проблем населения «максимальна» (7% в 2017 г.).

На вопрос «Желаете ли вы переехать на постоянное место жительства в другую республику/регион?» были получены следующие ответы. В 2014 г. вариант переезда рассматривался 40% респондентов, собирались уехать в ближайшее время целых 10%. Категорично ответили только 42%, которые не считали необходимым менять место жительства. Таким образом, процент рассматривающих вариант переезда или собирающихся выехать на постоянно место жительства в другие республики и регионы составил в 2014 г. достаточное количество — 50% (против 42% не желающих покидать родные места). В 2017 г. намерение выехать из республики выразили 54%!

Респондентам было предложено оценить качество кинотеатров, спортивных сооружений, библиотек, музеев. Респонденты придерживаются мнения, что в 2014 г. высокое качество услуги предлагали только библиотеки (32%) и кинотеатры (28%); но в целом (44 46%) опрашиваемые оценивают услуги данных учреждений как «среднего качества». Отрицательным моментом в опросе явилось выявление «не пользовавшихся услугами» ни кинотеатров (14%), ни спортивных сооружений (12%), ни библиотек (6%), ни музеев (10%). В 2017 г. ситуация в корне изменилась. Респонденты отметили, что не пользуются имеющимися в республике музеями и библиотеками. Большой интерес у опрашиваемых вы-

зывало качество спортивных сооружений. Необходимо отметить возросшее качество указанных сооружений (высокое +6%, среднее +6%).

Стоит отметить, что дополнительно было предложено ранжировать учреждения культуры по частоте посещения. Опрошенные предоставили следующие ответы: чаще всего люди посещали

- 1) в 2014 г.: кинотеатры (52%), театры (18%), детские театры и цирки (по 6%), библиотеки (4%), музеи и выставки (2%). Не посещали ничего из перечисленного 12%;
- 2) в 2017 г.: театры (48%), кинотеатры (27%), цирки (по 12%). Не посетили ничего из перечисленного 5%.

Как видно из опроса, кинотеатры и театры являются привлекательными и наиболее доступными для респондентов ввиду дешевизны входных билетов и качества предоставления услуг.

При оценке шопинга в 2014 г. респонденты ответили, что довольствуются тем, что есть (52%), а 2% опрошенных заявили, что им доступен шопинг вне республики. В 2017 г. отметили невысокое качество данной услуги (49%) и желание и возможность делать это за пределами РСО-А (19%).

На протяжении последних десятилетий уровень материального благополучия граждан республики являлся той исходной точкой, от которой велся «отсчет» социального самочувствия, настроений и ожиданий населения и которая определяла отношение граждан к тем или иным событиям в жизни страны/регионе/республики, в том числе и к тому, как складывается и развивается социально-демографическая ситуация.

Покупательная способность людей является важной характеристикой материального положения. В табл. 7 представлены ответы на вопрос «Какое из следующих суждений наиболее точно подходит для вас (вашей семьи)?».

Таблица 7

Какое из следующих суждений наиболее точно подходит для вас (вашей семьи)?

№ п/п	Показатель	2014 г.	2017 г.
1	Мы едва сводим концы с концами, нам не хватает денег даже на еду	4%	5%
2	На еду нам хватает, но покупка одежды вызывает затруднение	6%	13%
3	Доходов хватает только на еду и одежду, покупка вещей длительного пользования (телевизор и т. п.) для нас труднодоступна	32%	46%
4	Приобретение вещей длительного пользования не проблема, а дорогие вещи (машина и т. п.) приобретать сложно	52%	32%
5	Мы в настоящий момент можем себе позволить приобрести все, что хочется	6%	4%

Как показывают результаты исследования 2014 г., в структуре населения республики безусловно доминировали среднеобеспеченные слои — т. е. те, кому вполне хватало средств на повседневные нужды (на покупку продуктов, одежды, обуви и т. д.), но для кого затруднительным являлось приобретение вещей длительного пользования. Доля данного слоя — 52%.

Вторая по численности группа населения по своим качественным характеристикам приближена к принятому в развитых странах определению «среднего класса». Это те, кому хватает денег не только на нужды повседневного характера,

но и на приобретение вещей длительного пользования. Доля таких респондентов составляет сегодня 32%.

Наконец, третья, весьма многочисленная группа населения — малообеспеченные граждане. К ним относятся люди, которым средств хватает только на продукты, тогда как даже покупка одежды вызывает у них затруднения. В составе населения Республики Северная Осетия — Алания указанная группа занимает 6%.

На высшей ступени — представители наиболее обеспеченной части общества, которые могут позволить себе без особых ограничений приобретать дорогостоящие вещи, такие как автомобили, недвижимость и т. д. Таких в 2014 г. в республике насчитывалось 6% населения.

На низшей ступени сегодня находятся 4% респондентов, которые едва сводили концы с концами и испытывали дефицит средств даже на продукты.

В 2017 г. покупательная способность выглядела следующим образом:

- 1) среднеобеспеченные слои — те, кому вполне хватало средств на повседневные нужды (на покупку продуктов, одежды, обуви и т. д.), но для кого затруднительным являлось приобретение вещей длительного пользования — 32%;
- 2) средний класс — те, кому хватает денег не только на нужды повседневного характера, но и на приобретение вещей длительного пользования — 46%;
- 3) малообеспеченные граждане — 13%;
- 4) представители наиболее обеспеченной части общества — 4%;
- 5) на низшей ступени — 5%.

Таким образом, общую тенденцию динамики материального положения респондентов республики можно оценить как положительную. Однако в общей структуре населения пока еще доминируют люди, которых можно отнести к малообеспеченным слоям.

В табл. 8 представлены ответы на вопрос «В каких видах помощи вы более всего нуждаетесь?».

Таблица 8

В каких видах помощи вы более всего нуждаетесь?

№ п/п	Показатель	2014 г.	2017 г.
1	В материальной помощи	44%	46%
2	В улучшении жилищных условий	31%	33%
3	В моральной поддержке окружающих и друзей	12%	7%
4	Во всесторонней поддержке родителей	12%	14%
5	Я ни в чем не нуждаюсь	1%	—

Во-первых, в 2014 г. практически половина респондентов заявила, что нуждается в различных видах помощи, особенно в материальной (44%). Респонденты нуждались как в улучшении жилищных условий (31%), так и в моральной поддержке окружающих и друзей, всесторонней поддержке родителей (по 12% соответственно). Интересен тот положительный факт, что 1% опрошенных открыто заявил, что ни в чем не нуждается. В 2017 г. мнения респондентов сместились от желания дружеской поддержки (–5%) в сторону семейной (+2%). Никто их опрашиваемых не выбрал вариант ответа «я ни в чем не нуждаюсь».

Опрошенные (2014/2017 г.) кроме оплаты труда (66/71%) получали доход от предпринимательской деятельности (16/9%), а 4% (11%) респондентов — социальные выплаты и стипендии. Еще одним доходом для населения являлась сда-

ча в аренду собственности (6/9%). В настоящее время для семей активной материальной поддержкой являются пенсии пожилых родственников, проживающих совместно с респондентами (66/68%).

Рис. 2. Городские процессы и проблемы в жизни, вызывающие у людей тревогу и беспокойство, по степени значимости в 2014 и в 2017 гг.

Из дополнительных мер социальной поддержки категорий граждан РСО-А респонденты отметили льготы: на проезд городским и пригородным транспортом (12/8%), оплата жилого помещения и коммунальных услуг (10/11%), лекарственное обеспечение, обеспечение изделиями медицинского назначения (8/13%), денежные выплаты (10/11%), оплата за телефон (2%), другие меры социальной поддержки (14/15%). Почти половина участников опроса высказала желание

получать социальную помощь, из них большинство — женщины. Такое желание присуще респондентам с разным материальным положением.

Таким образом, городские процессы и проблемы в жизни, вызывающие у людей тревогу и беспокойство, по степени значимости расположились в следующем порядке (рис. 2).

Высказывая свое мнение как в 2014 г., так и в 2017 г. о качестве жизни в РСО-А, респонденты оценили социально-экономическую ситуацию в республике как неблагоприятную.

Оказалось, что в 2014 г. качество жизни большинство респондентов отождествляли с материальным благосостоянием; на втором по значимости месте находились неудовлетворенность состоянием окружающей среды и экологии, а также низкое качество состояния дорог и транспортного обслуживания. В первую десятку волнующих проблем респондентов вошли еще и такие направления, как низкое качество услуг работы ЖЭКов, управляющих компаний, неблагоустроенность города, отсутствие перспектив трудоустройства и низкое качество образования. Вследствие сложившейся обстановки 40% опрошенных рассматривали вариант переезда на постоянное место жительства в другую республику.

В 2017 г. мнения респондентов распределились следующим образом. На первых местах — низкий уровень оплаты труда, неудовлетворенность состоянием окружающей среды и экологии в республике и отсутствием перспектив по улучшению ее состояния, а также плохое состояние дорог (остановок, пешеходных переходов). По мнению респондентов, особую тревогу и недовольство вызывали низкое качество услуг работы ЖЭКов, управляющих компаний, низкое качество образования, слабое благоустройство города, отсутствие перспектив трудоустройства и карьерного роста, нужда в материальной помощи и в улучшении жилищных условий. В 2017 г. 43% рассматривали вариант переезда на постоянное место жительства в другую республику.

Подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить, что проведенные исследования выявили доминирование неудовлетворительных оценок большинства показателей.

Литература

1. Андреев В. Г. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 1–2. М.: Наука, 1990. Ч. 1. 232 с. Ч. 2. 225 с.
2. Основы прикладной социологии / под ред. Ф. Э. Шереги, М. К. Горшкова. М.: Интерпракс, 1996. 179 с.
3. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998. 596 с.
4. Зборовский Г. Е. Общая социология: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Гардарики, 2004. 592 с.
5. Социология: учебник / под ред. В. Н. Лавриненко. М.: Наука, 2008. 351 с.
6. Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии (введение): учебник. М.: NOTA BENE, 1999. 224 с.

Е. М. Чепак, Г. В. Скорохватова, Т. Л. Трушина

Социальная значимость формирования профессионально-педагогических умений студентов современного вуза

Е. М. Chepakov, G. V. Skorokhvatova, T. L. Trushina. Social importance of formation of professional and pedagogical abilities of students of modern higher education institution

В статье рассматривается формирование профессионально-педагогических умений студентов при изучении дисциплины «Физическая культура и спорт». Профессионально-педагогические умения рассматриваются прежде всего как способность решать различные педагогические задачи. Для анализа и оценки качества формирования педагогических умений студентов при проведении занятия целесообразно использовать структурную блок-схему, состоящую из четырех этапов: организационного этапа; этапа формирования мотивации; этапа реализации поставленных задач; этапа оценки полученного результата.

Ключевые слова: формирование профессионально-педагогических умений студентов современного вуза.

Контактные данные: **Е. М. Чепак, Г. В. Скорохватова:** 192007, Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 275; (812) 490-42-50; kaf-sport-disc@yandex.ru | **Т. Л. Трушина:** 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18; (812) 315-12-75; tatyana.trushina@yandex.ru.

In article formation of professional and pedagogical abilities of students when studying discipline “Physical culture and sport” is considered. Professional and pedagogical abilities are considered by us, first of all, as abilities to solve different pedagogical problems. For the analysis and assessment of quality of formation of pedagogical abilities of students when holding occupation, it is expedient to use the structural flowchart consisting of four stages: organizational stage; stage of formation of motivation; stage of implementation of the tasks; an evaluation stage of the received result.

Keywords: formation of professional and pedagogical abilities of students of modern higher education institution.

Contact details: **E. M. Chepakov, G. V. Skorokhvatova:** Ligovskiy Ave 275, St. Petersburg, Russian Federation, 192007; (812) 490-42-50; kaf-sport-disc@yandex.ru | **T. L. Trushina:** Bol'shaya Morskaya Str. 18, St. Petersburg, Russian Federation, 191186; (812) 315-12-75; tatyana.trushina@yandex.ru.

Профессионально-педагогические умения в системе высшего образования следует рассматривать как важный компонент становления будущего специалиста в его профессиональной деятельности, а их формирование — как важную часть системы профессионально-педагогической подготовки и социализации молодого поколения в учебных заведениях.

Евгений Михайлович Чепак — доцент кафедры методики обучения физической культуре и спортивной подготовки Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат педагогических наук, доцент.

Галина Владимировна Скорохватова — доцент кафедры методики обучения физической культуре и спортивной подготовки Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат педагогических наук, доцент.

Татьяна Леонидовна Трушина — старший преподаватель кафедры физического воспитания Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

© Чепак Е. М., Скорохватова Г. В., Трушина Т. Л., 2018

Изучением проблемы формирования профессионально-педагогических умений студентов высших учебных заведений на занятиях физической культуры, а также освоения ими спортивно-педагогических дисциплин занимались известные ученые: К. К. Платонов [1], Н. В. Кузьмина [2], О. А. Абдуллина [3], Л. Ф. Спирин [4] и др. Исследователи рассматривали профессионально-педагогические умения прежде всего как умения, направленные на решение педагогических задач [2; 4; 5, с. 55–62]. О. А. Абдуллина [3] рассматривала педагогические умения как владение различными способами (приемами обучения и воспитания), основанными на осмысленном использовании психолого-педагогических, а также методических знаний.

Вышеуказанные ученые рассматривают подготовку студентов к будущей профессиональной деятельности с различных сторон. В то же время, занятия в вузе должны строиться таким образом, чтобы по возможности на одном занятии решались все вышеперечисленные профессионально-педагогические задачи [6; 8]. По мнению исследователей, одно занятие должно вбирать в себя и изучение нового материала, и повторение изученного, причем обязательно на этом же занятии, не растягивая повторение на несколько дней, рассматривая вопрос с разных сторон в укрупненном виде. Здесь будет, указывают авторы, и контроль, как со стороны преподавателя, так и со стороны самого обучающегося. Причем авторы отмечают, что, рассматривая проблему с разных сторон, обучающиеся приобщаются к самостоятельности, они становятся способными решать не только поставленные преподавателем задачи, но и сформулированные самостоятельно.

На начальном этапе, при подготовке студентов к профессионально-педагогической деятельности, в частности к умению проводить отдельные оздоровительные комплексы общеразвивающих упражнений по программе «Физическая культура и спорт», наиболее подходящей формой проведения занятия является учебная практика.

Учебная практика имеет весьма широкие возможности. Это, в первую очередь, формирование профессионально-педагогических умений, в частности практико-методических, направленных на умение проводить отдельные упражнения по заданию преподавателя на разные группы мышц, развитие физических способностей или комплексы общеразвивающих упражнений оздоровительной направленности для конкретного возраста, пола, уровня физической подготовленности, а также самостоятельную работу студентов. На учебной практике студенты знакомятся с техникой и методикой выполнения оздоровительных упражнений, сами выступают в роли преподавателя и участвуют в оценке проведения занятия другими студентами по разработанной нами методике [8]. В процессе практических занятий по программе «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)», на II и III курсах дневного обучения учебная практика является важной и необходимой составляющей в деятельности каждого студента. Выполнение требований студентами на учебной практике является одним из наиболее важных критериев получения текущей аттестации или зачета за очередной семестр. Рассматривая учебную практику в целом, можно сказать, что она является невидимым «мостиком» между теорией и методикой физической культуры, а также практикой дисциплины «Физическая культура и спорт».

При обучении студентов по программе «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)» необходимо научить их видеть процесс формирования профессионально-педагогической деятельности в целом. Даже при проведении фрагмента занятия (отдельной части занятия) целесообразно дать студенту весь не-

обходимый, но достаточный перечень формируемых педагогических умений, чтобы он мог не только планировать свою работу, проводить занятие, но и вместе со студентами своей группы и преподавателем учился анализировать качество своей педагогической деятельности. Выделить, что получилось, а над чем стоит еще серьезно поработать.

Комплексная оценка качества проведенного занятия (отдельных частей занятия), самооценка и взаимная оценка педагогической деятельности, производимая студентами, предполагает умение объективно анализировать педагогический процесс. Поэтому при проведении и оценке занятия по дисциплине «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)», целесообразно использовать разработанную нами структурную блок-схему оценки качества профессиональных умений студентов при проведении заданий на учебной практике, которая состоит из одного основного и двух вспомогательных блоков [6]. Основной блок представлен по принципу функциональной системы в деятельности преподавателя, проводящего урок, и представляет собой четыре взаимосвязанные в едином цикле этапы: этап организационный, этап формирования мотивации, этап реализации поставленных задач, этап оценки полученного результата (рис. 1). Следует отметить, что для каждого этапа разработанной блок-схемы предъявлены определенные требования к формированию педагогических умений. Данная блок-схема позволяет эксперту оценить уровень профессиональной подготовленности студента, дать оценку каждому студенту, проводящему занятие по дисциплине «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)», как по отдельному этапу, так и профессионально-педагогической деятельности в целом.

В представленной блок-схеме важным является то, что каждый последующий этап находится во взаимосвязи с предыдущим, поэтому ее можно считать универсальной с точки зрения решения педагогических задач, соответственно, ее можно использовать на любых занятиях по спортивно-педагогическим дисциплинам. Анализируя проведенное занятие (фрагмент занятия) по всему перечню педагогических умений, эксперт (как правило, из числа студентов своей группы) может выделить недостаточно сформированные педагогические умения и указать на них. Задача студента-практиканта, проводящего занятие — в последующей деятельности, устранить эти недостатки. Следовательно, данная блок-схема оценки качества педагогических умений может использоваться как при подготовке к занятию, так и при оценке педагогического анализа деятельности студента-практиканта. Четыре этапа, последовательно выстроенные друг за другом, не могут осуществляться изолированно и быть самостоятельными, они вбирают в себя важные педагогические умения, без которых теряется видение всего процесса практико-методической подготовки студентов. Это делает блок-схему неким «живым организмом», позволяющим при необходимости вносить коррективы в педагогическую деятельность, возвращаясь от последующих этапов к предыдущим, больше внимания уделять недостаточно сформированным педагогическим умениям (рис. 1).

Проведенное исследование среди студентов III курса дневной формы обучения (в анкетировании принимало участие 40 студентов) позволило выявить уровень владения профессионально-педагогическими умениями и наибольшие затруднения студентов при проведении учебной практики по дисциплине «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)».

Так, из представленных 31 профессиональных умений (рис. 1) наибольшие затруднения студентов при проведении учебной практики по дисциплине «Физическая культура и спорт» вызывают: умение, позволяющее находить взаимо-

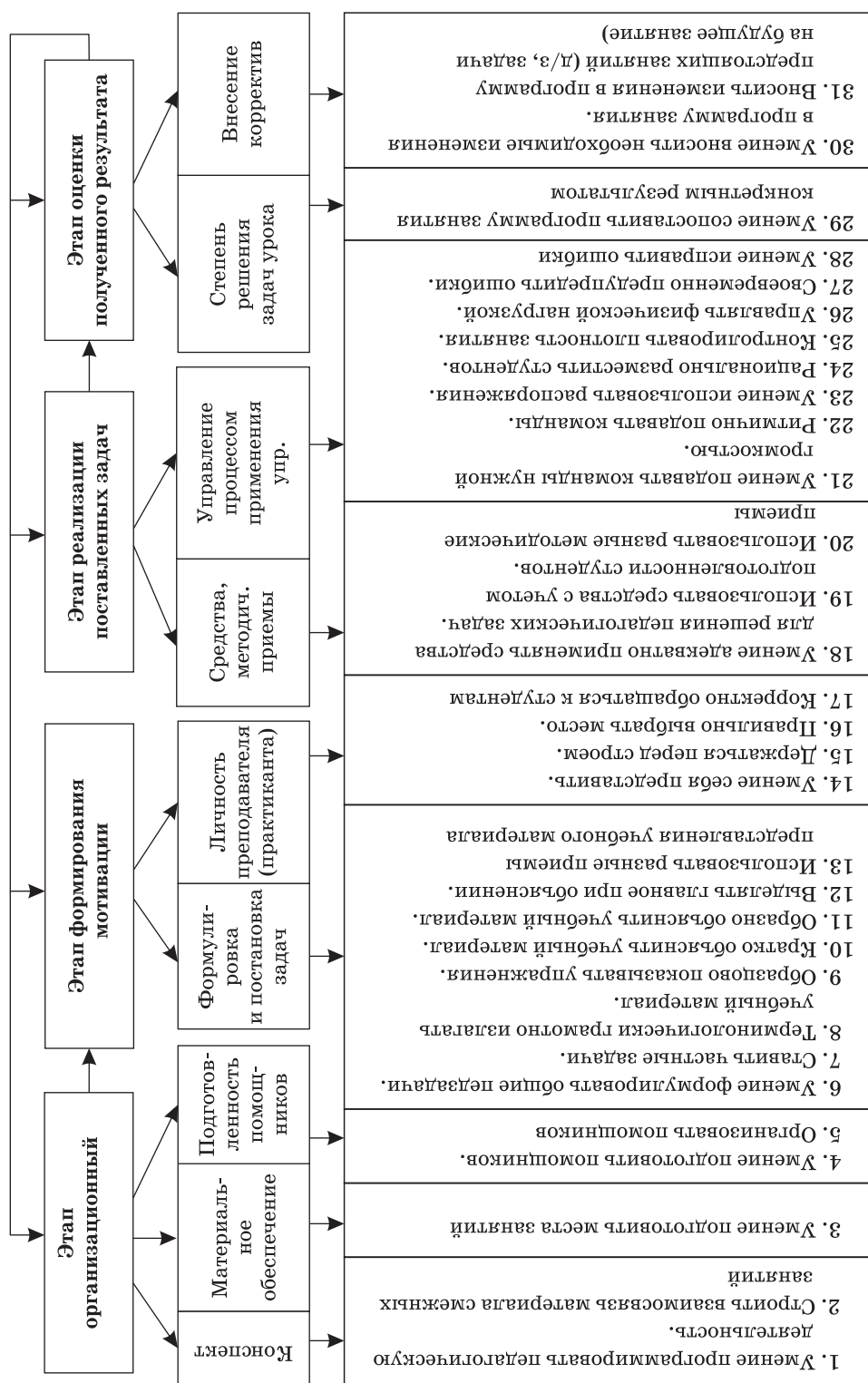

Рис. 1. Схема формирования профессиональных умений студентов при проведении заданий на учебной практике

связь материала предыдущих и последующих уроков (75,5%); использовать разные приемы учебного материала (60%); применять разные методические приемы (55%); умение использовать распоряжения (50%); контролировать плотность урока (45%); умение использовать терминологию (42,5%); ритмично подавать команды (40%); вносить изменения в программу предстоящих уроков (35%); умение вносить изменения (при необходимости) в программу текущего урока (32,5%). В меньшей степени студенты-практиканты III курса испытывают затруднения в умениях: сопоставить программу данного урока конкретным результатам (27,5%); умении выбрать место для проведения урока (27,5%); своевременно предупредить ошибки (25%); умении программировать дальнейшую деятельность на урок (25%); управлять физической нагрузкой (22,5%); умении командовать необходимой громкостью (22,5%); образно объяснить новый учебный материал (22,5%); применять необходимые упражнения для решения поставленных задач (20%); кратко объяснить новый учебный материал (20%). Наименьшие затруднения у студентов III курса института физической культуры и спорта при проведении учебной практики вызывают: умение ставить частные задачи (17,5%), умение корректно обращаться к обучающимся (17,5%); образцово показывать упражнения (17,5%); применять упражнения учитывая подготовленность занимающихся (17,5%); держаться перед строем (17,5%); управлять физической нагрузкой (15%); выделить главное при обучении (15%); умение рационально разместить обучающихся (15%); формулировать общие задачи (12,5%); умение своевременно исправить ошибки (7,5%); умение организовать (при необходимости) помощников (7,5%); умение подготовить организовать (при необходимости) помощников (5%); подготовить учебные места к занятию (2,5%); умение себя представить (2,5%).

Таким образом, наибольшие затруднения на разных этапах подготовки студентов III курса при проведении школьного урока на учебной практике вызывают: В организационном этапе — умение строить взаимосвязь материала смежных уроков (75,5%) и умение программировать предстоящую деятельность на урок (25%). На этапе формирования мотивации — умение использовать разные приемы учебного материала (60%) и умение использовать терминологию (42,5%). На этапе реализации поставленных задач — умение применять разные методические приемы (55%) и умение использовать распоряжения (50%). На этапе оценки полученного результата — умение менять программу последующих уроков (35%) и умение вносить менять программу текущего урока (32,5%).

Экспертная оценка, которая производится студентами по разработанной нами методике, позволяет оценить все практико-методические умения и выставить оценку за качество профессионально-педагогической деятельности студента-практиканта, проводившего занятие [8]. Результаты оценивания заносятся в специальный протокол, где по порядку представлены все 31 педагогическое умение, экспертам, оценивающим деятельность преподавателя (студента-практиканта), необходимо лишь выставить в соответствующей графе знак «+» или «-». Знак «+» означает, что профессиональное умение сформировано, «-» — нет. В дальнейшем подсчитывается сумма положительных знаков и делится на общее количество умений, и таким образом выявляется критерий (К), который показывает уровень профессиональной готовности студентов. При $K > 0,7$ процесс обучения (на определенном этапе) можно считать завершенным, так как в последующей деятельности обучающиеся способны в ходе самообучения совершенствовать свои знания. При усвоении учебного материала с коэффициентом $K < 0,7$ обучающиеся в своей дальнейшей деятельности обычно совершают ошибки и не могут их исправить [9].

Представленная структурная блок-схема оценки качества формирования педагогических умений дает возможность определить недостаточно сформированные педагогические умения студентов и своевременно направить усилия на их формирование.

Данная методика оценки качества проведения занятия по дисциплине «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)» существенно сокращает время педагогического анализа занятия, позволяет ко всем обучающимся предъявлять одни требования, четкий и понятный математический подсчет оценки, обеспечивает ее объективность. В то же время анализ педагогического занятия без обоснованной четкой структуры может привести к необъективной, поверхностной оценке качества проведения занятия.

Поэтому педагогический анализ занятия мы рассматриваем как метод повышения качества учебного процесса по дисциплине «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)», формирования практико-методических умений студентов, направленных, в том числе, на их самостоятельную работу в области физической культуры и спорта. Педагогический анализ занятия позволяет осуществлять эффективный контроль над учебным процессом и при необходимости, оперативно вносить коррективы в педагогическую деятельность.

Важно отметить, что как проведение занятия (фрагмента занятия) по дисциплине «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)», так и педагогический анализ занятия по разработанной нами методике [8], выполняет каждый студент (в качестве эксперта). И за проведение занятия, и за экспертную оценку все студенты получают отметку, которая в дальнейшем учитывается при выставлении зачета.

Таким образом, разработанная нами методика оценки качества формирования педагогических умений студентов, с одной стороны, позволяет экспертам за небольшой промежуток времени достаточно подробно проанализировать занятие (фрагмент занятия) по дисциплине «Физическая культура и спорт (элективная дисциплина)», с другой стороны, позволяет студентам видеть весь перечень профессионально-педагогических умений и совершенствовать свою профессионально-педагогическую деятельность, основываясь на четырех взаимосвязанных этапах: организационного этапа; этапа формирования мотивации; этапа реализации поставленных задач; этапа оценки полученного результата.

Литература

1. Платонов К. К. Вопросы психологии труда. М.: Медгиз, 1962. 219 с.
2. Кузьмина Н. В. Основы вузовской педагогики: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 312 с.
3. Абдуллина О. А. К проблеме педагогических умений // Вопросы общепедагогической подготовки будущих учителей: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. А. И. Пискунова. М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1972. С. 11–18.
4. Спирин Л. Ф. Формирование общепедагогических умений учителя: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1981. 586 с.
5. Сластенин В. А. О подготовке студентов к творческому решению воспитательных задач // Совершенствование подготовки студентов педвузов к воспитательной работе: сб. науч. тр. / под ред. В. А. Сластенина, О. А. Абдуллиной. М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1980. 144 с.
6. Чепиков Е. М. Формирование профессиональных умений студентов на основе адаптированной дидактической информации (на примере гимнастики): дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 170 с.
7. Эрднеев П. М., Эрднеев Б. П. Укрупнение дидактических единиц. М.: Просвещение, 1986. 254 с.

8. Чепиков Е. М., Борисенко С. И., Медведева Е. С. Педагогический контроль на уроке гимнастики: метод. рек. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2002. 35 с.
9. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.

УДК 314(575.2)

Д. С. Джолдошева

Демографические тренды в Киргизской Республике и других странах Центральной Азии

*D. S. Djoldosheva. Demographic trends in the Kyrgyz Republic and countries
of Central Asia*

Статья посвящена анализу демографической ситуации в пяти республиках Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) до и после распада СССР. В частности, проведен сравнительный анализ трендов показателей рождаемости, смертности, естественного прироста населения, суммарного коэффициента рождаемости, младенческой и материнской смертности. Установлено, что ожидаемая средняя продолжительность жизни населения с 1980-го по 2015 г. увеличилась во всех республиках, причем в 2015 г. в Киргизской Республике данный показатель был наиболее высоким (71,1 лет). Во всех изучаемых постсоветских странах наблюдались сходные демографические тренды, а именно: снижение показателей рождаемости, смертности и естественного прироста населения, стабилизация суммарного коэффициента рождаемости на уровне расширенного воспроизводства, увеличение средней продолжительности жизни населения, снижение показателей младенческой и материнской смертности. Поэтому численность населения во всех республиках Центральной Азии будет увеличиваться, благодаря высокой рождаемости, фертильности, молодой возрастной структуре и снижению смертности.

Ключевые слова: Центральная Азия; рождаемость; смертность; естественный прирост; средняя продолжительность жизни; младенческая и материнская смертность.

This article is dedicated to the demographic situation of five republics of Central Asia (Kazakhstan, the Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan) before and after collapse of the USSR. In particular, a comparative analysis of trends in birth rate, mortality rate, natural growth rate, fertility rate, average life expectancy, infant and maternal mortality was carried out. It was established that the expected average life expectancy of the population from 1980 to 2015 had increased in all republics, and in 2015 this indicator was the highest in the Kyrgyz Republic (71.1 years). All of these post-Soviet countries demonstrate similar demographic trends, such as decreasing of birth rate, death rate, and natural growth rate; high fertility rate; decreasing of infant and maternal mortality. Therefore, the population in all republics of Central Asia will increase, due to high birth rate, fertility rate, young age structure and low rate of mortality.

Keywords: Central Asia; birth rate; mortality rate; natural growth rate; fertility rate; infant and maternal mortality.

Динара Сабатбековна Джолдошева — докторант кафедры экономической теории Кыргызско-Российского Славянского Университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Киргизская Республика, Бишкек), кандидат экономических наук.

© Джолдошева Д. С., 2018

Контактные данные: 720000, Киргизская Республика, Бишкек, ул. Киевская, д. 44; (996-312) 45-62-57; ddjoldosheva@yahoo.com.

Contact details: Kievskaya Str. 44, Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000; (996-312) 45-62-57; ddjoldosheva@yahoo.com.

ВВЕДЕНИЕ

В развитых и развивающихся странах мира происходят значительные демографические и эпидемиологические трансформации. Для большинства развивающихся стран характерен первый (допереходный) тип воспроизводства населения, когда смертность снижается, а рождаемость остается неизменной. Во втором (переходном) типе наблюдается устойчивое сокращение рождаемости. Для третьего (постпереходного) типа свойственны низкие смертность и рождаемость. По мнению автора, республики СССР к 1990-м гг. завершили второй этап демографического перехода, за исключением республик Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). Современный тип воспроизводства населения установился в Европе, Северной Америке, Австралии, ряде стран Азии и Северной Африки и характеризуется, прежде всего, низкой рождаемостью [1; 2]. Это обуславливает актуальность изучения демографических трендов, связанных с изменяющимися показателями и тенденциями в области рождаемости, смертности и естественного прироста населения стран Центральной Азии.

По мнению А. И. Антонова [3], огромный разрыв в уровне жизни богатых и бедных является тормозом в преодолении депопуляции в России. Сохраняющие в течение длительного периода плохие показатели здоровья населения и продолжительности жизни стали результатом низкого уровня жизни, неудовлетворительного быта, санитарии и гигиены и низкой организации здравоохранения. В условиях депопуляции невозможно создание эффективной экономики [4]. Процветание того или иного государства тесно связано с устойчивым демографическим развитием, которое обеспечивает обществу необходимое воспроизводство человеческого потенциала. Для России, обладающей огромными природными ресурсами и территорией, демографический потенциал становится гарантом независимости и экономического роста [5]. В то же время неблагоприятное демографическое положение может ослабить мощь государства [6; 7].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В настоящей работе представлен сравнительный анализ основных демографических показателей (рождаемость, смертность, естественный прирост, суммарный коэффициент рождаемости, средняя продолжительность жизни населения, младенческая и материнская смертность) в Киргизской Республике и других странах Центральной Азии до и после распада СССР. Основными источниками для написания данной работы стали базы данных ООН, Всемирного Банка, Всемирной организации здравоохранения, Мировой атлас данных, World Health Rankings.

Согласно данным ООН [2], в 2008 г. в 75 государствах суммарный коэффициент рождаемости был ниже уровня простого замещения поколений (2,1 ребенка на одну женщину) — это 2,8 млрд человек, или 40% населения мира (60 лет назад таких стран было всего 5). По среднему варианту прогноза ООН, выполненному в 2008 г., подобных малодетных стран в 2050 г. будет 147 из 196 госу-

дарств, и их население составит 76% от населения мира. По нижнему варианту прогноза ООН, все страны мира станут малодетными уже в 2040 г., что фактически означает последующую депопуляцию всего мира. По среднему варианту прогноза ООН к 2050 г., кроме России депопуляцией будут также охвачены западноевропейская, восточноевропейская, японская и китайская цивилизации. Согласно прогнозам В. Н. Архангельского и соавторов [8], если в 2016 г. доля населения трудоспособного возраста в России составляла 57,5%, моложе трудоспособного — 18,0% и старше трудоспособного — 24,5%, то в 2050 г. они будут составлять 47,9, 17,7 и 34,4% соответственно.

Безусловно, последствия этих демографических сдвигов в различных частях мира будут разными. Поэтому существует потребность в адаптивных моделях для новых экономик здравоохранения. J. Kim [9] изучил данный тренд экономик в зависимости от демографических изменений в развитых странах — членах ОЭСР. Были оценены изменения возрастной структуры населения в 4 группах (0–14 лет, 15–39 лет, 40–64 лет и 65 лет и старше) и динамика ВВП в 18 государствах — членах ОЭСР. Используя прогнозы ООН по изменению возрастной структуры в этих странах, автор убедительно показал, что демографические тренды окажут существенное влияние на снижение экономического роста, особенно в США и Японии, в ближайшие десятилетия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По данным World Bank Health Data [10] и World Health Rankings [11], численность населения Киргизской Республики и других стран Центральной Азии увеличилась с 1960-го по 2010 г., и данная тенденция сохранится до 2050 г. (табл. 1). Этот позитивный тренд определяется высокой рождаемостью и низкой смертностью населения в анализируемых странах (табл. 2 и 3).

Таблица 1

Динамика численности населения в республиках Центральной Азии, млн человек [10]

Страна	1960 г.	2010 г.	2050 г.
Киргизская Республика	2,1	5,4	8,2
Казахстан	9,9	16,3	22,4
Таджикистан	2,06	7,5	14,2
Туркменистан	1,5	5,0	6,5
Узбекистан	8,7	27,7	37,1

Таблица 2

Возрастная структура населения в республиках Центральной Азии, % [11]

Страна	0–14 лет	15–64 лет	65 лет и старше
Киргизская Республика	30,3	64,4	5,3
Казахстан	25,3	67,0	7,7
Таджикистан	32,3	64,4	3,3
Туркменистан	25,8	69,5	4,7
Узбекистан	23,9	70,9	5,3

Как представлено в табл. 1, численность населения Киргизской Республики в 1960 и 2010 гг. составила соответственно 2,1 и 5,4 млн человек, а в 2050 г. достигнет 8,2 млн человек. Наибольшая численность населения наблюдалась

в 2010 г. в Узбекистане (27,7 млн человек) и наименьшая — в Туркменистане (5,0 млн человек).

Показатель рождаемости в Киргизской Республике в 1960 г. был выше (40,7 на 1,0 тыс. населения), чем в Казахстане (35,5/1,0 тыс.), но ниже по сравнению с Таджикистаном (48,6/1,0 тыс.), Туркменистаном (45,7/1,0 тыс.) и Узбекистаном (44,1/1,0 тыс.). В последующие годы во всех республиках отмечалось снижение данного показателя, причем в Киргизской Республике, Казахстане и Туркменистане в 2000 г. было резкое его падение и дальнейший рост в 2010 и 2015 гг. В Таджикистане и Узбекистане имело место постепенное снижение показателя рождаемости с 1960 по 2015 г. (табл. 3).

Таблица 3

Показатель рождаемости в республиках Центральной Азии (на 1,0 тыс. населения) [12]

Страна	1960 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.
Киргизская Республика	40,7	29,1	25,6	19,8	26,8	27,4
Казахстан	35,5	22,2	17,5	14,9	22,5	22,7
Таджикистан	48,6	40,5	35,0	30,1	30,0	29,3
Туркменистан	45,7	35,5	28,8	23,6	25,4	26,0
Узбекистан	44,1	34,8	29,2	22,7	22,5	21,4

Однако к 2015 г. во всех республиках Центральной Азии, за исключением Узбекистана, установился высокий уровень рождаемости (более 25 на 1,0 тыс. населения). Суммарный показатель рождаемости (фертильность) в 1960 г. был очень высоким, особенно в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане (соответственно 6,5, 6,6 и 6,3 рождений на одну женщину). В последующие десятилетия данный показатель снизился, но сохранился на уровне расширенного воспроизводства (более 2,18 рождений на одну женщину), за исключением Казахстана (суженное воспроизводство) (табл. 4).

Таблица 4

Суммарный показатель рождаемости в республиках Центральной Азии (на 1,0 тыс. населения) [12]

Страна	1960 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.
Киргизская Республика	—	3,6	3,1	2,4	3,1	3,2
Казахстан	4,6	2,7	2,3	1,8	2,6	2,7
Таджикистан	6,5	5,2	4,6	3,9	3,5	3,4
Туркменистан	6,6	4,3	3,5	2,8	2,8	2,9
Узбекистан	6,3	4,1	3,6	2,6	2,3	2,5

Показатель смертности населения Киргизской Республики в 1960 г. был очень высоким (15,7 на 1,0 тыс. населения), как и в других республиках. К 1990 г. он снизился более чем в два раза (6,9 на 1,0 тыс. населения). Затем, после подъема до 8,0 на 1,0 тыс. населения в 1995 г., наблюдалось устойчивое снижение данного показателя до 5,8 на 1,0 тыс. населения в 2015 г. (табл. 5). Сходные тренды наблюдались и в других республиках Центральной Азии. Из табл. 6 видно, что значительное снижение показателя естественного прироста в Киргизской Республике пришлось на 2000 г. (12,8 на 1,0 тыс. населения). Данный показатель повысился в последующие годы и составил 21,6 на 1,0 тыс. населения в 2014 г., что было немного ниже уровня 1991 г. (22,2 на 1,0 тыс. населения).

Таблица 5

**Показатель смертности в республиках Центральной Азии
(на 1,0 тыс. населения) [12]**

Страна	1960 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.
Киргизская Республика	15,7	6,9	8,0	7,0	6,6	5,8
Казахстан	12,3	7,9	10,7	10,1	9,0	7,5
Таджикистан	15,4	9,7	8,8	7,0	5,5	5,2
Туркменистан	15,9	8,8	8,3	7,8	7,2	7,1
Узбекистан	13,6	6,1	6,4	5,5	4,9	4,9

Таблица 6

**Показатель естественного прироста в республиках Центральной Азии
(на 1,0 тыс. населения) [12]**

Страна	1960 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.
Киргизская Республика	23,3	24,2	21,0	16,1	16,1	20,5
Казахстан	22,7	17,4	11,5	4,4	11,1	13,9
Таджикистан	32,1	33,1	27,8	24,9	23,7	24,8
Туркменистан	28,1	27,6	24,3	17,1	16,0	19,8
Узбекистан	29,1	26,4	25,1	18,6	16,2	16,3

Таблица 7

**Показатель средней продолжительности жизни населения
республик Центральной Азии, лет [12]**

Страна	1960 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2010 г.
Киргизская Республика	65,5	68,3	66,6	68,8	71,1
Казахстан	66,6	68,3	63,9	67,8	70,2
Таджикистан	62,3	63,4	63,7	67,3	69,7
Туркменистан	61,0	63,0	63,8	65,8	66,3
Узбекистан	67,3	69,2	67,1	68,3	69,4

Показатель средней продолжительности жизни в Киргизской Республике в 1980 г. был ниже (65,5 лет), чем в Казахстане (66,6 лет) и Узбекистане (67,3 лет), но выше, чем в Таджикистане (62,3 лет) и Туркменистане (61 лет). В последующее десятилетие он возрос во всех республиках Центральной Азии, однако в 2000 г. в Киргизской Республике, Казахстане и Узбекистане произошло снижение средней продолжительности населения. В последующие 15 лет (2000–2015 гг.) данный показатель увеличился во всех республиках, а в Киргизской Республике он оказался наибольшим (71,1 лет).

Без снижения младенческой смертности демографический переход не может состояться [1]. Поэтому рассмотрим динамику показателя младенческой и материнской смертности в республиках Центральной Азии.

Как показано в табл. 8, показатель младенческой смертности был очень высоким в 1960 г. во всех республиках Центральной Азии от 97,5 на 1,0 тыс. живорожденных детей в Казахстане до 146,7 в Таджикистане.

В последующие десятилетия наблюдалась существенное снижение показателя младенческой смертности, особенно в Казахстане до 12,2 на 1,0 тыс. живорожденных детей и в Киргизской Республике до 17,4 на 1,0 тыс. живорожденных детей.

Таблица 8

**Динамика показателя младенческой смертности в республиках Центральной Азии
на 1,0 тыс. живорожденных детей, 1960–2015 гг. [12]**

Страна	1960 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.
Киргизская Республика	125,0	65,0	42,7	24,5	17,4
Казахстан	97,5	51,4	37,8	18,5	12,2
Таджикистан	146,7	93,3	67,4	43,2	36,0
Туркменистан	135,2	78,1	64,8	50,2	44,8
Узбекистан	109,7	62,0	52,4	35,6	29,1

Таблица 9

**Динамика показателя материнской смертности в республиках Центральной Азии
на 100 тыс. живорожденных детей, 1960–2015 гг. [12]**

Страна	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.
Киргизская Республика	80,0	92,0	74,0	84,0	76,0
Казахстан	78,0	92,0	65,0	20,0	12,0
Таджикистан	107,0	129,0	68,0	33,0	32,0
Туркменистан	82,0	74,0	59,0	46,0	42,0
Узбекистан	54,0	32,0	34,0	39,0	36,0

В 1990 г. самая высокая материнская смертность была отмечена в Таджикистане (107,0 на 100 тыс. новорожденных детей) и самая низкая в Узбекистане (54,0 на 100 тыс. новорожденных детей). В Киргизской Республике в последующие десятилетия сохранялся высокий уровень данного показателя, составивший в 2015 г. 76 на 100 тыс. новорожденных детей, а самый низкий уровень — в Казахстане (12 на 100 тыс. новорожденных детей). Значительное снижение младенческой и детской смертности создает демографическую среду, в которой связь между числом рождений и числом выживших детей становится достаточно предсказуемой для формулирования на индивидуальном уровне репродуктивных целей, что, в свою очередь является предпосылкой снижения рождаемости путем планирования семьи [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, после распада СССР в республиках Центральной Азии наблюдались сходные демографические тренды, а именно снижение показателя рождаемости, смертности и показателя естественного прироста населения, стабилизация суммарного коэффициента на уровне расширенного воспроизводства, увеличение средней продолжительности жизни населения. Поэтому численность населения во всех республиках Центральной Азии увеличится к 2050 г. благодаря высокой рождаемости, фертильности, молодой возрастной структуре и снижению показателя смертности.

Литература

1. Иванов С. Ф. Демография современного мира // Мировая экономика в начале XXI века: учеб. пособие / под ред. Л. М. Григорьева. М.: Директ-Медиа, 2013. С. 336–345.
2. Мировая демографическая ситуация, 2014 год: крат. докл. Н.-Й.: ООН, 2014. 44 с.
3. Антонов А. И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве //

- Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2010. №. 4. С. 134–150.
4. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006. 192 с.
 5. Понукалина О. В. Демографическая ситуация в Саратовской области: проблемы, вызовы, тенденции // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. Т. 4. № 53. С. 154–159.
 6. Сизова Ю. С. Институциональная поддержка как инструмент повышения предпринимательской культуры на разных стадиях жизненного цикла организации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. Т. 3. № 77. С. 97–104.
 7. Сизов С. Д., Сизова Ю. С. H. Wells, his futurism and not only // Концепт. 2015. Т. 25. С. 121–125.
 8. Архангельский В. Н., Данилова И. А., Дмитриев Р. В. [и др.]. Перспективы демографического развития России до середины века // Народонаселение. 2017. № 3. С. 24–35.
 9. Kim J. The effects of demographic change on GDP growth in OECD economies. IFDP Notes. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System, 2016.
 10. World Bank Health Data, 2016 // World Bank Data. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dataworldbank.org/indicator/SH.XPD.PCAP> (дата обращения: 08.08.2018).
 11. Country Health Profiles, 2017 // World Health Rankings. [Электронный ресурс]. URL: www.worldlifeexpectancy.com/world-health-rankings (дата обращения: 08.08.2018).
 12. Мировой атлас данных, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chrome.google.com/webstore/detail/world-data-atlas/ru> (дата обращения: 08.08.2018).

УДК 332.02(575.1)

Б. Р. Бердиев

Влияние механизмов рынка на формирование социально-классовой структуры общества (история и современность)

B. R. Berdiyev. The impact of market mechanisms on the social-class structure of society (Past and Present)

Настоящая статья посвящена рассмотрению и анализу влияния механизмов рынка на формирование социально-классовой структуры общества. С учетом происходящих крупномасштабных преобразований во всех сферах в Узбекистане сегодня происходит смена общественного строя, сопровождающаяся разрушением, трансформацией, а также становлением новой социальной структуры узбекского общества. В статье проанализированы вопросы становления теорий социально-классовой структуры

The present article is devoted to consideration and the analysis of influence of mechanisms of the market on formation of social-class structure of society. Taking into account the happening large-scale transformations in Uzbekistan today in all spheres of activity of the person, in the country there is a change of a social order which is followed by destruction, transformation and also formation of new social structure of the Uzbek society. In article issues of formation of theories of social-class structure of society are analysed.

Бобир Рахматович Бердиев — научный исследователь кафедры социологии национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент).

© Бердиев Б. Р., 2018

общества. Также автором рассмотрены разнообразные формы социальной стратификации, осмыслены процессы социальной стратификации общества как функций социальной структуры. Автор показал глубокие изменения социальной структуры узбекского общества и его трансформации с начала 90-х годов XXI в. (обретения Узбекистаном независимости) на основе процессов приватизации государственной собственности, а также реформы, проводящиеся в государстве, которые привели к существенному сдвигу в социально-профессиональном составе населения, что привело к повышению уровня образования и квалификации населения, изменилась структура занятий.

Ключевые слова: социально-классовая структура; социальная стратификация; Абу Наср аль-Фараби; Амир Темур; трансформация; реформы; фермеры.

Контактные данные: 100117, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Чиланзарский р-н 20-19/5-17; (998-99) 886-28-49; berdiev@mail.ru.

Also the author considered various forms of social stratification, processes of social stratification of society as functions of social structure are comprehended. The author of work showed profound changes of social structure of the Uzbek society and its transformation since the beginning of the ninetieth years of the twentieth century (finding of independence by Uzbekistan) on the basis of processes of privatization of state ownership and also the reforms which are carried out in the state which led to significant shift in the social and professional structure of the population that led to increase in education level and qualification of the population the structure of occupations changed.

Keywords: social-class structure; social stratification; Abu Nasr al-Farabi; Amir Temur; transformation; reforms; farmers.

Contact details: Chilanarskiy Distr. 20-19/5-17, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100117; (998-99) 886-28-49; berdiev@mail.ru.

Жизнь общества невозможно понять без учета тех представлений, которые ее формируют. Социологический анализ социальной структуры общества имеет длительную историю, берущую свое начало еще в трудах Платона и Аристотеля. По мере становления социологии как самостоятельной отрасли науки расширялся и уточнялся объект исследования процессов социального неравенства и расслоения общества, вводились новые понятия, пополнялась эмпирическая база. Еще с древних времен проблемы равенства и неравенства, социальных классов, процессы социальной стратификации занимали пытливые умы ученых-мыслителей нашего государства. Сегодня, в период активизации перехода на очередной уровень рыночной экономики, в первую очередь необходимо опираться на опыт и знания, имеющие под собой научно-философский базис, копившийся и передававшийся от поколения к поколению. Известные ученые и государственные деятели Центральной Азии оставили нам в наследие ценные комментарии по вопросам социальной структуры общества, роли в нем социальных групп, условиям мира, стабильности и справедливости в обществе. У нас есть абсолютное право считать эти идеи высокими и не потерявшими значения до настоящего времени.

Необходимо отметить, что возникновение классов является закономерным результатом экономического развития общества, появления частной собственности на средства производства.

В философских взглядах Востока, в частности взглядах среднеазиатских мыслителей, мы находим отношение к социальным классам, богатству и собственности, собственности среднего класса, их роли в жизни общества. Примером этого являются взгляды на права собственности в Авесте, Абу Насра Фараби, Абу Райхана Беруни, аль Хорезми, особенно в «Хамсе» Алишера Навои и в «Уложениях» руководства Амира Темура.

Великий мыслитель Абу Наср аль-Фараби, живший и творивший во второй половине IX и первой половине X в., в своем произведении «Взгляды жителей добродетельного города» перечисляет представителей физического и умственного труда, т. е. фермеров, животноводов, ремесленников, священнослужителей, и позитивно относится к данным слоям населения. Более того, философ резко осуждает богатых владельцев, а также ленивых людей [1, с. 159].

Получивший титул «Восточного Аристотеля», т. е. «Муаллимус Сони», Фараби созвучно взглядам греческого учителя-философа анализировал социально-классовую структуру общества. Как мы знаем, Аристотель, в отличие от своего наставника Платона и других мыслителей, разделил общество на три класса: 1) некомпетентные; 2) средние владельцы; 3) самозанятые. Согласно взглядам мыслителя, люди участвуют в общественной жизни в соответствии с ролью, которую играют в своих классах [2, с. 232].

Необходимо особо подчеркнуть, что социальные идеи, выдвинутые нашими предками, важны и в нынешней социально-политической системе. В частности, учение Абу Насра Фараби о необходимости объединения граждан страны и о сообществе в трех формах — великих, средних и малых — никогда не теряли своего значения.

Фараби является первым среди философов Ближнего и Среднего Востока, развивших учение о происхождении общества, его целях и задачах. Ученый-энциклопедист обосновал, что в условиях средневековых обычаев и обстоятельств общество динамично появилось естественным образом, и только с помощью других людей человек может противостоять вызовам жизни. «Все люди устроены так, — говорит Фараби, — что им нужно многое для достижения в жизни абсолютной зрелости, и человек не может сделать этого в одиночку, и ему нужна команда, группа людей. Деятельность членов этой группы предоставит каждому из них то, что необходимо для их выживания и достижения зрелости. Вот почему люди выросли и живут в той части земли, где формируется человеческое сообщество» [1, с. 13].

Города, по его мнению, являются высшей формой построения человеческого общества с необходимыми условиями для развития людей. Важно отметить, что люди объединяются, чтобы сформировать группу, команду, сообщество, исходя из естественной потребности их существа.

Фараби в своем учении о совершенном обществе разделяет людей на разные группы. В то же время он учитывает не только убеждения людей, но и естественное любопытство, знания и интерес к науке. Идея заключалась в том, что религия должна служить человеческому совершенствованию и просветлению. Мировоззрение ученого основано на свободе от религиозных суеверий. Он очень уважает ислам и Коран, считая его источником для обучения людей, но в то же время критикует маскировку преследования корыстных целей и личных интересов религиозными постулатами.

Философ из города Фараб разделяет города-государства на добродетельные и невежественные. В добродетельных городах люди стремятся к счастью, справедливости, высокоморальны, образованы, имеют все положительные качества. Но есть города или страны, где жители алчны до богатств, погружены в грехи, аморальных поступках, предались наслаждениям. Те, кто стоят во главе невежественных городов, ищут только богатства. «Правители государства, — как отмечал ученый, — считают, что руководить государством значит накапливать и приумножать богатства. Вот почему они бывают настроены в накоплении материальных ценностей. Под руководством таких невежественных правителей у жителей города также возникают всевозможные

дурные привычки, сексуальные желания, жестокое обращение, предательство, враждебность и противоречия».

Сформированная в XX в. теория «интеллектуальной элиты» и лежащие в ее основе события и процессы ощутил и предсказал Фараби. Как писал философ, для достижения настоящего счастья город и его жители должны быть добродетельными. В целях достижения счастья жители города будут сообща помогать друг другу.

Великий государственный деятель, известный своими политическими заслугами всему миру, Амир Темур оставил потомкам важный источник, который является ценным и при изучении систем социальной стратификации периода XIV–XV вв. В «Уложениях» Темура мы читаем: «Я разделил свой султанат на двенадцать категорий, и правил государством, опираясь на их поддержку. Также я создал права и законы, связав с этими двенадцатью категориями. Я определил эти двенадцать категорий как двенадцать созвездий моего королевства.

Первая категория — саиды, ученые, шейхи, ученые;

Второй тип — умные люди и советники, осторожные люди, виртуозные и люди, думающие о завтрашнем дне, немолодые опытные люди;

Третий вид — религиозно-доброжелательные люди;

Четвертая группа — эмиры, сарханги, сипахсалары;

Пятый тип — сипахи и духовенство;

Шестой тип — самые умные, самые надежные люди (для секретных заданий);

Седьмая категория — министры, секретари, киприоты;

Восьмая категория — судьи, врачи, астрологи и инженеры;

Девятая категория передается переводчикам (историкам) и повествователям о пророке, его потомках и его сподвижниках;

Десятая категория — писатели, суфии;

Одиннадцатая категория — профессиональные работники;

Двенадцатая категория — путешественники» [3, с. 64–66].

Другим важным аспектом является социальная стратификация общества при Амуре Темуре, но не по признаку богатства, близости к трону и власти, национальности или религии, а по духовным качествам и умственным способностям людей.

Французский ученый Марсель Брион, который изучил жизнь и деятельность великого полководца и государственного деятеля, написал замечательную статью об Амуре Темуре, отмечает один интересный факт. По его словам, Амир Темур после того как взял власть над государством в свои руки, уничтожил нищету и попрошайничество. Его люди изучали физические способности каждого нищего и, если у того была инвалидность, ему назначали пенсию. Если же нищий человек был здоров, его привлекали к труду, а в случае отказа отсекали голову. За короткий срок времени в государстве Амира Темура не осталось ни одного нищенствующего [4].

В бывшем Советском Союзе экономический потенциал социальных групп в Узбекистане измерялся стандартом участия, распределения и владения общественным достоянием. В соответствии с этим критерием можно выделить следующие стратегемы:

- 1) бюрократия (распределяет социальные пособия);
- 2) руководители производства (распределяют финансы и имущество предприятия и, реже, связаны с экономикой);
- 3) персонал логистики;
- 4) оптовые и розничные торговцы;
- 5) обслуживающий персонал и т. д.

События начала 1990-х гг., затронув и перевернув все базовые институты в стране, привели к формированию новых экономических отношений и, следовательно, к иной расстановке классов и социальных групп общества в Узбекистане. Начались глубокие исследования особенностей и условий перехода к рыночным экономическим отношениям, выделение среднего класса, определилось его место в социальной структуре нашего общества, началось изучение влияния социально-экономической дифференциации регионов и межотраслевых различий в оплате труда на социальную структуру общества.

В первые годы независимости Первый президент Узбекистана Ислам Каримов теоретически не только обосновал новую систему экономических отношений, но и доказал необходимость радикального реформирования всех сфер, разработал уникальный и согласованный подход, основанный на мировом опыте. Годы спустя, в своей книге «Высокая духовность — непобедимая сила», опубликованной в 2008 г., Ислам Каримов, вспоминая прошлое, задавал пытливые вопросы: «В частности, 22 сентября 1994 г. с трибун парламента мы услышали некоторые из самых страшных событий в истории нашего народа, т. е. унижении чести, достоинства нашей нации, нашей древней истории и наших священных ценностей, а также были подняты вопросы:

- Как вы думаете, дорогие друзья, кем мы были во времена колониального режима, колониализма?
- Скажите, знал ли мир об Узбекистане в то время? Кто-нибудь объяснит нам?
- Кто из нас понимал, что наша страна была сокровищем, владеющим огромными богатствами?» [5, с. 5–6.]

В социальной стратификации доход является важным критерием для формирования страты. В зависимости от способностей человека способы получения и размеры заработка можно разделить на следующие слои:

- высококвалифицированные рабочие. Хотя работа требует непосредственной деятельности, ее содержание постоянно обновляется. Источником дохода является в основном умственный труд;
- среднеквалифицированные рабочие. Во время производственного процесса работа над частью всего цикла не требует улучшения квалификации сотрудника из-за непрерывного повторения одних и тех же операций;
- неквалифицированные рабочие. Этот уровень является наименее прибыльным и включает специализированные и неквалифицированные рабочие места, не требующие длительной специальной подготовки.

Концепция независимого развития основана на формировании класса собственников, создании его правовой основы, экономической основы и духовного аспекта. Указ Президента предусматривал выделение земли населению в 1992 г., повышение средств существования граждан, проживающих в городах, и повышение благосостояния народа в целом.

Сегодня рыночная экономика требует плюрализма форм собственности. Монопольное положение одной формы собственности исключается. Эти формы равны в экономических и социальных отношениях. Рыночные отношения формируются и развиваются в результате взаимных экономических отношений различных форм собственности, отражающих интересы собственников и наемных работников.

Как известно, экономические факторы играют важную роль в жизни различных социальных групп, поскольку получение доходов и приобретение материальных благ основано на этих экономических отношениях. В этом смысле даже в минувшие советские времена частное земледелие было разрешено, но было запрещено зарабатывать им, получая дополнительный доход.

Одной из новых страт, имеющих высокий социальный статус в Узбекистане в период независимости, является группа фермеров. Фермеры оправдали себя в мировой практике, ведя эффективное сельское хозяйство. Если у фермера относительно низка стоимость товара, то чем выше качество продукта, тем выше будет уровень прибыли. Каждый фермер становится членом правления хозяйства, например контролирует определенную деятельность, честно работает и делится результатами.

21 декабря 2017 г. в Узбекистане на XIII заседании Олий Мажлиса были объявлены этапы перехода к многоотраслевому фермерскому хозяйству. На заседании с речью выступал министр сельского и водного хозяйства Зоир Мирзаев, который отмечал, что в 2017 г. 23 800 фермерских хозяйств перешли к многоотраслевому типу хозяйства. Также он отмечал, что, согласно новой программе развития, в 2018 г. 21 634 фермерских хозяйств начнут свою деятельность по 22 направлениям сельского хозяйства. Более того, ожидается осуществление 22 986 проектов, в числе которых предусматривается строительство теплиц на территории 844 га, разбивка виноградников на территории 4300 га, интенсивных садовых территорий в 4700 га земли. Министр сельского и водного хозяйства Зоир Мирзаев отмечал, что на осуществление этих проектов необходимо 1,6 трлн сумов денежных средств [6].

Необходимо указать, что трансформационные процессы в Узбекистане еще не закончились, и современную социальную структуру нельзя рассматривать как стабильную, устойчиво-оформленную модель общества. Продолжаются интенсивные радикальные изменения в отношениях собственности, распределении, общественной организации труда, в тенденциях и направлениях социальной мобильности, что определяет высокую актуальность и значимость проводимых исследований.

Экономические реформы, проводимые в нашем государстве, выдвинули на первый план комплекс проблем, связанных с развитием социально-структурной трансформации общества, изменением положения отдельных групп и слоев населения. Разнообразие форм собственности стало определяющим фактором, влияющим на архитектуру современного общества. Разделенные на социальные страты и слои, имея собственные экономические интересы, представители разных социальных групп различаются поведением на рынке труда, потребительском рынке, ориентацией на разные социально-экономические и духовные ценности.

Переход к новым экономическим отношениям способствовал трансформации социально-классовой структуры общества, что выразилось, в первую очередь, в появлении класса частных предпринимателей и привело к изменениям внутри класса наемных работников. Оба эти класса находятся еще в стадии своего «рыночного» оформления, отличаются крайне неоднородностью и высокой внутренней дифференциацией. Проявляются ростки нового явления — это лица, живущие на доход от собственности. Социальная структура современного узбекского общества по сравнению с дореформенным периодом стала менее жесткой, более диверсифицированной и подвижной. Началось активное размывание старых и формирование новых общественных групп, усилилась горизонтальная мобильность граждан страны. Однако нисходящая мобильность крупных социальных групп резко доминировала над восходящей. Построение рыночной экономики расширило возможности индивида для самореализации, свободу выбора поля деятельности, однако естественным ограничителем становится уровень жизни. Лучше адаптацию к новым условиям проявляет молодежь, демонстрирующая более позитивную оценку ситуации, а также лица с высоким профессионально-квалификационным потенциалом.

Реформы, проводящиеся в государстве, привели к существенному сдвигу в социально-профессиональном составе населения, что привело к повышению уровня его образования и квалификации, изменилась структура занятий.

Литература

1. *Форобий А. Н.* Фозил одамлар шахри. Т.: А. Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 1993. 182 б.
2. *История философии*: в 2 т. / под ред. Г. Ф. Александрова [и др.]. Т. 1. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. 492 с.
3. *Темур тузуклари*. Т.: Г. Ғулом нашриети, 1991. 83 б.
4. *Я — Тимур*, властитель вселенной: жизнь и деятельность Тимура, описанные им самим / сост. М. Брион; пер. и изд. З. Мансури. Т.: Изд-во Нац. б-ки Узбекистана им. А. Навои, 2009. 502 с.
5. *Каримов И. А.* Юксак маънавият — енгилмас куч. Т.: Маънавият, 2008. 176 б.
6. *Ko'p tarmoqli fermer xo'jaligiga o'tish bosqichlari e'lon qilindi* // KUN.UZ. [Электронный ресурс]. URL: kun.uz/uz/02517887 (дата обращения: 06.08.2018).

УДК 325.2

Н. В. Краснова

Эмиграционная политика в мусульманских странах: социально-экономический и демографический аспекты проблемы

***N. V. Krasnova. Migration policy in Muslim countries: socio-economic
and demographic aspects of the problem***

В статье проанализированы принципы эмиграционной политики. Проведена классификация мусульманских государств по типам эмиграционной политики. Рассмотрено использование различных инструментов эмиграционной политики в зависимости от внутренних и внешних факторов: внутриполитическая и социально-экономические ситуации, мировые финансовые кризисы, военное противостояние и мирная жизнь. Предложена иерархия детерминантов мирной жизни и военного противостояния в исламском мире.

Ключевые слова: эмиграционная политика; производство ВВП на душу населения; мусульманские страны; доля мальчиков в начальной школе; иерархия.

The article analyzes the principles of migration policy. The classification of Muslim States by types of migration policy. The use of various tools of migration policy depending on internal and external factors is considered: internal political and socio-economic situations, global financial crises, military confrontation and peaceful life. A hierarchy of determinants of peaceful life and military confrontation in the Islamic world is presented.

Keywords: migration policy; production of GDP per capita; Muslim countries; share of boys in elementary school; hierarchy.

Наталья Вениаминовна Краснова — ведущий экономист ООО «СМТ-Строй» (Москва), кандидат экономических наук.

© Краснова Н. В., 2018

Контактные данные: 115487, Москва, пр. Андропова, д. 38, корп. 3; (495) 642-84-60; kras-nova@yandex.ru.

Contact details: Andropova Ave 38, Bld. 3, Moscow, Russian Federation, 115487; (495) 642-84-60; kras-nova@yandex.ru.

Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА) регулярно, с целью выявления различных вариантов государственной эмиграционной политики, проводит опросы руководителей и работников профильных государственных организаций практически всех стран мира. При этом данные по странам включают два основных компонента. Первый из них — это оценка государством происходящего в стране эмиграционного процесса; второй, возникающий на основе первого, — это степень государственного вмешательства в упомянутый процесс. На основе принимаемых оценок и решений («увеличить», «уменьшить», «сохранить») складывается общая картина государственной эмиграционной политики по странам мира.

Изучение типов эмиграционной политики, присущих исламским государствам, позволяет сделать вывод о том, что для всех исследуемых стран, кроме Алжира, Иордании, Сирии и Туркменистана, характерен относительно либеральный подход к ее формированию: «Эмиграция удовлетворительная; требуется государственное вмешательство с целью ее сохранения». Этой позиции придерживаются: Азербайджан (2009–2013); Бахрейн (1976–1995); Бангладеш (1976–1995); Египет (1976–1995); Иран (1976–1985); Ирак (1976–2004; 2009–2010), Кувейт (1976–1995); Ливан (1976–1995); Ливия (1976–2013); Марокко (1976–1985); Оман (1976–2004); Пакистан (1976–1985); Катар (1976–2004); КСА (Королевство Саудовская Аравия, 1976–2004); Тунис (1976–1995), Турция (1996–2013); ОАЭ (1976–1995); Узбекистан (2005–2010); Йемен (1976–1985) [1, р. 174, 176, 256, 310, 312, 332, 340, 380, 408, 428, 506, 508, 528, 536; 2, р. 120, 124, 262, 282, 290, 358, 360, 476; 3, р. 164, 168, 170, 250, 304, 306, 334, 340, 376, 402, 422, 446, 502 504, 514, 524, 532].

Данная эмиграционная политика проводилась в условиях мирной жизни крупными импортерами трудовых ресурсов: Бахрейн, Оман, ОАЭ, КСА, Катар и такими же экспортерами рабочей силы: Бангладеш, Египет, Пакистан, Тунис, Марокко, Йемен.

В нефтедобывающих монархиях Персидского залива указанной эмиграционной политики придерживались после и/или во время значительного повышения цен на энергоносители (1971–1980). Однако обвал цен на нефть в 1985 г. обусловил сокращение или стагнацию производства ВВП на душу населения в Катаре, ОАЭ, Омане, Бахрейне, кроме КСА, в течение 1985–1995 гг.

Эта эмиграционная политика претворяется в жизнь внутри границ ежегодно падения высокого производства ВВП на душу населения в ОАЭ, равного 2,35% каждый год в течение 20 лет, его рывка в 2,5 раза и его стагнации в Бахрейне (1975–1985; 1985–1995), а также при положительном или отрицательном колебании указанного социально-экономического показателя. При этом в динамике роста он изменяется в 1,9 раза в КСА в течение 5 лет; в 2,4 — в Катаре (2000–2005); в 2,9 и в 1,9 — в Омане (1975–1985; 2000–2005); на 16% в КСА (1975–1995); на 19 и 33 — в Катаре (1975–1985; 1995–2000); а в динамике его снижения — на 7% Катаре за 10 лет; на 14 — в Омане за 15 лет; на 5 — в КСА (1995–2000).

Если в течение 10 лет от 2/3 мальчиков охвачены начальным образованием в условиях колебания положительного или отрицательного движения высокого производства ВВП на душу населения, но в процессе роста он изменяется в 1,9 раза и более за 5 лет, а в ходе снижения — ежегодно до 1% в течение 5 лет, то ужесточается эмиграционная политика в государствах, одобряющих политику по программе возвращения граждан (ПВГ), как в КСА. В аналогичной социально-

экономической ситуации органы власти фактически не вмешиваются в эмиграционную политику в странах, не утверждающих политику по ПВГ, как в Омане. Когда в течение 20 лет наблюдается ежегодное падение рассматриваемого социально-экономического показателя, равное от 2,35%, на фоне доли обучающихся в начальной школе мальчиков от 70%, то тоже корректируется эмиграционная политика в сторону либерализации: отсутствует политика по ПВГ, как в ОАЭ.

Все мальчики охвачены начальным образованием в течение 10 лет в Бахрейне (1985–1995) при десятилетней стагнации производства ВВП на душу населения: смягчается с 1996 г. эмиграционная политика, отклоняется политика по ПВГ, хотя требуются инвестиционные вливания в экономику, затронутую нефтяным кризисом.

Доля мальчиков в начальной школе в Катаре — от 91% (1995–2005). Рассмотрим траекторию движения производства ВВП на душу населения по пятилеткам внутри десятилетия, как того требует уровень образования среди мальчиков — рост указанного социально-экономического показателя на 33% в первой пятилетке и его рывок в 2,4 раза во второй. Происходит смена эмиграционной политики, с 2005 г. формируется более либеральный подход эмиграционной политики.

Рассматриваемая эмиграционная политика претворяется в жизнь крупными экспортерами трудовых ресурсов в условиях рывка производства ВВП на душу населения в 2,15 раза в Бангладеш; в 2,6 — в Тунисе; в 1,8 — в Пакистане; на 13% в Марокко. Также при колебаниях положительного или отрицательного движения — в 3 раза в Египте в течение 10 лет, а в динамике снижения — на 10% в Египте за 10 лет. При этом достижение уровня охвата начальным образованием от 68–71% мальчиков становится пограничной величиной начала этой эмиграционной политики в Египте и Тунисе на фоне доли горожан от 44%.

Если таким уровнем образования охвачены мальчики в ситуации рывка производства ВВП на душу населения в 2,6 раза, то указанной эмиграционной политики придерживаются почти 20 лет.

Когда доля мальчиков в начальной школе составляет до 50% в течение 10–15 лет на фоне доли горожан до 30% в условиях рывка рассматриваемого социально-экономического показателя, длящегося 10–20 лет, но он существенно ниже, то также осуществляется данная эмиграционная политика. Она проводится также в Йемене (1976–1985), но нет данных по охвату начальным образованием мальчиков и производству ВВП на душу населения в нем.

Внутри экономического рывка, равного 3,1 раза (2000–2015), придерживаются указанной эмиграционной политики в Узбекистане (2005–2010) на фоне доли горожан до 40% в течение целого поколения, замедляющей смену эмиграционной политики в условии положительной двадцатилетней динамики производства ВВП на душу населения. Однако доля мальчиков в начальной школе — от 91% в течение 20 лет: претворяется в жизнь иная политика усиленного стимулирования эмиграции в Узбекистане (2011–2013) в ситуации отклонения политики по ПВГ, экономического роста и смены режимов в мусульманских странах.

Относительно либеральная эмиграционная политика осуществляется в Азербайджане (2009–2013) во время вялого протекания военного конфликта и существенного колебания изучаемого социально-экономического показателя; охват начальным образованием мальчиков — от 94%; доля горожан — чуть более половины. Глобальный финансовый кризис и одобрение политики по ПВГ обуславливают хотя и либеральное, но вмешательство в процессы эмиграции.

Указанную эмиграционную политику проводят в Ливане в обстановке агрессивных действий со стороны Израиля и оккупации им южных территорий СТРАНЫ в 1982 г. в условиях среднего падения производства ВВП на душу населения на 40% в течение 10 лет, затем был его рывок в 4,2 раза; доля горожан — от 67%.

В процессе мирного существования и военного противостояния значительные экспортеры энергоресурсов — Иран, Ирак, Ливия, Кувейт — придерживаются этой эмиграционной политики. Она осуществляется в границах рывка производства ВВП на душу населения 2,4 раза в Иране (1975–1985); в 3,7 — в Ираке (2005–2015) (второй период); в 1,3 — в Кувейте. Также внутри пределов колебания положительного или отрицательного движения его в росте — дважды: в 2,6 и в 1,42 раза в Ираке (1975–1985; 1995–2000), а в динамике его снижения — дважды: в 1,48 и 2,6 раза в Ираке (1985–1995; 2000–2005). При этом отсутствует доля мальчиков в начальной школе, равная от 91%, в течение 10 лет во время претворения в жизнь рассматриваемой эмиграционной политики, кроме Ливии и Ирака (2009–2012) (второй период). Однако сила рывка или падения указанного социально-экономического показателя — ниже 3 раз в течение 10 лет, за исключением Ирака (второй период).

Разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан в них — ниже 2,08 раза в течение 10 лет — становится фактором, ускоряющим принятие решения органами власти по видоизменению эмиграционной политики лишь в Иране: в других странах отсутствует положительная динамика доли мальчиков во время осуществления указанной эмиграционной политики.

Если доля мальчиков в начальной школе не опускается ниже 67% в течение 20 лет, то следует рассматривать динамику производства ВВП на душу населения по десятилетиям [4, с. 22] внутри анализируемого двадцатилетия. Здесь отмечается «лаг терпения» населения, определяемый траекторией движения рассматриваемого социально-экономического показателя по двадцатилетию или четверти века. Он пройдет в случаях с Ираком в 2005 г. и с Кувейтом в 1995 г. Однако военное вторжение американцем в Ирак побудило органы государственной власти с 2005 г. к формированию более жесткого подхода эмиграционной политики.

В Кувейте с 1996 г., наоборот, фактически отказываются от вмешательства в процессы эмиграции: хватает системы кафала, создающей противопоставление между различными социальными группами Кувейта, обладающими множеством юридических и экономических льгот подданными и практически бесправными негражданами [5, с. 116].

Этот тип иммиграционной политики проводится внутри границ двадцатилетней положительной динамики производства ВВП на душу населения в Турции (1995–2015); доля мальчиков — от 3/4 в течение всего периода. В Турции после глобального кризиса принимается двойное гражданство и отклоняется политика по ПВГ; вектор СКР направлен вниз в режиме малодетности.

Другой либеральный подход к формированию политики по отношению к эмиграции заключается в формулировке «эмиграция удовлетворительная; государственного вмешательства не требуется». Этого типа политики придерживаются: Азербайджан (1996–2008); Алжир (2005–2008); Бахрейн (1996–2013); Бангладеш (1996–2004); Иордания (1996–2004); Кувейт (1996–2004; 2009–2013); Марокко (1996–2004); Оман (2005–2013); Катар (2005–2013); ОАЭ (1996–2013) [1, р. 154, 174, 324, 332, 380, 408, 428, 518; 2, р. 104, 120, 124, 126, 274, 282, 358, 378, 466; 3, р. 146, 164, 168, 170, 318, 326, 376, 402, 422, 514].

В 1996–2013 гг. Бахрейн и ОАЭ, являясь крупными импортерами трудовых ресурсов, фактически отказываются от вмешательства в процессы эмиграции,

придерживаясь указанной эмиграционной политики. В это время доля городского населения — от 88% в Бахрейне, от 78% в ОАЭ; охват начальным образованием мальчиков — от 91% в течение 10 лет в Бахрейне и ОАЭ. Рассмотрим динамику производства ВВП на душу населения в Бахрейне по пятилеткам в течение 20 лет (1995–2015): его рост — на 6% в первой пятилетке; его рывок — в 1,9 раза во второй; рост — на 16% в третьей и на столько же в четвертой. Проанализируем динамику изучаемого социально-экономического показателя в ОАЭ за 20 лет: его рывок — в 2,16 раза в ОАЭ (1995–2015). Существенный рост высокого производства ВВП на душу населения, равный 58% за 10 лет, положительно влияет на позицию органов государственной власти в ОАЭ: с 2005 г. осуществляется политика по ПВГ.

Эта эмиграционная политика претворяется в жизнь также при мирной жизни внутри границ роста производства ВВП на душу населения на 50% в Катаре (2005–2015), на 24 — в Омане (2005–2015). Разберем динамику положительного или отрицательного движения указанного социально-экономического показателя по пятилеткам внутри десятилетия в Катаре (2005–2015), как того требует высокий уровень начального образования среди мальчиков: он — от 92% в течение 10 лет. Ежегодный рост производства ВВП на душу населения — на 5% в Катаре в первой пятилетке и на 5% во второй. В Омане отсутствует десятилетие, в котором от 91% мальчиков охвачены начальным образованием, — анализ траектории движения производства ВВП на душу населения по пятилеткам внутри десятилетия не реализуется.

В 1996–2004 гг. Кувейт — центр привлечения мигрантов — придерживается данной эмиграционной политики в условиях мирной жизни. В это время доля горожан — от 98%. Рывок в 2,08 раза высокого производства ВВП на душу населения наблюдался в 1995–2005 гг.; доля мальчиков в начальной школе — от 2/3 в течение 10 лет. Изучим траекторию движения указанного социально-экономического показателя по десятилеткам внутри двадцатилетия (1985–2005), как того требует уровень образования среди мальчиков: ежегодный рост его — на 2,5% в первой десятилетке и рывок в 2,08 раза во второй. Происходит смена эмиграционной политики в 2005–2008 гг. в Кувейте: правительство придерживается мнения о том, что «эмиграция слишком низкая, но государственного вмешательства не требуется». Такую же эмиграционную политику осуществляли в Алжире (1976–1985) внутри границ рывка этого социально-экономического показателя в 2,7 раза за 10 лет в условиях разрыва между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан, равного 1,7 раза. Однако органы государственной власти Кувейта в 2009–2013 гг. опять отказываются от вмешательства в процессы эмиграции: «Эмиграция удовлетворительная; государственного вмешательства не требуется». Этот тип политики в начале XXI в. проводится внутри границ ежегодного падения высокого уровня производства ВВП на душу населения на 1,1% в Кувейте (2005–2015); доля мальчиков в начальной школе — от 94%; доля горожан — от 96%.

Значительные экспортеры энергоресурсов придерживаются указанной политики внутри пределов роста ВВП на душу населения в 2,5 раза в Алжире (2000–2015), а в Азербайджане во время вялого протекания военного конфликта и существенного колебания изучаемого социально-экономического показателя; доля мальчиков в начальной школе — от 84% в Азербайджане. При этом отсутствует доля мальчиков в начальной школе, равная от 91%, в течение 10 лет в Алжире: она — от 90% в течение тех же 10 лет, а сила рывка данного социально-экономического показателя — меньше 3 раз. Но в 2009 г. в преддверии «арабской весны» в Алжире корректируется эмиграционная политика.

Экспортеры трудовых ресурсов — Марокко, Иордания, Бангладеш — в ситуации мирной жизни и финансового азиатского кризиса фактически отказываются от вмешательства в процесс эмиграции: «Эмиграция удовлетворительная; государственного вмешательства не требуется». Эту эмиграционную политику осуществляли в пределах рывка производства ВВП на душу населения в 1,6 раза в Марокко (1995–2005); в 1,5 — в Иордании (1995–2005); в 1,7 — в Бангладеш (1995–2005). Они меняют свои позиции в оценке эмиграции: Бангладеш (2005–2013), Иордания (2005–2013), Марокко с 2013 г. предпринимают активное вмешательство в процессы эмиграции и, соответственно, проводимая ими эмиграционная политика формулируется следующим образом: «Эмиграция слишком низкая; требуется государственное вмешательство с целью ее усиления». Когда указанный социально-экономический показатель — в пределе рывка в 2,9 раза в Бангладеш (2005–2015); в 2,14 в Иордании (2005–2015); в 1,57 в Марокко (2005–2015) — доля мальчиков в начальной школе — от 88% в Бангладеш; от 92 — в Иордании; все мальчики охвачены начальным образованием в Марокко. Также после глобального финансового кризиса с 2011 г. в них принимается двойное гражданство, но по-разному осуществляется политика по ПВГ: она отклоняется в Иордании и Бангладеш и одобряется в Марокко, в котором в результате существенной доли брачных союзов между жителями этого королевства и населением Западной Сахары происходит этногенез.

Подобное активное вторжение в процесс эмиграции осуществляется в странах: Египте (1996–2004); Марокко (1986–1995); Пакистане (1996–2004); Сирии (1976–1985); Турции (1976–1995), придерживающихся данной эмиграционной политики. Этот тип политики проводится в границах рывка производства ВВП на душу населения в 2,35 раза в Турции (1975–1995); в 2,7 — в Сирии в течение 10 лет; в 2,1 — в Марокко (1985–1995); в 1,48 — в Египте (1995–2005). Также при колебании положительного или отрицательного движения его в росте — в 1,58 раза за 5 лет, а в динамике его снижения — на 2,6% ежегодно в течение 5 лет в Пакистане. При этом доля мальчиков в начальной школе — от 76% в Турции; от 86% — в Сирии; от 94% — в Египте в течение всего периода или 73% в Марокко и $\frac{3}{4}$ в Пакистане к моменту окончания указанной эмиграционной политики. Рассмотрим траекторию движения производства ВВП по десятилетним интервалам внутри двадцатилетия в Турции и Марокко. Отмечается его ежегодный рост на 1,2% в Марокко (1985–1995), на 1,4 — в Турции (1985–1995) и следует рывок в 2 раза в Марокко и Турции за 10 лет; в Сирии данный социально-экономический показатель достиг 2039 долл. в 1985 г. Политика по ПВГ не проводится в Марокко (1986–1995), в Турции, в Сирии во время претворения в жизнь данной эмиграционной политики.

Эта эмиграционная политика осуществляется в процессе мирной жизни в Египте, являющимся экспортером трудовых ресурсов и обладающим запасами энергоресурсов, внутри границ роста производства ВВП на душу населения на 37% в течение 5 лет и на 8% течение 5 лет; доля мальчиков в начальной школе — от 94%; доля горожан — от 43%.

Если доля мальчиков в начальной школе не опускается ниже 91% в течение 10 лет, то следует рассматривать динамику производства ВВП по пятилетним промежуткам времени внутри анализируемого десятилетия: более образованное населения реагирует и откликается на социально-экономическую динамику, совершающуюся в пятилетнем отрезке времени, чтобы внести коррективы в проводимую эмиграционную политику.

В Египте с 2005 г. ситуация изменилась частично: первая фраза: «эмиграция слишком низкая» — сохранилась; вторая — формулировалась отно-

сительно либерально: «...требуется государственное вмешательство с целью ее сохранения».

В Марокко с 2005 г. формулировка поменялась: «Эмиграция слишком низкая; требуется государственное вмешательство с целью ее сохранения» в процессе мирного существования и военного противостояния, хотя протестные выступления в Марокко (2010–2011) были разрознены в географическом плане. Также указанная эмиграционная политика осуществляется внутри границ рывка производства ВВП на душу населения в 2,6 раза в Египте (2005–2015); в 1,58 — в Марокко (2005–2015); все мальчики охвачены начальным образованием в них. Существенный разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан, равный в Марокко 2,08 раза, в Египте 2,5 раза, является фактором «ускорения» для изменения эмиграционной политики в Марокко и, наоборот, фактором «замедления» для смены эмиграционной политики в Египте.

Также по-разному страны декларировали свои позиции: Турция с 1996 г. объявила на правительственном уровне, что эмиграция удовлетворительная, требуется государственное вмешательство с целью ее сохранения, закрепился режим среднететности в нижних границах; Марокко с того же года фактически отказался от вмешательства в процессы эмиграции, состоялся переход от многодетности к среднететности; Сирия с 1986 г. ужесточила подход к формированию эмиграционной политики. Он формировался следующим образом: «Эмиграция слишком высокая, и требуется государственное вмешательство для ее понижения». В Сирии за счет предыдущего рывка рассматриваемого социально-экономического показателя в 2,7 раза и последующего его рывка в 1,75 раза в течение 10 лет (но они — ниже 3 раз) происходило медленно снижение суммарного коэффициента рождаемости в режиме устойчивой многодетности, который сохранился. При этом доля мальчиков в начальной школе — более %.

Несколько иначе в Тунисе (1996–2013), в Йемене (1996–2013), в Пакистане (1986–1995; 2005–2013), в Узбекистане (2011–2013) формулировалась политика прямого государственного вмешательства (стимулирования) в процессы эмиграции: «Эмиграция удовлетворительная; требуется государственное вмешательство с целью ее сохранения».

Этот тип политики осуществляется внутри пределов рывка производства ВВП на душу населения в 1,6 раза и в 1,85 раза в Пакистане (1985–1995; 2005–2015); в 1,94 — в Тунисе (1995–2015); в 3,1 — в Узбекистане (2000–2015). Также при колебании положительного или отрицательного движения изучаемого социально-экономического показателя в росте — в 4,1 раза в Йемене (2000–2015); а в динамике его снижения — в 2,3 раза в Йемене (1995–2000). При этом доля мальчиков в начальной школе — до 40 или от 80% в Пакистане; от 88% — в Йемене; от 90% — в Тунисе; от 94% — в Узбекистане.

Разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан — в 1,3 или 2,28 раза в Пакистане; в 1,4 — в Тунисе; в 3 — в Йемене; в 2,6 — в Узбекистане.

Органы государственной власти удлинляют период действия этой эмиграционной политики в Тунисе в условиях рывка в 3,4 раза производства ВВП на душу населения в течение целого поколения, хотя действует фактор «ускорения» ее изменения: разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан, равный до 2,08 раза. В Тунисе внутри периода претворения в жизнь указанной эмиграционной политики наблюдалась доля мальчиков в начальной школе не ниже 91% в течение 10 лет, позволяющая изучить динамику производства ВВП на душу населения по пятилеткам внутри этого десятилетия. Отмечается его ежегодный рост на 5,8% в первой и на 3,5% во второй.

Однако социально-экономический подъем или спад имеют первичное влияние на воспроизводство населения, в процесс которого включается и эмиграция (механическое движение населения). Степень его воздействия зависит от силы рывка или падения социально-экономического фактора: производство ВВП на душу населения на фоне доли мальчиков в начальной школе и доли горожан, определяющих временной отрезок, необходимый для сдвига в демографической динамике.

Доля мальчиков в начальной школе в Узбекистане — от 94% в течение 10 лет (2005–2015). Анализируем траекторию движения производства ВВП на душу населения: отмечается его рывок в 3,1 раза за 10 лет в ситуации глобального финансового кризиса при отсутствии политики по ПВГ и возможности принятия двойного гражданства; данная страна стимулирует эмиграцию. При этом присутствует фактор «замедления» для принятия решения государственными органами власти: разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан — от 2,6 раза.

В ситуации непринятия политики ПВГ во время осуществления указанной эмиграционной политики в Йемене состоялся переход от верхних границ многодетности к нижним; в Пакистане (1986–1995) происходило медленное снижение СКР в режиме устойчивой многодетности. Там же (2005–2013) в условиях глобального финансового кризиса и проведения данной эмиграционной политики уже одобрялась политика по ПВГ в режиме среднедетности. Вектор СКР был направлен вниз, и присутствовал фактор «замедления» для изменения указанной эмиграционной политики: разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан, равный более 2,18 раз, на фоне отсутствия десятилетия, в котором от 91% мальчиков были бы охвачены начальным образованием.

Крупный экспортер энергоресурсов — Алжир (2009–2013), а также подобные экспортеры трудовых ресурсов — Узбекистан (1996–2004), Ливан (2009–2013), Сирия (2009–2013) оценивают эмиграцию слишком высокой, но отступаются от вмешательства в процесс эмиграции и, соответственно, проводимая ими эмиграционная политика формулируется следующим образом: «Эмиграция слишком высокая; но государственного вмешательства не требуется». В это время доля горожан — от 72% в Алжире; от 37% — в Узбекистане; от 87% — в Ливане; от 50% — в Сирии. Разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан — в 1,5 раза в Алжире; в 2,5 — в Узбекистане; в 1,1 — в Ливане; в Сирии — в 2,34. Данная эмиграционная политика претворяется в жизнь внутри границ рывка производства ВВП на душу населения в 2,5 раза в Алжире (2000–2015); его ежегодного роста на 5,4 и 14% в Узбекистане (1995–2000; 2000–2005); во время несущественного колебания производства ВВП на душу в Ливане (2009–2013) и Сирии. При этом протекает военное противостояние в Алжире, гражданская война в Сирии, мирная жизнь в Узбекистане и Ливане.

В иерархии детерминантов мирной жизни и военного противостояния в мусульманском мире рывок или падение производства ВВП на душу населения более 3 раз в промежутках, равных 5, 10, 20 лет, определяемых долей мальчиков в начальной школе в течение 10 лет или 20 лет, занимает верхнюю строчку. Когда он осуществляется в тех же границах, но существенно ниже, как в Узбекистане (1995–2005), то следует изучать разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан.

Данный разрыв располагается на втором месте и является фактором «ускорения», если он — до 2,08 раза в течение 10 лет, или «замедления», если от 2,18 раза в течение тех же 10 лет, принятия решения государственными органами власти по изменению эмиграционной политики.

В случае с Узбекистаном присутствует фактор «замедления»: рассматриваемый разрыв равен в 2,5 раза в ситуации отсутствия политики по ПВГ и принятия двойного гражданства, азиатского финансового кризиса. Органы государственной власти располагаются на почетном третьем месте в указанной иерархии в условиях отсутствия глубоких экономических и политических кризисов или военных противостояний, но если они глубокие и длительные, то происходит изменение в данной иерархии: государственная власть поднимается на второе место, а фактор «разрыва» перемещается на третье.

Серьезные игроки на рынке энергоресурсов — КСА (2005–2013), Иран (1996–2010) [1, р. 310, 452; 2, р. 260, 402] — в процессе мирной жизни и финансовых кризисов, азиатского или глобального, частично корректируют оценку эмиграции и, соответственно, цели проводимой эмиграционной политики, формулируя ее следующим образом: «Эмиграция удовлетворительная; требуется государственное вмешательство для ее понижения». В Иране с 1996 г. политика изменилась частично: первая фраза звучала относительно либерально: «эмиграция удовлетворительная»; вторая — «...требуется государственное вмешательство для ее понижения» — сохранилась.

В КСА с 2005 г. политика поменялась частично: первая фраза: «эмиграция удовлетворительная» — сохранилась; вторая формулировалась более жестко: «...требуется государственное вмешательство для ее понижения». В Алжире (1986–2004) [1, р. 154; 2, р. 104] в условиях мирной жизни и военного противостояния между исламистами и военными в 1990-х гг. власти тоже осуществляли указанную более жесткую эмиграционную политику.

Она проводится внутри пределов колебания положительного или отрицательного движения производства ВВП на душу населения в росте — дважды: в 2,2 раза и в 1,5 раза в Иране (1995–2000; 2005–2015); в 1,5 — в КСА (2005–2015); дважды: ежегодно на 2,1 и 10% в Алжире (1995–2000; 2000–2015), а в динамике его снижения — в 1,7 раза (1985–1995); на 1,4% каждый год в Иране (2000–2005). При этом доля мальчиков — от 90% в Иране; от 90% — в Алжире в течение 9 лет; от 67% — в КСА; доля горожан — от 53% в Иране; от 48% — в Алжире; от 81% — в КСА.

Отсутствует положительная двадцатилетняя динамика рассматриваемого социально-экономического показателя в Алжире, КСА, Иране в ситуации непринятия двойного гражданства и одобрения политики ПВГ в них. В условиях глобального финансового кризиса срабатывает фактор «ускорения», действующий также в ситуации мирной жизни и военного противостояния в Алжире: разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан в них — ниже 2,08 раза; произошло изменение указанной эмиграционной политики раньше, кроме КСА. В Алжире меняется лишь формулировка ее второй части: «...но государственного вмешательства не требуется», первая — сохранилась: «Эмиграция удовлетворительная...». В Иране скорректировали, наоборот, первую часть: «Эмиграция слишком высокая...», вторая — сохранилась: «...требуется государственное вмешательство для ее понижения». Государственные органы власти ответили по-разному: либерализацией эмиграционной политики в Алжире: отсутствует снижение доли мальчиков в начальной школе в течение целого поколения и рост производства ВВП на душу населения существенно выше, чем в Иране; ужесточением — в Иране: положительная динамика доли мальчиков в начальной школе не наблюдается в течение 30 лет, но не одобряется принятие двойного гражданства. Осуществлялся процесс передвижения с третьего места на второе в иерархии детерминантов мирной жизни и военного противостояния в мусульманском мире, длительность глобального кризиса при этом неизвестна.

Охват начальным образованием — от 2/3 мальчиков в КСА. Однако волатильность мировых цен на нефть и газ в преддверии глобального финансового кризиса толкнула КСА к формированию более жесткой эмиграционной политики в условиях отсутствия любой возможности принятия двойного гражданства: состоялся переход от среднедетности в верхние границы малодетности.

Режим международного эмбарго, сформированная концепция наднационального исламского государства и указанная эмиграционная политика направляют вектор СКР в Иране вниз к малодетности именно после десятилетия сохранения оли мальчиков в начальной школе, равной 90%.

Более жесткий подход эмиграционной политики формулировался следующим образом: «Эмиграция слишком высокая, и требуется государственное вмешательство для ее понижения».

Данный тип эмиграционной политики претворялся в жизнь в процессе финансовых кризисов, нефтяного, азиатского или глобального, игроками энергетического рынка: Ирак (2005–2008; 2011–2013); Иран (1986–1995; 2011–2013); Туркменистан (2005–2013); экспортерами рабочей силы: Иордания (1976–1995); Ливан (1996–2008); Сирия (1986–2008); Йемен (1986–1995) [1, р. 310, 312, 480, 510, 536; 2, р. 262, 290, 438, 458; 3, р. 304, 306, 318, 486, 506, 532].

Этот тип политики проводился внутри границы рывка производства ВВП на душу населения в 1,9 раза в Туркменистане (2005–2015); в 4 раза — в Ираке (2005–2015); внутри границы его падения в 2,24 раза — в Иране (1985–1995) (первый период), также при колебании положительного или отрицательного его движения. При этом в динамике роста он изменился на 40% в Сирии за 5 лет; в 3,6 раза в Ливане (2000–2005); в 3 — в Иордании (1975–1985); в 1,75 — в Сирии (1985–1995), а в динамике его снижения — в 2,2 раза в Ливане (1995–2000); в 2,3 — в Сирии (1995–2005); на 19% в Иордании за 10 лет; на 7% — в Ливане (1995–2000). При ежегодном росте рассматриваемого социально-экономического показателя, равного 3,5%, осуществляется снова указанная эмиграционная политика в Иране (2011–2013) в ситуации действия международного эмбарго, ограничивающего доступ его продукции на международные рынки. К моменту окончания проведения этой эмиграционной политики производство ВВП на душу населения — 739 долл. в Йемене; доля мальчиков в начальной школе — 96%.

Доля мальчиков в начальной школе — от 62% в Иордании; от 78% — в Сирии; от 80% — в Иране (первый период); от 94% — в Ливане; все мальчики охвачены начальным образованием в Ираке и Иране (второй период). Однако отсутствует десятилетие в этих странах, за исключением Ливана, внутри границ претворения в жизнь данной эмиграционной политики, в котором доля мальчиков в начальной школе была бы равна от 91%. Анализ траектории движения изучаемого социально-экономического показателя по пятилеткам внутри десятилетия осуществляется по Ливану; по десятилетиям внутри двадцатилетия по Сирии: доля мальчиков в начальной школе в Сирии не опускалась ниже 67% в течение 20 лет. Рассмотрим динамику положительного или отрицательного движения указанного социально-экономического показателя по пятилеткам внутри десятилетия первого и второго в Ливане (1995–2005) и в Ливане (2000–2010), как того требует высокий уровень начального образования среди мальчиков: он — от 94% в течение 10 лет. Падение производства ВВП на душу населения — в 2,18 раза в Ливане в первой пятилетке первого десятилетия и его рывок в 3,6 раза во второй того же десятилетия; его рывок в 3,6 раза в первой пятилетке второго десятилетия и ежегодное снижение на 1,4% в течение 5 лет.

Проанализируем траекторию движения рассматриваемого социально-экономического показателя по десятилетиям внутри двадцатилетия по Сирии, как того спрашивает доля мальчиков в начальной школе, равная от 67% в течение 20 лет. Рынок его — в 1,75 раза в первом десятилетии (1985–1995); его падение — в 2,3 раза во втором, затем его рост — на 40% в течение 5 лет (2005–2010).

Рынок производства ВВП на душу население — более 3 раз за 5 лет в Ливане и менее 3 раз — в Сирии за 10 лет. Но нет положительной десятилетней динамики изучаемого социально-экономического показателя в Ливане; такой же, но двадцатилетней его динамики также не отмечается в Сирии в ситуации ограниченного принятия двойного гражданства в них. В условиях глобального финансового кризиса срабатывает фактор «ускорения» и «замедления» — разрыв между долей мальчиков в начальной школе и долей горожан — ниже 2,08 раза в Ливане и выше 2,18 раза в Сирии — произошло изменение указанной эмиграционной политики раньше в Ливане, а в Сирии позднее.

Однако это сказывается на формулировке лишь второй части содержания эмиграционной политики: «...но государственного вмешательства не требуется», первая ее часть сохранилась прежней: «Эмиграция слишком высокая...». Государственные органы власти ответили либерализацией эмиграционной политики, но не одобрением принятия двойного гражданства в полном объеме; они находились в процессе перемещения с третьей позиции на вторую в иерархии детерминантов мирной жизни и военного противостояния в исламском мире. Глубина глобального кризиса неизвестна.

Амплитуда колебаний производства ВВП на душу населения, экономические кризисы, уровень социальных и качественных характеристик населения влияют на эмиграционную политику в мусульманских странах, модифицируя демографические показатели и подходы органов государственной власти к процессу эмиграции, формируя иные жизненные циклы у людей.

Литература

1. *World Population Policies, 2011: Economic and Social Affairs / Population Division UNITED NATIONS PUBLICATION. Sales No. E.13.XIII.2. N. Y., 2013. 541 p.*
2. *World Population Policies, 2009: Economic and Social Affairs / Population Division UNITED NATIONS PUBLICATION. Sales No. E.09.XIII 14. N. Y., 2010. 489 p.*
3. *World Population Policies, 2013: Economic and Social Affairs / Population Division UNITED NATIONS PUBLICATION. Sales No. E.14.XIII 2. N. Y., 2013. 537 p.*
4. *Краснова Н. В. Политика рождаемости в мусульманских странах: социально-экономический аспект проблемы и модификация потребности в детях // Социология и право. 2018. № 1. С. 20–30.*
5. *Краснова Н. В. Политика народонаселения в арабских странах Персидского залива. СПб.: Изд-во С.-Петербур. акад. упр. и экон., 2011. 174 с.*

Д. М. Шакирова

Кибербуллинг в школьной среде*D. M. Shakirova. Cyberbullying in the school environment*

В статье поведены итоги социологического исследования, проведенного с использованием качественной методологии. Был осуществлен отбор и анализ фотоматериала, опубликованного в сети Интернет. Проведена обработка результатов, обозначены агрессоры, жертвы и группа наблюдателей. Также было проведено социологическое исследование в форме опроса учащихся средних школ. В результате анкетирования получены результаты относительно возраста и пола школьников, подвергшихся кибербуллингу, проведен сравнительный анализ по данным категориям. В ходе исследования определены наиболее популярные виды кибербуллинга среди школьников. Определены места локализации конфликтных действий.

Ключевые слова: кибербуллинг; школа; конфликт; Интернет; социальные сети; ученик; травля.

Контактные данные: 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51; (843) 519-42-91; dinara.mm@yandex.ru.

In article results of the sociological research conducted with use of qualitative methodology are led. Selection and the analysis of the photographic material published on the Internet was carried out. Processing of results is carried out, aggressors, the victims and group of observers are designated. Also the sociological research in the form of poll of pupils of schools was conducted. As a result of questioning results concerning age were received and a sex of the school students who underwent cyberbullying comparative analysis on these categories is carried out. During the research the most popular types of cyberbullying among school students are defined. Places of localization of conflict actions are defined.

Keywords: cyberbullying; school; conflict; Internet; social networks; pupil; persecution.

Contact details: Krasnosel'skaya Str. 51, Kazan, Russian Federation, 420066; (843) 519-42-91; dinara.mm@yandex.ru.

Сегодня в конфликтах в школьной системе имеет место широкое распространение и активное использование способов психологической травли и запугивания через Интернет. Конфликтные действия, как правило, совершаются посредством сотовых телефонов, планшетов, компьютеров и т. д. Данный тип конфликта определяется как кибербуллинг, в котором школьники используют современные технологии с целью оскорбления, доведения своих жертв до угнетенного состояния. При этом он может осуществляться в виде текстовых и MMS-сообщений, грубых записей в социальных сетях, а также электронных сообщений и злобных сайтов, которые создаются специально с целью унижения человека [1, с. 65].

В Интернете компрометирующий материал возможно распространить за секунды, поэтому главное «преимущество» кибербуллинга перед конфликтами, происходящими в реальной жизни — скорость передачи информации.

Кибербуллинг носит латентный характер, информация об обидчике скрыта, происходит одностороннее воздействие на объект травли. В отличие от других видов конфликтных действий, школьник может подвергаться кибербуллингу, находясь и в школе, и за ее пределами.

Динара Марселевна Шакирова — старший преподаватель кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета.

© Шакирова Д. М., 2018

Остановимся подробнее на рассмотрении видов кибербуллинга. Среди них необходимо выделить следующие:

- **Использование личной информации.** Имеются сообщества, занимающиеся «охотой» за выбранными жертвами из социальных сетей. Путем взлома они получают доступ к информации личного характера, к данным жертвы. Такая форма кибербуллинга доводит человека до нервного срыва, депрессии и серьезных психологических проблем.
- **Анонимные угрозы.** Киберхулиганы анонимно отправляют письма на адрес электронной почты своей жертвы с сообщениями угрожающего содержания. Иногда эти угрозы носят оскорбительный характер с вульгарными высказываниями и ненормативной лексикой, чтобы морально унижить человека.
- **Преследование.** Постоянная и умышленная травля посредством мобильной связи или по электронной почте. Хулиганы могут продолжительное время атаковать свою жертву путем оскорблений уничижительного характера или шантажировать какими-либо тайными фактами. Этот вид кибербуллинга представляет наибольшую опасность, так как может привести к мыслям о суициде.
- **Флейминг.** Популярный метод сетевых хулиганов, представляющий собой обмен короткими эмоциональными репликами между двумя и более людьми, обычно в комментариях в публичных местах Сети. Иногда может носить затяжной характер. На первый взгляд, флейминг — борьба между равными, но при определенных условиях она может превратиться в неравноправный психологический террор.
- **Хеппислеппинг (happy slapping — счастливое хлопанье, радостное избивание)** — название происходит от случаев в английском метро, где подростки избивали прохожих, тогда как другие записывали это на камеру мобильного телефона. Сейчас это название закрепилось за любыми видеороликами с записями реальных сцен насилия. Они размещают в Интернете, где их могут просматривать тысячи людей, без согласия жертвы, порой это приводит к реальной трагедии.

Одним из новых направлений интернет-угроз является так называемый «киберсуицид», или согласованные самоубийства. Используя социальные сети, подростки и молодые люди принимают решение о совместном самоубийстве. Подобные случаи фиксируются в разных странах мира. Подростки обосновывают свое такое поведение тем, что вместе уйти из жизни проще, чем в одиночестве [2, с. 124–125; 3, с. 621–622].

Н. Виллард приводит такие методы, как домогательство, постоянные изнурительные кибератаки в виде повторяющихся оскорбительных сообщений, клевета, распространение оскорбительной информации в виде текстовых сообщений, фотографий, которые достаточно часто принимают сексуальный характер.

Имеет место и такой вид кибербуллинга, как надувательство. Обидчик сначала входит в доверие к жертве, затем обманным путем выманивает информацию с целью ее дальнейшей рассылки третьим лицам.

Социальная изоляция аналогична бойкоту. В этом случае одноклассника исключают из общей онлайн-группы, что является достаточно травмирующим явлением в силу того, что основывается на одной из значительных потребностей человека. Следует учесть, что группа сверстников чаще всего является для подростка референтной.

Наиболее деструктивной формой кибербуллинга является угроза физической расправы, которая может принимать как прямой, так и косвенный характер.

Прямой кибербуллинг — это непосредственные атаки на подростка через письма или сообщения. При косвенном в процесс травли жертвы вовлекаются другие люди (как дети, так и взрослые), не всегда с их согласия; преследователь может взломать аккаунт жертвы и, мимикрируя под хозяина, рассылать с этого аккаунта сообщения знакомым жертвы, разрушая ее коммуникативное поле и порождая сомнение в моральных качествах [4, с. 180–181].

Анализ проведенных по данной тематике исследований позволяет утверждать, что процесс кибербуллинга реализуется с участием агрессора, жертвы и наблюдателей. При этом жертвой может стать любой ребенок, но обычно для этого выбирают того, кто слабее или как-то отличается от других. Наиболее часто жертвами становятся дети, имеющие физические недостатки или какие-либо особенности поведения и внешности, отличающиеся неразвитыми социальными навыками, страхом перед школой и коллективом, не имеющие опыта жизни в коллективе («домашние» дети), болезни, низкий интеллект и трудности в обучении [3, с. 621].

Достаточно важным аспектом является рассмотрение последствий кибербуллинга. А. С. Зинцова разделяет их на педагогические, психологические и медицинские. К педагогическим автор относит снижение успеваемости школьника и желания посещать учебное учреждение, прогулы, нестабильные оценки, снижение учебной активности. К психологическим: снижение самооценки подростка, потеря уверенности в себе, нарушение психического развития, развитие психических расстройств; усиление психоэмоциональной нестабильности; возрастание чувств тревоги, страха, развитие паранойи; формирование мысли о суициде. В связи с тем, что кибербуллинг сопровождается депрессиями, стрессами, происходит общее снижение иммунитета, начинаются головные боли, боли в области сердца, быстрая утомляемость, нарушение сна, ухудшение памяти и внимания, снижение аппетита и т. д. [5, с. 124]. Ряд исследователей выделяют также социальные последствия, к которым относят скрытность, нежелание идти на контакт с родителями и друзьями, избегание школы, школьных и других компаний, потеря коммуникативных навыков, дезадаптация, дезинтеграция, девиантное поведение.

Необходимо также коротко остановиться на причинах, по которым школьники могут стать агрессорами или объектами кибербуллинга в интернет-пространстве. В качестве причин агрессивного поведения выделяются: стремление к превосходству, чувство неполноценности, которое носит субъективный характер и основано на совокупности психологических и эмоциональных ощущений человека, выражающихся в чувстве собственной ущербности и иррациональной вере в превосходство над собой окружающих; зависть как вид соперничества, чувства мести, желание развлечься, конформизм, проблемы в семейных взаимоотношениях, которые могут варьироваться от нехватки внимания со стороны родителей, попустительского стиля семейного воспитания до, наоборот, чрезмерной дисциплины, низкий уровень развития эмпатии и неумение разрешать конфликты, индивидуально-личностные характеристики индивида [6, с. 37–40].

На сегодняшний день, несмотря на актуальность исследования кибербуллинга, можно сказать, что отсутствует системность в изучении данной проблемы. Это связано, прежде всего, с труднодоступностью жертв данного вида конфликтных действий. По этой причине целесообразно использовать качественную методологию прикладного исследования.

При сборе материала мы исходили из того, что в основе кибербуллинга лежит наличие фото, видео и других материалов о жертве в сети Интернет. При этом

стоит учитывать, что уже их размещение можно рассматривать как подтверждение конфликта в виде кибербуллинга. Однако само действие по отношению к жертве, степень ее социально-психологических травм, ход самой «травли» остается за кадром.

Были проанализированы фотографии в количестве 96 штук, на которых были показаны конфликты в школе между учениками. В связи с этим для поиска в адресную строку вбивались такие ключевые слова, как «драки», «избиения», «унижения» и т. д.

Критериями отбора снимков, демонстрирующих конфликтные действия были следующие:

- субъекты конфликтных действий одеты в школьную форму, на вид их возраст не превышает 17 лет;
- действие конфликта происходит в стенах общеобразовательного учреждения или же на пришкольной территории;
- не рассматривались постановочные снимки, которых выдавали неестественные позы учеников, яркость изображения, наигранность эмоций на лицах участников конфликтных действий.

В процессе анализа кибербуллинга как конфликта в школе были получены следующие итоги. Среди мест, где происходят конфликтные действия, можно выделить классные комнаты, раздевалки, коридоры и территорию возле школы. При этом примерно в равной степени представлены раздевалки и коридоры (34 и 35%).

На снимках в подавляющем большинстве случаев демонстрируются сцены коллективного избиения учащегося, хотя присутствуют и снимки, показывающие унижение школьника (35%). При этом жертва в половине случаев находится в лежачем положении, в каждом четвертом случае сидит, в оставшихся — стоит в кругу агрессоров или возле стенки.

Сцены унижения выражаются в отсутствии одежды на жертве, нахождении ее на коленях, поднимании школьной формы (юбки или платья у девочек). При этом стоит отметить, что практически на всех снимках имеется группа учащихся-наблюдателей, которые с интересом смотрят за происходящим и фиксируют все на свои «гаджеты». Социальное окружение здесь выступает катализатором, способствующим ужесточению и нарастанию агрессивности обидчиков. Стоит отметить, что источниками, способствующими возникновению конфликта, выступают взаимодействие с близким окружением, а также влияние непосредственных агентов социализации [7, с. 100].

Анализ фотографий показал, что во всех случаях травля была направлена на одного учащегося, а количество обидчиков варьировалось от одного до нескольких человек.

Продемонстрируем некоторые гендерные особенности, выявленные в процессе исследования. В роли агрессоров в 30% случаев выступают ученики мужского пола. В этих случаях объектом конфликтных действий являются девочки. Возраст участников в одной десятой случаев представлен младшей возрастной группой, в одной трети случаев обидчик старше жертвы.

С целью выявления наиболее распространенных форм кибербуллинга в школьной среде было проведено социологическое исследование в форме опроса учащихся средних общеобразовательных школ.

Стоит отметить, что мнения учащихся относительно фактов проявления конфликтов в школе посредством социальных сетей разделилось примерно поровну (43% ответили — «да», тогда как 46% отрицали наличие таких конфликтов в школе), 10% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Гендерный

аспект по данному вопросу выявил соотношение 47,6 к 42,8% (девочки и мальчики соответственно). Данный вид конфликта получил большую распространенность среди школьников старших классов.

В определении характера проявления негативного отношения через Интернет подавляющее большинство учеников отметили, что чаще всего сталкиваются с сообщениями, несущими оскорбления личности, эта цифра составила 49,2%; 21,4% признали, что с ними были случаи исключения из общей группы. 32,4% респондентов ответили, что ни с чем подобным они не сталкивались. Девочки чаще мальчиков становятся участниками флейминга, тогда как с анонимными угрозами с большой частотой встречаются мальчики. Исключения из группы представлены примерно одинаково у учащихся как женского, так и мужского пола. Относительно возраста стоит отметить, что флейминг и анонимные угрозы более распространены у старшеклассников, хотя не исключаются и случаи в младшей возрастной группе, в частности обмен оскорбительными фразами.

На вопросы, касающиеся реакции школьников на данные виды кибербуллинга, половина учеников ответила, что довольно болезненно их переносила и сильно переживала по этому поводу, треть расстраивалась, но спустя какое-то время успокаивалась, и только менее 5% указали, что им было безразлично происходящее. Девочки больше мальчиков подвержены эмоциональным переживаниям по данному поводу, о чем свидетельствуют ответы (55,2 к 38,4% соответственно). Чем старше респондент, тем меньше он акцентирует внимание на данных проявлениях кибербуллинга.

Лидирующей позицией опрошенных является то, что в случае возникновения того или иного вида конфликта онлайн школьник попытается решить проблему своими силами. Одна третья часть учащихся указала, что будут рассчитывать на поддержку друзей. 20% учеников обратятся за помощью к родственникам. Самое последнее место занимают педагоги, школьные психологи — менее 10%. Ученики не рассматривают данные варианты в качестве помощи при травле через Интернет.

Нежелание школьников обращаться за помощью сигнализирует о том, что ребенок считает, что не может никому довериться, возможно, боится обратиться за помощью к взрослым, не хочет впускать родителей в свое пространство. Вследствие данного обстоятельства у школьника формируется нежелание идти в школу, неуверенность в себе.

Таким образом, по итогам исследования наиболее часто встречающимися формами кибербуллинга в школах являются обмен оскорбительными фразами (49,2%), анонимные угрозы (10,2%) и киберотчуждение (21,4%) [8, с. 11]. Такие формы кибербуллинга, как создание двойника виртуальной личности и рассылка от его имени личной информации, которые разрушают авторитет жертвы, не были выявлены среди школьников, участвовавших в опросе.

Исследования показывают, что кибербуллинг — вид школьного насилия, довольно болезненный, наносящий моральный и физический вред здоровью учащегося. Проблема данного явления актуальна, поскольку оно является относительно новым, набирает обороты с ростом и совершенствованием технических устройств.

В силу того, что сегодня молодежь взрослеет намного раньше, чем прописано в законодательстве, предлагаются меры по введению ответственности за травлю посредством сети Интернет. В частности, на экспертном совете по развитию информационного общества и СМИ Молодежного парламента при Госдуме 7 марта 2018 г. было озвучено предложение добавить соответствующую статью в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) РФ [9].

Также организуются специальные сервисы, созданные для жертв кибербуллинга. Например, «Дети онлайн», где психологи консультируют родителей и подростков в рабочее время. «Дети онлайн» — проект компании «Фонд Развития Интернет» при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации.

Литература

1. *Ефимова Е. С.* Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред // *Успехи в химии и химической технологии*. 2014. Т. XXVII. № 7. С. 65–66.
2. *Еремина Е. А., Калинина Ю. В., Заплатина Е. А., Лопатин Д. В.* Информационные угрозы коммуникативного характера // *Гаудеамус*. 2012. Т. 2. № 20. С. 124–125.
3. *Щипанова Д. Е.* Кибербуллинг как фактор риска в образовательной среде // *Новые информационные технологии в образовании: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 10–13 марта 2015 г.). Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2015. С. 619–623.
4. *Бочавер А. А., Хломов К. Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. № 3. С. 177–191.
5. *Зинцова А. С.* Социальная профилактика кибербуллинга // *Вестник Нижегородского университета. Сер.: Социальные науки*. 2014. № 3. С. 122–128.
6. *Баранов А. А., Рожина С. В.* Психологический анализ причин кибербуллинга // *Вестник Удмуртского университета*. 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 37–41.
7. *Махиянова А. В.* Жизненные ценности современной личности: состояние и роль агентов социализации в их формировании // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер.: Философия и социология; культурология*. 2011. № 1. С. 99–102.
8. *Шакирова Д. М.* Социальный конфликт и стратегии конфликтного поведения в современных школах: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2018. 30 с.
9. *Тищенко М.* Кибербуллинг вне закона: в России предлагают ввести ответственность за травлю в соцсетях // *RT. [Электронный ресурс]*. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/489396-shtraf-rossiya-kiberbulling> (дата обращения: 13.10.2018).

УДК 005.336.4

С. У. Абдулхакимов

Социальные основы развития системы управления и повышения профессионального интеллектуального потенциала молодежи

S. U. Abdulkhakov. Social foundations of the development of the system of management and enhancement of the professional intellectual potential of the youth

Данная статья посвящена рассмотрению социальных основ развития системы управления и повышения профессионального интеллектуального потенциала молодежи.

This article is devoted to the consideration of the social foundations of the development of the system of management and enhancement of the professional intellectual potential

Салим Уралович Абдулхакимов — старший преподаватель кафедры социологии Ташкентского государственного аграрного университета.

© Абдулхакимов С. У., 2018

Сегодня образование является одним из важнейших факторов в процессе формирования интеллектуального потенциала субъектов управленческой деятельности. Реализация интеллектуального потенциала личности является механизмом формирования и развития интеллектуального потенциала общества. Система знаний, навыков и управленческих навыков закладывается в процессе социальной и профессиональной социализации личности. Интеллектуальное управление основано на взаимосвязи и интеграции интеллектуального потенциала не только субъектов управления, но и всего общества, использования знаний, талантов, творчества объектов управления и их участия в управленческом процессе.

Ключевые слова: профессиональный потенциал; молодежь; непрерывное образование; управленческая деятельность.

Контактные данные: 100140, Республика Узбекистан, Ташкентская область, Кибрайский район, ул. Университетская, д. 2; (998-71) 260-48-00; nigoradjurayeva@mail.ru.

of the youth. Today the education is one of the most important factors in the process of formation of the intellectual potential of subjects of managerial activity. The realization of the intellectual potential of the individual is a mechanism for the formation and development of the intellectual potential of society. The system of knowledge, skills, and managerial skills are laid in the process of social and professional socialization of the individual. Intellectual management is based on the interconnection and integration of the intellectual potential of not only the subjects of management, but of the whole society, the use of knowledge, talents, the creativity of management objects and their involvement in the managerial process.

Keywords: professional potential; the youth; continuing education; management activities.

Contact details: Universitetskay Str. 2, Kibrayskiy Distr., Tashkent region, Republic of Uzbekistan; (998-71) 260-48-00; nigoradjurayeva@mail.ru.

The state youth policy, being a system of forming priorities and measures aimed at creating conditions and opportunities for successful socialization and effective self-realization of youth, tries to ensure the stable development of its potential in the interests of the state and, consequently, socio-economic and cultural development, in order to ensure its competitiveness in the world and strengthening national security of the state. Today, in our society, crisis situations are increasingly emerging and are largely explained by the subjective and institutional contradictions between the intellectual potential of society and the management system. In particular, they testify to an increase in the gap between the needs and interests of social communities, groups and strata, and the needs and objectives of the subjects of management, which leads to alienation of people from innovative forms of activity, undermining the basis for timely modernization processes. It should also be noted that the factors of this gap are the low professionalism of managers, the weakness of management mechanisms. This fact is a result of the fact that management in fact ceased to be an intellectual force based on modern knowledge and does not fulfill its social mission to ensure the harmonious development of social relations.

According to the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev No. 4947 dated February 7, 2017 "On the strategy for further development of the Republic of Uzbekistan" number UP-4947 on February 7, 2017, qualitative profound changes in the socio-political, economic, spiritual spheres of life of people. In the current year 2018, 60 percent of funds are allocated from the state budget to implement harmonious activities and development of the above areas. One of the most important components of the social sphere of strategy is the sphere of education, which directly affects the socio-political and spiritual spheres. The Head of State presented the Parliament of the country to the Oliy Majlis for the first time an appeal on the improvement and reform of the system of upbringing and education. In particular, noting in his statement the importance of continuing education

and starting it with pre-school education, the Head of State speaks about the need to strengthen the material and technical base of 2,200 kindergartens, moreover, the opening of new modern kindergartens in rural areas, and the provision of them with methodical and educational aids, new inventory, multimedia. After all, for many families in rural areas, kindergartens have become a vital necessity. At the same time, according to the Strategy of 2017–2021, the payment for children's homes is to be reduced by 30 percent, which creates great convenience and benefits for low-income and large families.

According to the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan, the Ministry of Preschool Education of the Republic of Uzbekistan was established in the country [1; 2].

It is important to note the fact that today's youth is the main labor resource not only in Uzbekistan, but also in other countries (due to the rapid aging of the population in these countries). Youth employment is the main source of funds for the social security of children, disabled people and the elder generation. In our country, the pace of the state's progress along the path of democracy and the related transformations will depend on the position of young people in social and political life, its confidence in the future and professional and social activity. Young people should be ready to resist political manipulation and extremist appeals, sometimes sounding in the country.

At the same time, the realization of the intellectual potential of the individual is a mechanism for the formation and development of the intellectual potential of society.

Structural dynamics of managerial activity is manifested in a combination of management functions, in specific interrelated actions, including analysis, goal-setting, organization, regulation, control, incentives, design, planning, forecasting. And the implementation of the main content of management activities is carried out through the development of the most optimal methods. In these conditions, the entire management process is the manifestation of various levels and forms of organization of intellectual activity of the subjects of management. Its actualization is possible due to the presence of a certain level of intellectual potential of the subjects of management [3, p. 131].

To improve the professional intellectual potential of young people, it is necessary to take into account the interests and needs of various youth groups, the interaction of the state, civil society institutions and business representatives, information openness, improving the system of training and selection of management personnel [4, p. 27]. It is necessary to develop a concept of intellectual management based on the presumption of a new type of management culture, which makes it possible to effectively use the resource of the management system on innovative principles. So, before society there is a large-scale social problem, connected: first, with the formation and development of a new socio-cultural quality of the intellect of individuals engaged in managerial work, its depth, universality; secondly, with the creation of conditions and methods for combining individual intellects in order to harmonize the multidirectional interests of the subjects and their consolidation; thirdly, optimal, reasonable use of the intellectual potential of the management system; fourth, the creation of mechanisms for social regulation of the process of reproduction, distribution and consumption of the intellectual potential of society.

Education is another important factor in the formation of the intellectual potential of subjects of managerial activity. The system of knowledge, skills, and managerial skills is laid in the process of social and professional socialization of the individual. In the process of preparation at the university, students receive a sufficiently

deep and broad knowledge of the principles and laws of governance. They are taught the techniques of management work, that is, they know how to manage and manage. Undoubtedly, a huge number of specialists in the labor market create healthy competition, the ability to select competent, the most prepared, which could lead to quality management. But the determining criterion by which workers are selected is work experience, and the knowledge obtained at the university does not represent value without the ability to apply them in practice. Thereby, there are more chances to get a position for a person with work experience who does not have a special education, but who knows his work, than a graduate who has no idea about the practical side of the profession received, about the specifics of managerial activity.

Intellectual potential of a person has at least three properties: on the one hand, it is able to be actualized, to be realized in activity, on the other, it is able to accumulate the activity of many people into the whole as a condition for the successive existence of any society, that is, new generations inherit knowledge, values, the norms created as a result of the activities of past generations, in the third, it unites all activities. For, as a spiritual education, it permeates production, scientific, educational, educational, managerial, etc. activity, and the direct mechanism of their functioning is intellectual activity. Our state has created its own model of education that takes into account the needs related to globalization and is a tool for ensuring the positive and productive role of Uzbekistan in Asia and beyond. Today the uniqueness of this model of personnel training is recognized by the entire world community. The main distinguishing feature was its integrity, a systematic approach, where the components of a single process are the individual, the state and society, continuing education, science and production.

The head of our state paid special attention to the education system and adopted a number of resolutions related to the reform of all spheres of education. For example, the Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan in August 9, 2017 No. PP-3183 "On the organization of special correspondence departments for pedagogical directions in higher educational institutions" [5, p. 7–9].

It should be noted that among the variety of factors influencing the choice of the manager's profession, determining is the achievement of high status in the social structure and high wages in managerial positions.

Thus, intellectual management is based on the interconnection and integration of the intellectual potential of not only the subjects of management, but of the whole society, the use of knowledge, talents, the creativity of management objects and their involvement in the managerial process. The implementation of intellectual management is conditioned by the change in the principles and technologies of communicative interaction and the transformation of knowledge into managerial innovations. It is necessary to create optimal conditions and an effective environment for the realization of intellectual abilities of the individual, satisfaction of the need for self-development, motivation for creative expression, spiritual and cultural growth and professionalism.

Литература

1. Крамаренко В. Ю., Никитин В. Е., Андреев Г. Г. Интеллект человека. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 184 с.
2. Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. URL: <http://prezident.uz> (дата обращения: 08.08.2018).
3. Социологический энциклопедический словарь на рус., англ., нем., фр. и чеш. языках / ред.-коор. Г. В. Осипов. М.: НОРМА, 2000. 488 с.

4. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
5. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлисга Мурожаатномаси // Халқ сўзи. 2017. № 258.

УДК 316.444.5

М. Г. Цыпкина

Управление профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда: системный подход

M. G. Tsyapkina. Management of professional mobility of youth in the labor market through systems approach

В статье проанализировано управление профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда с позиции системного подхода. Выделены основные элементы системы управления профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда. В конце статьи приведено авторское определение понятия «управление профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда».

Ключевые слова: системный подход; социальное управление; профессиональная мобильность молодежи; рынок труда; элементы системы управления.

Контактные данные: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 602-23-22; marol.10c@mail.ru.

The article analyzes the management of professional mobility of youth in the labor market from the position of a systems approach. The basic elements of management system of professional mobility of youth in the labor market are highlighted. At the end of the article the author's definition to the concept of "management of professional mobility of youth in the labor market" is given.

Keywords: systems approach; social management; professional mobility of youth; labor market; elements of management system.

Contact details: Sadovaya Str., 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023; (812) 602-23-22; marol.10c@mail.ru.

В условиях дефицита квалифицированных молодых специалистов, способных в короткие сроки приспособиваться к меняющимся условиям рынка труда, наибольшую актуальность приобретает исследование процесса управления профессиональной мобильностью молодежи. Сегодня этот процесс становится одним из ключевых направлений молодежной политики, поскольку он связан со становлением конкурентоспособных молодых специалистов, так необходимых рынку труда современного российского общества.

Вначале определим, что представляет собой процесс управления. Управление, согласно распространенному определению, представляет собой «процесс целенаправленного прямого воздействия одного индивида на другого» [1, с. 170]. Однако когда мы рассматриваем различные социальные процессы, в том числе профессиональную мобильность молодежи, то сталкиваемся с понятием социаль-

Мария Геннадьевна Цыпкина — аспирант кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Цыпкина М. Г., 2018

ного управления. В самом общем виде под социальным управлением понимают «вид управления, процесс воздействия на общество, социальные группы, отдельных индивидов с целью упорядочивания их деятельности, повышения уровня организованности социальной системы» [2, с. 48–53]. В данном процессе выделяются: субъект, который осуществляет управленческое воздействие, а также объект, на который реализуется данное воздействие.

Субъектом управления может выступать как одно конкретное лицо, так и организационное объединение людей, представляющих некоторую органическую целостность, являющуюся управляющей системой. Эти организационные структуры осуществляют управленческие функции, воплощающиеся в том, что социологическая наука именует социальными институтами, примерами которых являются государство, органы государственной власти, общественные организации, средства массовой информации и ряд др. Социальные институты так или иначе воздействуют на различные социальные процессы, т. е. они выступают в этом случае субъектами управления. Их роль выполняют организационные образования, являющиеся воплощением тех или иных социальных институтов, а значит, различные министерства, администрации областей, политические партии, телевизионные каналы и передачи и пр. [3, с. 10].

Объектом управления, на которого оказывается управленческое воздействие, могут выступать как один человек или объединение людей, образующих социальную систему, например служба занятости, подчиняющаяся органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, так и социальный процесс, в частности профессиональная мобильность различных социальных групп. Кроме того, управляемой системой могут быть различные системные образования, к числу которых относят персонал организации или предприятие по отношению к его руководству. Наравне с этим к числу объектов управления причисляют совокупность людей, не образующих различные организованные социальные системы, а именно радиослушателей, телезрителей, читателей газет, на формирование мнения которых воздействуют средства массовой информации [Там же].

Говоря об управлении профессиональной мобильностью молодежи в условиях рынка труда, отметим, что оно представляется важным как в результате изменения характера труда, так и вследствие развития многих отраслей экономики, отсюда в обществе появляется потребность в квалифицированных молодых кадрах, необходимых современному рынку труда.

Исследованием управления профессиональной мобильностью занимались такие современные российские ученые, как М. В. Зиннатова, Г. В. Макарова, Н. С. Мерзлякова, С. А. Немытов, С. А. Просольченко, М. Н. Реутова и др. В частности, С. А. Просольченко утверждает, что процессом мобильности в обществе управляет государство как социальный институт, а объектами данного процесса управления становятся каналы и практики мобильности [4]. В то же время М. В. Зиннатова выделяет внешнее и внутреннее управление профессиональной мобильностью. В качестве внешних субъектов управления она определяет государство, предприятия и организации, рынок труда, тогда как внутреннее управление осуществляется каждым конкретным индивидом (мотивационно-психологический компонент) [5]. Г. В. Макарова при анализе профессиональной мобильности сосредотачивает свое внимание на такой социальной общности, как государственные гражданские служащие, принимая в роли субъекта управления руководителей государственных органов и кадровых служб, а за объект управления — самих государственных гражданских служащих [6]. Кроме того, многие из современных российских ученых, сре-

ди которых М. Н. Реутова [7], Н. С. Мерзлякова [8], С. А. Просольченко [4], С. А. Немытов [9], сходятся во мнении, что профессиональной мобильностью можно и нужно управлять, а субъектом регулирования данного процесса являются социальные институты, которые носят характер как государственных, так и общественных.

Исходя из этого, субъектами управления в нашем случае выступают социальные институты, в число которых входят: система профессиональной ориентации, система среднего и высшего профессионального образования и система непрерывного дополнительного образования, осуществляющие регулирование под воздействием целей управления, а объектом — каналы и практики профессиональной мобильности молодежи. Результатом акта управления (управленческого воздействия) становится достижение молодыми людьми целей профессионально-квалификационного развития в конкретных условиях рынка труда (рис. 1).

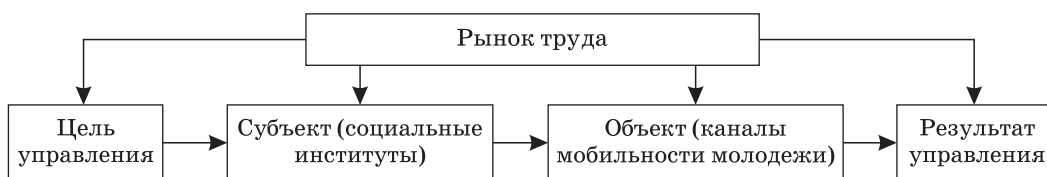

Рис. 1. Общая схема (модель) управления профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда

Такая общая схема (модель) управления профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда, позволяющая выделить субъект и объект, представляет данный процесс на статическом уровне, тогда как для отражения механизма социального управления необходимо обратиться к более сложным конструкциям и моделям. Это связано с тем, что механизм социального управления предстает как сверхсложный, поскольку в нем задействованы социальные субъекты, обладающие сознанием, ставящие перед собой вполне определенные цели, взаимно влияющие друг на друга. Вместе с тем социальное управление воздействует не только непосредственно, но и через социальные институты, а поэтому оно требует наличия целой совокупности элементов, образующих систему управления.

Следовательно, управление профессиональной мобильности молодежи на рынке труда недостаточно рассматривать с точки зрения общей схемы (модели), в связи с этим обратимся к системному подходу, который охватывает целый комплекс составляющих системы управления, ориентированных на достижение различных целей в условиях меняющейся внешней среды. Благодаря данному подходу возникает возможность проанализировать взаимосвязь всех уровней анализа управления профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда.

В рамках системного подхода можно выделить следующие составляющие (элементы) управления профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда: субъект управления, объект управления, аппарат управления, методы управления, политическая система, обеспечивающая воспроизводство процесса управления и двунаправленный поток информации. В качестве ключевого фактора внешней среды в этой модели выступает рынок труда как регулятор спроса и предложения, воздействующий на всю систему управления (рис. 2).

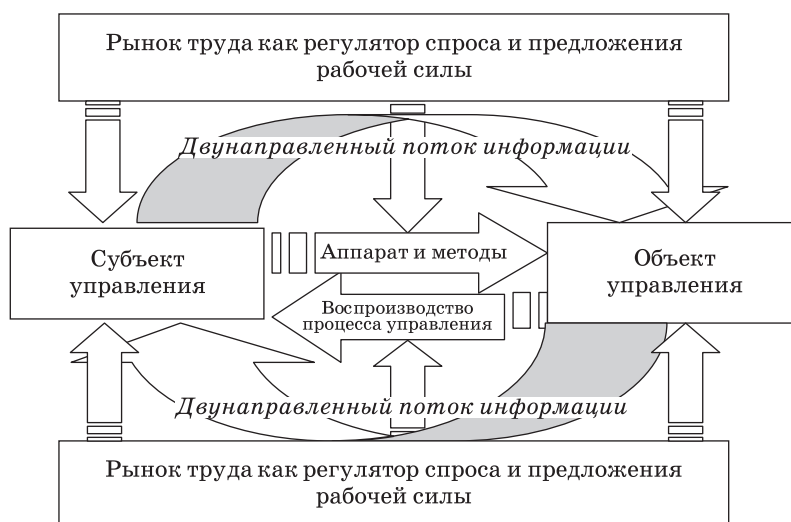

Рис. 2. Модель системы управления профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда

Начнем рассмотрение данного подхода с такой важной составляющей, как субъект управления. Как было указано выше, субъектом управления может выступать как один конкретный индивид, так и более сложное структурное образование — социальный институт. В нашем случае одним из таких является государство, которое предстает в качестве основного социального института, воздействующего на объект управления — профессиональную мобильность молодежи. Этот социальный институт стоит над всеми другими, среди которых представлены: система профессиональной ориентации, система среднего и высшего профессионального образования, а также система непрерывного дополнительного образования, выступающие в качестве инструментов управления профессиональной мобильности молодежи.

Государство предстает как наиболее крупный и сложный социальный институт, ключевой задачей которого, наряду с другими, является управление взаимодействием между социальными субъектами. Оно непосредственно оказывает управленческое воздействие на общество, различные социальные институты, социальные группы, а также на отдельно взятых индивидов, а значит, способно использовать и прямые, и косвенные методы управления, обеспечивать принуждение.

Однако кроме основного социального института, воздействующего на объект управления, можно выделить еще три указанных выше, выступающих здесь в качестве инструментов управления профессиональной мобильностью молодежи. Так, система профессиональной ориентации как социальный институт играет ключевую роль в профессиональном самоопределении молодых людей, формирует у них различные представления о тех или иных профессиях и специальностях. Вторым, не менее важным социальным институтом, выступает система среднего и высшего профессионального образования. Его важнейшей задачей является формирование общих и профессиональных компетенций, развитие ценностных установок, представлений, знаний, умений, навыков, которые будут использованы молодыми людьми в их будущей трудовой деятельности. Еще одним социальным институтом, выступающим в качестве инструмента управления, становится система непрерывного дополнительного образования, представляющая качествен-

но иной уровень профессиональной подготовки, связанный в первую очередь с личной заинтересованностью молодежи в развитии своих профессиональных качеств и получении дополнительных компетенций, которые дают возможности для повышения своей конкурентоспособности в условиях информатизации всех сфер общества.

В результате все три этих социальных института во главе с основным (государством) через органы власти (федеральные, региональные) или различные учреждения (школы, ссузы, вузы, служба занятости, отделы кадров при различных предприятиях и т. д.), оказывают целенаправленное воздействие на объект управления (профессиональную мобильность молодежи), вследствие чего достигаются ранее поставленные цели.

Другим важным элементом системы управления является объект управления. В нашем случае объектом управления выступает профессиональная мобильность молодежи. Для начала рассмотрим, что представляет собой управление профессиональной мобильностью молодежи.

Управление данным процессом подразумевает под собой, в первую очередь, управление пространством профессиональной мобильности молодежи, а именно управление каналами и механизмом профессиональной мобильности молодежи. Профессиональные перемещения связаны непосредственно с совокупностью каналов профессиональной мобильности молодежи, а точнее с двумя видами социальных практик: неинституционализированными или институционализированными, которые представлены в форме институтов профессиональной мобильности молодежи, обеспечивающих эти перемещения. Механизм же профессиональной мобильности молодежи основывается на функционировании этих практик, действующих как социальный фильтр. Из этого следует, что управление профессиональной мобильностью молодежи выступает как воздействие на социальные практики, социальные институты и механизм их функционирования.

Кроме того, необходимо отметить, что в управлении профессиональной мобильностью молодежи сложность управляющей системы гарантируется наличием институтов профессиональной мобильности молодежи, которые выступают как основные инструменты управления, одновременно являясь как объектом управления со стороны главного субъекта управления (государства), так и субъектом управления в рамках своих соответствующих сфер компетенций. Последние ограничиваются входящими в состав института профессиональной мобильности молодежи социальными практиками, представляющими собой каналы профессиональной мобильности молодежи.

Вместе с тем данный управленческий процесс имеет свои специфические особенности. В частности, отдельные практики изменения профессионального положения являются неинституционализированными, а значит, регулируются собственно субъектом управления, остальные же практики осуществляются в рамках специальных институтов профессиональной мобильности молодежи. Отсюда следует, что управление профессиональной мобильностью молодежи для такого рода практик опосредуется институтами профессиональной мобильности молодежи, а следовательно, преобразуется в совокупность воздействий на институты профессиональной мобильности молодежи со стороны субъекта и воздействий на институционализированные практики со стороны институтов профессиональной мобильности молодежи.

Из этого следует, что объект управления профессиональной мобильностью молодежи включает в себя такие составляющие, как каналы и механизм профессиональной мобильности молодежи, которые конкретизируются в виде инсти-

тутов профессиональной мобильности молодежи, а также различных неинституционализированных практик.

Еще одной составляющей системы управления, в рамках рассматриваемого нами подхода, является аппарат управления, который предстает в качестве совокупности управленческих звеньев (служащих) на всех уровнях управления, одновременно выступая в роли управляющей части системы. Помимо этого, аппарат управления понимается, с одной стороны, как дифференциация субъекта управления, а с другой — как опосредованное взаимодействие субъекта и объекта управления некой структурой, анализирующей и доставляющей информацию. Структура всей управляющей системы может быть построена по принципу иерархии или же по сетевому принципу. Первый, заложенный еще в начале XX в. Ф. Тейлором и М. Вебером, основывается на том, что каждый нижестоящий уровень управления контролируется вышестоящим, а стало быть, подчиняется ему; второй, появившийся уже в XXI в., представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов, сущность деятельности которых определяется целями всей структуры в целом.

Теперь перейдем к рассмотрению методов управления. Сам по себе метод управления представляет собой совокупность приемов и способов воздействия, которые применяет управляющий субъект по отношению к объекту управления ради достижения ранее поставленных целей. Для управления профессиональной мобильностью молодежи характерны общие методы социального управления, представленные в виде комплекса социальных методов целенаправленного воздействия на конкретных индивидов и ими организуемых групп [10, с. 221; 11, с. 55; 12, с. 140–141].

Методы управления, применяемые субъектами управления по отношению к профессиональной мобильности молодежи, можно разделить на две большие группы (в основе классификации лежит тип воздействия): прямые и косвенные.

К прямым методам относят непосредственное воздействие управляющего субъекта (государства) на объект управления (профессиональную мобильность молодежи) посредством конкретных инструментов, а именно устных или письменных распоряжений, приказов, заданий, планов, программ, где четко обозначены направления деятельности, цели и механизмы их достижения.

Косвенные методы предполагают формирование субъектом управления (государством) определенных условий, при которых происходит наиболее эффективное воздействие на объект управления (профессиональную мобильность молодежи). Например, на основе выявленных мотивов, потребностей, интересов социального окружения индивидов и общества в целом определяются методы стимулирования (в основном экономической и социально-психологической направленности), которые способствуют профессиональному самоопределению, профессиональному образованию и профессиональному самосовершенствованию молодых людей.

Социальными методами управления здесь выступают экономические, организационно-распорядительные и социально-психологические (в основе лежит характер воздействия).

Экономическое управление профессиональной мобильностью молодежи является частью государственного регулирования экономикой, которое связано непосредственно с функционированием и развитием рынка труда, а также формированием рабочей силы на рынке труда и влиянием данных факторов на профессиональные перемещения молодежи. Организационно-распорядительное управление профессиональной мобильностью молодежи представляет собой часть внутренней политики государства, основанной на обеспечении четкого

разделения полномочий в аппарате управления (был нами рассмотрен выше), соблюдении правовых норм и полномочий в решении вопросов, связанных с профессиональными перемещениями и занятостью молодежи. В основе же социально-психологического управления профессиональной мобильностью молодежи лежит регулирование профессиональных и образовательных ориентаций молодых людей, анализ влияния мотивационных факторов на профессиональную мобильность и карьерные устремления молодежи.

Теперь рассмотрим еще одну важную составляющую системы управления — воспроизводство процесса управления, которое осуществляется, непосредственно, политической системой путем кооптации (пополнения) элементов управляемой системы в контур управления, в том числе на позицию субъекта управления. Как было указано нами выше, на управление профессиональной мобильностью молодежи оказывают влияние три социальных института, выступающих в качестве инструмента управления, во главе с главным социальным институтом — государством. Вместе с тем в рамках каждого из них осуществляют свою работу множество политиков и администраторов-чиновников (статусных ячеек общества), от которых зависит качество принимаемых решений. В связи с этим возникает потребность в рекрутировании (отборе) на данные категории должностей работников, осуществляющегося посредством поиска или найма наиболее квалифицированных кандидатов. Примечательно, что данный процесс происходит постоянно, вне зависимости от конкретных социальных условий и поставленных целей.

Следующим элементом системы управления, который мы рассмотрим, является двунаправленный поток информации. Он представлен прямой и обратной связью между субъектом и объектом управления. «Прямая связь выражается в передаче объекту управления потока директивной информации (различного рода управленческие решения), тогда как обратная связь является результатом реагирования объекта управления на директивное воздействие и материализуется в виде отчетной информации» [1, с. 171] о каналах профессиональной мобильности молодежи, социальных практиках, институтах и т. д.

И, наконец, ключевым фактором внешней среды, воздействующим на всю систему управления в рамках рассматриваемого нами подхода, выступает рынок труда как регулятор спроса и предложения рабочей силы. Рынок труда в общем виде представляет собой систему общественных отношений, которая связана с наймом и предложением рабочей силы [13, с. 15]. Рынок труда является опосредованным регулятором (в данном случае он не выступает в качестве субъекта управления) профессиональной мобильности молодежи, однако в то же время его воздействие является внешним по отношению к данному процессу, основанном на механизме регулирования спроса и предложения рабочей силы по различным профессиям и специальностям. Кроме того, он влияет одновременно как на субъект управления, его аппарат и используемые методы управления, так и, соответственно, на сам объект управления, задавая тенденции в определении дефицита или избытка на определенных специалистов, преимущественно, в рамках конкретного региона.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс управления профессиональной мобильностью молодежи на рынке труда означает целенаправленное воздействие субъектов управления (государства и основных инструментов управления) на каналы и механизм профессиональной мобильности молодежи с помощью аппарата и методов управления в конкретных социально-экономических условиях рынка труда.

Литература

1. Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления. М.: Академический проект, 2008. 983 с.
2. Чекушов А. А. Социальное управление: дефиниции понятий // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 11. С. 48–53.
3. Волков Ю. Е. Сущность социального управления, общее понятие об управлении // Социология власти. 2005. № 3. С. 3–24.
4. Просольченко С. А. Социальная мобильность как объект социального управления: автореф. дис. ... канд. социол. наук. 2010. 26 с.
5. Зиннатова М. В. Управление профессиональной мобильностью субъекта в условиях постиндустриального общества современной России // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: матер. XXV Междунар. науч.-практ. конф. М.: Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований», 2015. С. 363–367.
6. Макарова Г. В. Управление профессиональной мобильностью государственных гражданских служащих в субъекте Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. 2010. 26 с.
7. Реутова М. Н. Профессиональная мобильность молодежи: двадцать лет спустя // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2008. № 14. С. 188–199.
8. Мерзлякова Н. С. Формирование профессиональной мобильности студента в контексте компетентного подхода // Альманах современной науки и образования. 2014. № 1. С. 68–71.
9. Немытов С. А. Экономическая мобильность населения как фактор трансформации современного российского общества: опыт социологического исследования в регионе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2006. 30 с.
10. Основы социального управления: учеб. пособие / А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев [и др.]; под ред. В. Н. Иванова. М.: Высш. шк., 2001. 271 с.
11. Фененко Ю. В. Социология управления: учеб. пособие. М.: ПКЦ «Альтекс», 2005. 236 с.
12. Чупров В. И., Осипова М. А. Социология управления: теоретические основы. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2011. 172 с.
13. Ермолаева С. Г. Рынок труда. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 108 с.

УДК 347.22

Е. В. Воскресенская, Н. Н. Жильский, Э. А. Шаряпова

Право застройки в современном гражданском и градостроительном законодательстве: необходимость реформы

*E. V. Voskresenskaya, N. N. Zhil'skiy, E. A. Sharyapova. The right of building
in the modern civil and town-planning legislation: need of reform*

В статье проведено исследование права застройки, осуществленной в соответствии с российским правовым порядком. В работе отражено доктринальное обоснование исследуемого ограниченного вещного права, последовательно и обстоятельно обоснована необходимость введения в действующее законодательство РФ ограниченного вещного права застройки.

Проведенное авторами исследование выявило, что правовое регулирование права застройки, предлагаемое в текущей редакции законопроекта, предусматривающего изменения в градостроительном и гражданском законодательстве по рассматриваемому вопросу, содержит определенные недостатки и требует доработки.

Ключевые слова: право застройки; вещное право; градостроительство; гражданское право; градостроительное право.

Контактные данные: Е. В. Воскресенская: 191119, Санкт-Петербург, Лермонтовский

In the article the research of the right of building executed according to the Russian legal order is carried out. The paper reflects the doctrinal justification of the investigated limited real right, consistently and thoroughly justified the need to introduce into the current legislation of the Russian Federation limited real right of development.

The study conducted by the authors revealed that the legal regulation of the right of development, proposed in the current version of the bill, providing for changes in urban planning and civil legislation on the issue, contains certain shortcomings and requires improvement.

Keywords: building law; property law; town-planning; civil law; town-planning law.

Contact details: E. V. Voskresenskaya: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Rus-

Елена Владимировна Воскресенская — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент.

Николай Николаевич Жильский — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор.

Эмма Алексеевна Шаряпова — доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук.

© Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., Шаряпова Э. А., 2018

пр., д. 44, лит. А; (812) 313-39-41; elenvoskr@mail.ru | **Н. Н. Жильский, Э. А. Шаряпова:** 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская, д. 4; (812) 316-44-54; kprgd@spbgasu.ru.

sian Federation, 190103; (812) 313-39-41; elenvoskr@mail.ru | **N. N. Zhil'skiy, E. A. Sharyapova:** 2nd Krasnoarmeyskaya Str. 5, St. Petersburg, Russian Federation, 190005; (812) 316-44-54; kprgd@spbgasu.ru.

Подавляющая часть ученых — специалистов в области гражданского права считает реформирование гражданского и градостроительного законодательства в сфере института вещных прав необходимым, уместным и своевременным [1, с. 351; 2, с. 68; 3, с. 54]. Существо реформы вещного права, согласно Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, применительно к интересующему нас вопросу состоит в том, чтобы реализовать принцип единого объекта в виде земельного участка и объектов недвижимости, расположенных на нем, как основного и руководящего, ввести право застройки, которое будет призвано заменить обязательственную аренду в целях строительства (в особенности в отношении земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности) [4]. Необоснованность и несовершенство целого ряда предлагаемых к введению в действующее законодательство положений о праве застройки заставляет обратиться к современному его состоянию в российском правовом порядке, в Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее — ГрК РФ) [5] и Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) [6].

Сегодня в России в условиях схожих политических, социоэкономических и правовых реалий логическим этапом увеличения нужд гражданского оборота становится включение в проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» целого подраздела (подраздел 2) [7], содержащего общие положения о вещных правах, и подраздела, содержащего положения об отдельных ограниченных вещных правах, создающих вместе новую систему вещных прав. Таким образом, предпринимается попытка вывести отечественное вещное право (и законодательство) на качественно новый уровень, сближающий его с романо-германской вещно-правовой традицией.

Согласно Пояснительной записке к рассматриваемому законопроекту, необходимость введения права застройки состоит в том, чтобы «охватить максимально широкий круг случаев, в которых одно лицо имеет экономическую потребность в пользовании имуществом другого лица» [8]. На этом объяснение концептуальной необходимости введения права застройки заканчивается, в то время как именно ответ на вопрос «зачем» является локомотивом вещно-правовой реформы.

В самой простой форме в правоотношениях по застройке земельных участков участвует не менее двух субъектов — собственник земли и лицо, которому земля передается для строительства. В реальности эти отношения гораздо более сложные, в них задействованы и девелоперы, и инвесторы, и подрядчики, и субподрядчики и т. д. [9; 10].

При этом даже в самом простом правоотношении при правовом регулировании, как правило, всегда встает вопрос о том, на что направлено такое регулирование, чьи интересы оно защищает первоочередно. Представляется, что для ответа на вопрос, в чем состоит концептуальная необходимость введения права застройки, нужно ответить на два вопроса: первый — чьи интересы защищаются при за-

стройке земель на праве аренды, и второй — чьи интересы будут защищаться в случае введения права застройки [11; 12]. Разумеется, это политико-правовой вопрос, но он имеет важнейшее значение для обоснования необходимости введения права застройки.

Существо права застройки сводится к тому, что застройщик имеет право владения и пользования чужим земельным участком в целях возведения на нем здания или сооружения и его последующей эксплуатации. Именно так отечественный законодатель определяет его концепцию в ст. 300 законопроекта. В российской литературе неоднократно обращалось внимание на узость определения права застройки и отсутствие отражения в нем его существенных черт.

Право застройки устанавливает обязанность застройщика по возведению на земельном участке здания или сооружения, с которой тесно связана другая — обязанность по надлежащему использованию земельного участка. Из этих двух обязанностей логически вытекает и третья — обязанность по эксплуатации здания или сооружения. Поэтому в праве застройки эксплуатируется не только земельный участок в целях строительства, но и возведенное здание или сооружение в целях, которые преследует застройщик, в публичных целях и в целях, которые может преследовать собственник земельного участка. С учетом этого важным представляется раскрыть содержание понятие «эксплуатация».

В действующем российском законодательстве вопросу эксплуатации здания или сооружения посвящена одноименная гл. 6.2 ГрК РФ [5]. Анализ ст. 55.24 ГрК РФ позволяет прийти к выводу о том, что под эксплуатацией здания или сооружения следует понимать их использование по назначению в виде технического обслуживания, текущего ремонта и эксплуатационного контроля. То есть «эксплуатация» охватывает собой лишь совокупность действий по поддержанию надлежащего технического состояния здания или сооружения в том объеме, который установлен законодательными актами публичного права. Таким образом, следует признать, что, например, капитальный ремонт, иные работы, не предусмотренные законодательством, но направленные на поддержание физического состояния объекта недвижимости, его коммерческой привлекательности, имиджа, в течение длительного срока действия права застройки собственником возведенного здания или сооружения может не осуществляться и вовсе. В свою очередь это создает для собственника земли риск к окончанию срока действия права застройки получить совершенно обесцененный объект недвижимости как с имущественной, так и с неимущественной точки зрения. Более того, требования, предусмотренные гл. 6.2. ГрК РФ и иными нормативными актами в этой области, носят публичный характер (ответственность за их нарушение предусмотрена ст. 7.22 Кодексом об административных правонарушениях РФ (далее — КоАП РФ) [13], иными нормы гл. 7 КоАП РФ) и относятся лишь к жилым домам и жилым помещениям, а не частноправовой, и, соответственно, за их нарушение следуют публично-правовые, но не частноправовые санкции.

Итак, в объем понятия права застройки необходимо включать поддержание застройщиком в надлежащем состоянии возведенное или реконструированное им здание или сооружение в целях расширения содержания обязанности по эксплуатации. С практической точки зрения это будет означать следующее: наряду с публично-правовыми нормами, определяющими эксплуатацию как обязанность поддерживать в определенном техническом состоянии здания или сооружения наряду с ответственностью за нарушение такой обя-

занности лицами, владеющими зданием или сооружением, будет предусмотрена гражданско-правовая ответственность застройщика перед собственником земельного участка. При этом само содержание «гражданско-правовой» обязанности по поддержанию в надлежащем состоянии в отсутствие его раскрытия в договоре сторонами должно означать эксплуатацию в порядке, предусмотренном действующим законодательством, а в присутствии особых указаний в договоре — эксплуатацию в порядке, предусмотренном действующим законодательством и договором.

Дополнительно такая гражданско-правовая обязанность стимулировала бы застройщика к соблюдению и требований, установленных публичным правом для эксплуатации зданий или сооружений. Факт соблюдения или нарушения подобного договорного требования по окончании срока действия права застройки в случае спора стороны могли бы, например, определять на основании оценочных показателей об износе недвижимого имущества, результатов экспертизы, техническом и ином состоянии здания или сооружения. Тем более указанное выше кажется правильным, что недвижимость, не подлежащая сносу по окончании срока действия права застройки, публичным собственником земли может направляться на предоставление жилья малоимущим слоям населения. Значение такого расширения понимания эксплуатации в праве застройки в виде увеличения его содержания может сыграть важную роль и для коммерческой недвижимости, возведенной на праве застройки. В последнем случае эксплуатация, по нашему мнению, должна трактоваться несколько шире и включать в себя также коммерческую эксплуатацию.

Может показаться, что вменение застройщику подобной обязанности входит в определенное противоречие с правом застройщика определять физическую судьбу возведенного им здания или сооружения, вытекающим из его права собственности на них. Однако, во-первых, снос здания или сооружения с необходимостью требует его восстановления, так как застройщик обязан не только возвести, но и эксплуатировать здание или сооружение. Во-вторых, в праве застройки, предусматривающем поступление возведенных зданий или сооружений в собственность собственника земли, с необходимостью требуется их восстановление в случае сноса таких объектов к моменту окончания срока действия предоставленного права [14, с. 18]. В-третьих, взятие на себя застройщиком дополнительных гражданско-правовых обязанностей наряду с несением публично-правовых в отношении поддержания здания или сооружения в надлежащем состоянии являет собой выражение его воли на стадии заключения договора и представляет собой адекватный гражданско-правовой риск, в особенности в сфере коммерческой недвижимости, в том смысле, что у застройщика, эксплуатанта коммерческой недвижимости, возможно, возникнет необходимость в сносе здания, которое он обязался поддерживать в надлежащем состоянии, обусловленная экономической конъюнктурой.

Некоторые авторы полагают [15, с. 124], что установление права застройки для эксплуатации уже существующих на земельном участке объектов застройщиком противоречит сути права застройки. Однако тот факт, что право застройки может устанавливаться не только в целях строительства, но и реконструкции, опровергает такую позицию. Реконструкция в рамках права застройки не противоречит, вопреки названию, его правовой природе, так как экономическая и правовая цель состоят в том, чтобы предоставить право собственности лицу, в пользу которого устанавливается право застройки, на объект, подлежащий либо созданию, либо приведению в состояние, близкое к новому, и использованию в течение определенного периода времени. Если

принять иную позицию, то множество застроенных участков не сможет стать предметом «облагораживания», что потребует дополнительных затрат в виде сноса имеющихся строений либо поиска иных, менее выгодных для сторон, правовых механизмов. Представляется, что в целях реконструкции также требуется ограниченное вещное право, предоставляющее достаточные гарантии лицу, производящему реконструкцию, в то время как создание отдельного вещного права в данном случае нецелесообразно: оно вполне может быть охвачено правом застройки.

Традиционно право застройки имеет областью применения строительство, прежде всего жилья, в связи с чем объектами, подлежащими возведению, называют здание или сооружение. Такой подход воспринят в концепции российского права застройки. Возможно, это стало следствием того, что в ст. 130 законопроекта, определяющей понятие недвижимой вещи, законодатель среди указания на общий критерий отнесения вещи к недвижимой выделил именно здания и сооружения наряду с объектами незавершенного строительства.

На наш взгляд, неверно сводить объекты, которые могут быть возведены или реконструированы на праве застройки, исключительно к зданиям или сооружениям. Это может создать проблемы правоприменения на случай строительства или реконструкции нестандартных объектов, которые в силу толкования могут быть не отнесены к понятиям «здание» и «сооружение», несмотря на их достаточно широкое содержание. Представляется, что правильным было бы унифицировать понятие тех объектов, которые подлежат возведению, реконструкции и эксплуатации под общим термином «недвижимое имущество». О каком именно недвижимом имуществе должна идти речь с учетом того, что закон не указывает назначение зданий или сооружений, стороны определяют уже самостоятельно в договоре об установлении права застройки.

Таким образом, под правом застройки следует понимать ограниченное, свободно отчуждаемое и передаваемое вещное право срочного, возмездного владения и пользования чужим земельным участком в целях возведения нового или реконструкции уже расположенного на нем недвижимого имущества, его последующей эксплуатации и поддержания в надлежащем состоянии в течение всего срока действия предоставленного права. В России на случай включения в перечень ограниченных вещных прав права застройки следует признать, что лицами, которые вправе устанавливать право застройки на свой земельный участок, могут выступать физические и юридические лица, а так же лица, уполномоченные ими на такую передачу. При этом такое установление права застройки возможно с множественностью лиц как на стороне собственника земельного участка, так и на стороне застройщика. В последнем случае должны применяться правила об общей собственности (гл. 16 ГК РФ).

Литература

1. Аббасова А. М., Анисимов А. П. Право застройки в свете реформы гражданского и земельного законодательства // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 3. С. 350–353.
2. Арсланов К. М. О взаимосвязи российского гражданского права с германской правовой системой // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 67–72.
3. Бевзенко Р. С. О целесообразности и желательности введения права застройки в российское право // Закон. 2016. № 6. С. 53–57.

4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 6–99.
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ч. 1. Ст. 16.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации: проект Федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012). [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/58064654/> (дата обращения: 01.08.2018).
8. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: пояснительная записка к проекту Федерального закона № 47538-6. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/58024598/> (дата обращения: 02.08.2018).
9. Voskresenskaya E., Mokhorov D., Tebryaev A. Ecological state of the urban environment as an object of forensic analysis within the period of introducing the judicial reform of Russia // MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 170. Article Number 01058, DOI <https://doi.org/10.1051/mateconf/201817001058>.
10. Voskresenskaya E., Zhilskiy N., Shariapova E. Legal regulation of land granting for construction in cities with federal status // MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 170. Article Number 01057, DOI <https://doi.org/10.1051/mateconf/201817001057>.
11. Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A., Askarov Z. Atypical real estate objects: legal regime and control system // MATEC Web of Conferences. 2017. Vol. 106. Article Number 08055, DOI <https://doi.org/10.1051/mateconf/201710608055>.
12. Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A. Current-day matters of administration and law in the field of high-rise construction // E3S Web of Conferences. 2018. Vol. 33. Article Number 03051. [Электронный ресурс]. URL: doi.org/10.1051/e3sconf/20183303051 (дата обращения: 02.07.2018).
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 11.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
14. Воскресенская Е. В. Субъекты саморегулирования: теоретико-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 17–24.
15. Емелькина И. А. Природа права на строение, возведенное на чужом земельном участке, в свете изменения гражданского законодательства о вещном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 124–125.

А. Н. Островский, В. А. Пимонов

**Обоснование направлений интеграции
восстановительных технологий (в том числе медиации)
в работу комиссий по делам несовершеннолетних
и защите их прав**

*A. N. Ostrovskiy, V. A. Pimonov. Justification of the directions of integration
of recovery technologies (including mediations) in work of the commissions
on Commissions on Juvenile Affairs and protection of their rights*

Авторами статьи проведен обзор нормативных актов, регламентирующих возможности применения восстановительных технологий (в том числе медиации) в практике работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН и ЗП). На основе данного анализа установлено наличие у КДН и ЗП определенного нормативного ресурса для применения восстановительных технологий (в том числе медиации) в рамках имеющегося функционала. Вместе с тем, существующая нормативная регламентация применения подобной практики в деятельности КДН и ЗП носит скорее косвенный и рамочный характер, описывая лишь направления реализации дружественного к детям правосудия и, в общих чертах — индивидуальной профилактической работы, а также субъектов системы профилактики правонарушений, ответственных за ее проведение. В настоящий момент в правовом поле отсутствует какой-либо нормативный акт, прямо указывающий на обязательность проведения восстановительных программ при работе со случаями правонарушений несовершеннолетних на уровне КДН и ЗП.

Статья также представляет результаты всероссийского социологического опроса членов КДН и ЗП, впервые затронувшего проблематику типологии конфликтов, возникающих у их членов в ходе исполнения своих профессиональных обязанностей. Приведенные итоги этого исследования (по его

Authors of article carried out the overview of the regulations regulating possibilities of use of recovery technologies (including mediations) in practice of work of the Commission on Juvenile Affairs (further — CJA). On the basis of this analysis existence at CJA of a certain standard resource for use of recovery technologies (including mediations) within the available functionality is established. At the same time, the existing standard regulation of use of similar practice in activity of CJA has rather indirect and frame character, describing only the directions of realization of justice, friendly to children, and, in general — individual scheduled maintenance; and also subjects of a system of prevention of the offenses responsible for its carrying out. At the moment in the legal framework there is no statutory act which is directly indicating obligation of carrying out recovery programs during the work with cases of offenses of minors at the level of CJA.

Article also represents results of the All-Russian sociological poll of members of CJA which for the first time mentioned a perspective of typology of the conflicts arising at their members in course of execution of the professional duties. The given results of this research (on his single key questions) testify to an appreciation of the importance of recovery technologies members of CJA, their expressed practical orientation, existence of request for expansion of use of recovery pro-

Антон Николаевич Островский — руководитель Центра медиации и общественного взаимодействия Российского государственного социального университета, кандидат медицинских наук, доцент.

Владимир Александрович Пимонов — доцент кафедры юридической психологии и права Московского государственного психолого-педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент.

© Островский А. Н., Пимонов В. А., 2018

отдельным ключевым вопросам) свидетельствуют о высокой оценке значимости восстановительных технологий членами КДН и ЗП, их выраженной практической направленности, наличии запроса на расширение применения восстановительных программ и медиации в данной сфере и потребности в реализации соответствующих образовательных программ. На основании результатов описанных изысканий авторами обоснована актуальность мероприятий по расширению масштабов применения восстановительных программ в работе КДН и ЗП как инструмента содействия развитию правосудия, дружелюбного к детям.

Ключевые слова: правосудие, дружелюбное к детям; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; правонарушения несовершеннолетних; медиация; восстановительное правосудие; восстановительные программы.

Контактные данные: А. Н. Островский: 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; (495) 255-67-67; ostrovskii@rgsu.net | В. А. Пимонов: 127051, Москва, ул. Сплетенка, д. 29; (499) 259-01-94; p_vlad70@mail.ru.

grams and mediation in this sphere and the need for implementation of the appropriate educational programs. On the basis of results of the described researches by authors the relevance of actions for expansion of scales of use of recovery programs in work as CJA as instrument of assistance to development of the justice friendly to children is proved.

Keywords: justice friendly to children; Commission on Juvenile Affairs; offenses of minors; mediation; recovery justice; recovery programs.

Contact details: A. N. Ostrovskiy: Vil'gel'ma Pika Str. 4, Bld. 1, Moscow, Russian Federation, 129226; (495) 255-67-67; ostrovskii@rgsu.net | V. A. Pimonov: Sretenka Str. 29, Moscow, Russian Federation, 127051; (499) 259-01-94; p_vlad70@mail.ru.

Рост подростковой агрессии, приводящий зачастую к трагическим событиям, приобретающим известность в широком медийном пространстве, изменение формата подростковых коммуникаций, в частности посредством создания тематических групп в социальных сетях, направленных в том числе на стимулирование суицидального поведения несовершеннолетних, а также прививание им криминальной субкультуры становятся важнейшими социальными проблемами современного российского общества, требующими новых подходов к профилактике асоциальных проявлений у подрастающего поколения. В этих условиях прежние формы воспитательной работы с несовершеннолетними, характеризующиеся тенденцией к усилению очного контроля и выраженному запретительному компоненту, утрачивают свою актуальность.

В то же время большое значение начинают играть индивидуализированные подходы к воспитательной работе, направленные на формирование гуманистических ценностей человеческой жизни, семьи, уважения личности и интересов другого человека, конструктивного разрешения конфликтов, взаимопонимания и сотрудничества для достижения общих результатов.

Данные подходы к реализации работы с несовершеннолетними впервые нашли отражение в качестве основных принципов «государственной политики в отношении защиты прав детей», сформулированных в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», утвержденной Президентом РФ В. В. Путиным [1; 2] (далее — Стратегия), и легли в основу обеспечения помощи и реализации правосудия, дружелюбного к детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, причем как в качестве жертвы, так и в качестве обидчика. Подобными мерами в Стратегии были названы в том числе: развитие сети служб примирения в целях реализации восстановитель-

ного правосудия; внедрение технологий восстановительного подхода, реализация программ и применение механизмов возмещения ребенком-правонарушителем ущерба потерпевшему [3].

Практика восстановительного правосудия, в основе которого лежат принципы медиации, основанные на привлечении нейтрального лица к разрешению спора или криминальной ситуации в условиях добровольности участия сторон и конфиденциальности базируется на опыте европейских и американских социальных служб, развивавших данную концепцию со 2-й половины XX в. как ответ на критику современной западной судебной системы и формального юридического подхода к конфликтам и криминальным ситуациям, характеризующегося смещением ответственности за решение конфликтов из сообществ людей в руки профессионалов и, как следствие, утратой людьми способности самим искать выход из конфликтных ситуаций [4; 5].

Под восстановительным правосудием понимается новый подход к отправлению правосудия, в отличие от классического, базирующегося на наказании виновного путем изоляции его от общества, ориентированный прежде всего на осознание и заглаживание вины, восстановление отношений между жертвой и обидчиком; на восстановление материального и морального ущерба, нанесенного жертве и обществу; содействие реабилитации и ресоциализации правонарушителя. В России первопроходцами восстановительного правосудия стали специалисты Общественного центра «Судебно-правовая реформа» [6], апробировавшие описанные выше подходы в нашей стране в формате волонтерской деятельности [Там же].

Вторым шагом по институционализации восстановительной практики в России стала «Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» [3; 5] (далее — Концепция), разработанная в рамках плана реализации Стратегии [1] и утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации № 1430-р от 30 июля 2014 г. [7]. Предполагалось, что восстановительные (в том числе медиативные) инструменты, согласно Концепции, позволят:

- «обеспечить реальную социализацию правонарушителя за счет активной восстановительной коррекционной работы, направленной на предоставление ему возможности оставаться полезным членом общества, которое не отождествляет его с совершенным им проступком, что делает возможным понимание правонарушителем причины отнесения поступка к общественно порицаемому, требующему несения ответственности, наказания, а также предоставление возможности исправить, загладить причиненный вред»;
- «вести эффективную профилактическую работу по предупреждению асоциальных проявлений, правонарушений в детско-юношеской среде в целом»;
- «оказывать действенную помощь семье как важнейшему институту, определяющему развитие личности»;
- «содействовать образовательной системе в создании безопасного пространства, необходимого для формирования физически и психологически здоровой личности» [2; 7].

Особенностью Концепции стало введение в оборот термина «медиация» (и, соответственно, «службы медиации» как структурных подразделений, отвечающих за реализацию восстановительной практики) в отношении работы с несовершеннолетними, наряду с ранее использованными в Стратегии терминами «восстановительное правосудие» и «службы примирения».

Также Концепция предполагала создание сети служб медиации в виде двух-уровневой системы, в которой основу второго (регионального и местного) уровня должны были составить, в том числе, секретари КДН и ЗП [7].

Передача подобных функций КДН и ЗП явилось нормативно обоснованным решением, так как, в соответствии с Федеральным законом РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [8] (далее — Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ), целями создания данного органа является, в том числе:

- «координация деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних»;
- «выявление и устранение причин и условий, способствующих этому, обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении» [Там же].

Кроме того, на основании положений ст. 11 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ [Там же] в компетенции КДН и ЗП включены задачи по осуществлению «мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних» [Там же]. Также, согласно «Примерному положению о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав», утвержденному Постановлением Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 (ред. от 18.10.2016) [Там же], «деятельность комиссий основывается на принципах... поддержки семьи с несовершеннолетними детьми и взаимодействия с ней, гуманного обращения с несовершеннолетними, индивидуального подхода к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации», а одними из ведущих задач КДН и ЗП выступают «обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних», «социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении» [9]. Собственно, основой такого личностно ориентированного подхода к совершенному несовершеннолетним правонарушению, в соответствии с Концепцией, должны были выступить восстановительные принципы (в том числе медиация) [7], доведенные до сведения всех субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в рамках Концепции, а также в рамках «Методических рекомендаций по внедрению новых технологий и методов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повторных, обеспечению досудебного и судебного сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, а также несовершеннолетних, отбывающих или отбывших наказание в местах лишения свободы» [10].

Согласно Концепции, инновационные для Российской Федерации медиативные технологии «как способы и механизмы предупреждения и разрешения конфликтов с участием детей и подростков, реагирования на правонарушения, в том числе в отношении детей, совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» [7], должны:

- «обеспечивать реальную социализацию правонарушителя за счет активной коррекционной работы, направленной на предоставление ему возможности

- оставаться полезным членом общества, которое не отождествляет его с совершенным им проступком;
- позволять вести эффективную профилактическую работу по предупреждению асоциальных проявлений, правонарушений в детско-юношеской среде в целом;
- оказывать действенную помощь семье как важнейшему институту, определяющему развитие личности;
- содействовать образовательной системе в создании безопасного пространства, необходимого для формирования физически и психологически здоровой личности» [Там же].

Проведение процедур медиации с участием несовершеннолетних и реализация восстановительного подхода в отношении них на уровне КДН и ЗП может рассматриваться в качестве одного из видов индивидуальной профилактической работы по критерию отнесения к социально-педагогической реабилитации и, соответственно, предупреждения последующего совершения правонарушения и антиобщественного действия.

На основании ст. 11 Федерального Закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ, КДН и ЗП в пределах своих компетенций реализуют следующие функции, в рамках каждой из которых, по нашему мнению, могут быть применимы программы восстановительного правосудия (восстановительные программы) [8]:

Таблица 1

Возможные направления применения восстановительных программ в соответствии с функциями КДН и ЗП в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ

Направления деятельности КДН и ЗП (ст. 11 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ)	Направления применения восстановительных программ
«...обеспечивают осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних» [8]	Проведение восстановительных программ при выявлении дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации в отношении несовершеннолетних
«...подготавливают совместно с соответствующими органами или учреждениями материалы, представляемые в суд, по вопросам, связанным с содержанием несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа, а также по иным вопросам, предусмотренным законодательством Российской Федерации» [Там же]	Принятие решения о направлении материалов в суд с учетом результатов проведенных восстановительных программ по факту совершения несовершеннолетним правонарушений или антиобщественных действий
«...рассматривают представления органа, осуществляющего управление в сфере образования, об исключении несовершеннолетних, не получивших общего образования, из образовательной организации и по другим вопросам их обучения в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ „Об образовании в Российской Федерации“; (пп. 3 в ред. Федерального закона от 02.07.2013 № 185-ФЗ)» [Там же]	Принятие решения о направлении материалов в суд с учетом результатов проведенных восстановительных программ по факту совершения несовершеннолетним правонарушений или антиобщественных действий

Окончание табл. 1

Направления деятельности КДН и ЗП (ст. 11 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ)	Направления применения восстановительных программ
«...обеспечивают оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве несовершеннолетних, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы либо вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений, содействие в определении форм устройства других несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, а также осуществление иных функций по социальной реабилитации несовершеннолетних, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации» [Там же]	Проведение восстановительных программ как инструментов социальной реабилитации несовершеннолетних, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы либо вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений
«...применяют меры воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации» [Там же]	Проведение восстановительных программ с участием несовершеннолетних и членов их семей

Согласно ст. 11 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ [6], а также на основании Постановления Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» [9], основной задачей КДН и ЗП любого уровня (субъектов Российской Федерации, территориальных (муниципальных) комиссий) является, в том числе, «координация деятельности органов и учреждений системы профилактики по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних» [Там же]. Таким образом, в рамках своих координирующих функций КДН и ЗП могут осуществлять направление несовершеннолетних, членов их семей, а также законных представителей несовершеннолетних для проведения медиации в службы примирения/медиации, созданные согласно Концепции или существовавшие ранее [11–13].

Представленный выше анализ нормативной базы показывает наличие у КДН и ЗП определенного нормативного ресурса для применения восстановительных технологий (в том числе медиации) в рамках их имеющегося функционала [8]. Вместе с тем, существующая нормативная регламентация применения медиативной практики в деятельности КДН и ЗП носит скорее косвенный и рамочный характер, описывает лишь направления реализации дружественного к детям правосудия и, в общих чертах — индивидуальной профилактической работы и субъектов системы профилактики правонарушений, ответственных за ее проведение. В настоящий момент регламентация реализации мер по «применению восстановительных технологий» и «поддержки служб медиации (примирения) в системе образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» осуществляется в соответствии с п. 92 Плана основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 6 июля 2018 г. № 1375-р [14].

Кроме того, опыт общения с представителями КДН и ЗП субъектов РФ показывает, что масштаб внедрения восстановительных технологий (в том числе медиации) в данных органах оставляет желать лучшего. На практике члены КДН

и ЗП на своих заседаниях нередко используют тактику публичной моральной «порки» провинившихся подростков и их родителей, не разбираясь в причинах того или иного проступка, совершенного несовершеннолетним. Такая ситуация может быть объяснена отсутствием должного уровня понимания сути восстановительных (медиативных) технологий, их ценности и возможных направлений применения.

С целью обоснования потребности КДН и ЗП в использовании в своей работе восстановительных (медиативных) технологий в июле–сентябре 2017 г. в рамках исполнения государственного задания ФГБУ «Федеральный институт медиации» нами был проведен всероссийский социологический опрос членов КДН и ЗП, охвативший более 500 респондентов в 17 субъектах РФ. Критерием уровня экспертности участников опроса, позволяющим говорить об их компетентности в рамках обсуждаемой тематики, выступили показатели статуса и стажа работы в КДН и ЗП, а также возраста. Так, широкая представленность всех статусов членов КДН и ЗП (председатель (14,6% опрошенных), заместитель председателя (11%), ответственный секретарь (22,7%), рядовой член КДН и ЗП (49,3%), преобладание среди респондентов лиц с опытом работы в КДН и ЗП более 3 лет (60,9%), а также лиц, старше 40 лет (58,3%)) дали возможность сделать вывод о достаточном опыте респондентов, позволяющем высоко оценивать весомость их мнений по обсуждаемым вопросам. Полученные в рамках опроса результаты позволяют говорить о том, что уровень информированности об обсуждаемых в настоящей статье технологиях и масштабы их применения являются недостаточными, несмотря на наличие соответствующих предписывающих нормативных документов.

В частности, на вопрос «Как часто в конфликтах, возникающих при взаимодействии с семьей несовершеннолетнего в ходе решения задач, поставленных перед КДН и ЗП, вы используете инструменты медиации?» ответы «всегда» были предоставлены 10,5% респондентов; «почти всегда» — 9,9%; «часто» — 13,1%; «не часто» — 15,5%.

В то же время оставшаяся часть респондентов применяют данные технологии «не часто» (17,8%); «редко» (16,7%); «не знают, что это такое» (2,4%); «затруднились ответить» (11,2%); не дали ответ — 2,8%. Еще хуже обстоит ситуация с применением иных восстановительных программ: 23,4% респондентов — членов КДН и ЗП сообщили о том, что восстановительные программы при работе с несовершеннолетними не используются совсем.

Тем не менее, востребованность инструментов медиации в работе КДН и ЗП не вызывает сомнений. Так, на вопрос «Как часто при работе с семьей несовершеннолетнего в ходе решения задач, поставленных перед КДН и ЗП, вы встречаетесь с противоречиями и конфликтами в семье несовершеннолетнего?» ответ «очень часто» был предоставлен 10,3% респондентов; «часто» — 30,7%; «довольно часто» — 28,8%. При этом при ранжировании видов противоречий, которые возникают при работе с несовершеннолетним и (или) его законными представителями, в ходе решения задач, поставленных перед КДН и ЗП, преобладающими явились: «Противоречия, связанные с отсутствием у законных представителей несовершеннолетних ресурсов на выполнение мероприятий ресоциализации: временных, материальных, иных» (первое (16,3%) и третье (30,1%) место по степени весомости фактора); «Противоречия, развитие которых происходит под воздействием личностных особенностей участников конфликтной ситуации» (второе (19,1%) место по степени весомости фактора).

Полученные результаты указывают, что, принимая во внимание довольно высокую частоту конфликтов, с которыми приходится сталкиваться членам КДН

и ЗП, и выделенные респондентами «отсутствие ресурсов на выполнение мероприятий ресоциализации» и «противоречия, обусловленные личностными особенностями конфликтующих сторон», внедрение принципов медиации в работе с несовершеннолетними и их законными представителями в деятельности КДН и ЗП является обоснованной и необходимой задачей.

Результаты проведенного всероссийского социологического опроса членов КДН и ЗП показали также и осознанную заинтересованность последних во внедрении принципов медиации в их непосредственную деятельность. Так, по мнению 54,7% респондентов, владение медиативными технологиями будет полезным для всех представителей органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; по мнению 36,5% опрошенных — для сотрудников всех органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, входящих в состав КДН и ЗП; для ответственных секретарей КДН и ЗП — по мнению 9,2% участников исследования; для председателей КДН и ЗП — 8,2% респондентов.

Кроме того, члены КДН и ЗП считают, что процедуры медиации / восстановительные программы «содействуют эффективной работе с несовершеннолетними, снижая риски повторных правонарушений» (52,8% респондентов); имеют потенциал социально-психологической реабилитации для семьи, в которой проживает несовершеннолетний (45,1%); могут вести к снижению показателей безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних (36,1%); повышают уровень социальной ответственности семьи, в которой проживает несовершеннолетний (22,3%).

При этом в качестве существующих ограничений на применение медиации в работе КДН и ЗП опрошенные выделили: «личные/личностные качества медиатора/ведущего восстановительных программ» — (33,7%); «нехватку времени у специалистов» (32,6%); отсутствие информации о профессиональных качествах медиатора/ведущего восстановительных программ (27,9%); отсутствие специального помещения для проведения процедуры медиации/восстановительной программы (20,4%).

В настоящий момент, по мнению респондентов, в качестве медиатора/ведущего восстановительных программ в сотрудничестве с КДН и ЗП выступают: представитель школьной службы примирения/медиации (38,4%); представитель структурного подразделения, обеспечивающего деятельность КДН и ЗП (13,5%); представитель специализированной государственной структуры (12,5%); представитель иного субъекта системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (11,6%); представитель аппарата Уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации (1,9%); Представитель сторонней специализированной негосударственной структуры (1,5%), представитель аккредитованной при КДН и ЗП негосударственной структуры (1,7%). Как было сказано выше, о неприменении восстановительных программ сообщили 23,4% респондентов.

При этом экспертные мнения участников опроса свидетельствуют о необходимости расширения объема применения медиации/восстановительных программ: представителями школьных служб примирения/медиации (58,4%); специализированных государственных структур (39,7%); аккредитованным представителем негосударственной структуры (21,2%); структурного подразделения, обеспечивающего деятельность КДН и ЗП (15,9%); представителем негосударственной структуры (14,4%); представителем аппарата уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ (14%).

Подавляющее большинство участников опроса (76,2%) считают, что результаты процедуры медиации / восстановительной программы могут носить рекомендательный характер при принятии решений КДН и ЗП по каждому конкретному случаю. О возможности обязательного характера учета результатов восстановительных программ заявили 7,9% респондентов.

В качестве условий дальнейшего распространения процедур медиации / восстановительных программ в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних участники опроса видят: «широкое информирование представителей органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних о возможностях применения медиации и восстановительного подхода» (47,2%); «широкое информирование населения о возможностях применения медиации и восстановительного подхода» (40,3%); «внесение изменений в систему нормативно-правового обеспечения межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (37,5%); привлечение к данной работе представителей общественных организаций в качестве нейтральной стороны (22,8%). Одним из наиболее значимых факторов, который может сделать невозможным проведение процедуры медиации / восстановительного подхода, участники опроса отметили: «личные/личностные качества медиатора / ведущего восстановительных программ» (33,7%) наряду с «нехваткой времени у специалистов» (32,6%); «отсутствие информации о профессиональных качествах медиатора / ведущего восстановительных программ» (27,9%); «отсутствие специального помещения для проведения процедуры медиации / восстановительной программы» (20,4%). Критерии профессионализма явились превалирующим ответом на вопрос о качествах, которыми должен обладать медиатор / ведущий восстановительных программ, среди которых респонденты назвали «профессиональные навыки» (72,8%); личные качества (стрессоустойчивость, неконфликтность, самообладание и др.) (62,8%); «знание психологии» (12%); «должен вызывать доверие» (10%); «юридическая грамотность» (8,5%); «образование» (7,7%), «опыт работы» (6,2%). Присутствие сразу двух значимых критериев, связанных с личностью и профессионализмом медиатора, в ответах респондентов диктует важность образовательной деятельности по подготовке специалистов по проведению процедур медиации / восстановительных программ.

Приведенные результаты исследования (по его отдельным ключевым вопросам) свидетельствуют о высокой оценке значимости медиативных технологий членами КДН и ЗП, их выраженной практической направленности, наличии запроса на расширение применения медиативных практик в данной сфере и потребности в реализации соответствующих образовательных программ.

Между тем, направления внедрения медиативных технологий в деятельность КДН и ЗП не ограничиваются только работой с несовершеннолетними и их законными представителями.

В рамках проведенного нами социологического опроса при ранжировании ответов о противоречиях, которые возникают при межведомственном взаимодействии с другими представителями органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в ходе решения задач, поставленных перед КДН и ЗП, на первом месте оказываются противоречия, «обусловленные ограниченностью ресурсов, необходимых для решения проблемы, у органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (20,4%), на втором — «противоречия, обусловленные несоответствием объема работ и времени на ее выполнение» (16,5%); на третьем и четвертом — «противоречия, в основе которых лежит недостаточная или из-

быточная регламентация действий органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» — (21,5 и 23,8% соответственно). Все эти противоречия неизбежно приводят к конфликтам в деятельности КДН и ЗП, являющимся сдерживающим фактором в создании единой системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, призванной сохранять «субъект-субъектные» отношения, основанные на паритетном участии членов КДН и ЗП в совместной деятельности и гарантирующие минимизацию риска принятия субъективных решений в отношении несовершеннолетних. Такой характер отношений реализует коммуникативный тип справедливости, который должен проследиваться в межведомственном взаимодействии субъектов профилактики в ходе деятельности КДН и ЗП. В то же время, по мнению Т. А. Танковой, «службы, входящие в состав КДН и ЗП, не имеют единого руководства, не всегда могут сотрудничать в унисон и отнюдь не стремятся войти в подчинение КДН и ЗП как координирующего органа» [15, с. 243]. В связи с вышесказанным общая задача — достижение социальной справедливости в деле профилактики правонарушений несовершеннолетних — у новой системы не появляется, а сохраняются преимущества ведомственных задач перед субъектами, в частности приоритет в соблюдении специализированных ведомственных регламентов, отсутствие значимых изменений статистических показателей как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, принятие ответственного решения в рамках методологических и материальных ресурсов ведомственных учреждений. Подобный вид взаимоотношений сторон (КДН и ЗП и ее членов, государственных учреждений — субъектов профилактики) можно обозначить как «субъект-объектные», характеризующиеся сохранением у отдельных членов КДН и ЗП позиции «объекта воздействия», подчинением чьей-то воле и реализацией исполнительских функций. Несомненно, такой тип отношений внутри совещательного органа не гарантирует объективности в принятии коллективных решений и может быть иллюстрацией дистрибутивного/распределительного типа справедливости, реализуемого в ущерб созданию механизма обеспечения справедливости в работе данного совещательного органа и порождающего конфликтогенность в его работе. Результатом всех вышеперечисленных правовых и организационных коллизий становятся конфликты между членами КДН и ЗП, являющимися полномочными представителями различных субъектов профилактики, не всегда несущими в себе конструктивный потенциал. Возможным следствием нарушенных коммуникаций между членами КДН и ЗП может являться, в том числе, деформация парадигмы их функционирования, утрата объективности по отношению к несовершеннолетним. В такой ситуации владение ответственными секретарями КДН и ЗП навыками медиации является очевидной необходимостью [16, с. 3383].

Проведенное нами исследование показало, что в современных условиях при работе с детьми и подростками с девиантным поведением осознание и заглаживание ими вины за содеянное, оценка последствий случившегося и рефлексия над тем, чтобы совершенное правонарушение не повторилось, выработка навыков поведения в конфликте как способа предупреждения насилия, по мнению представителей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, является важнейшим элементом социально-педагогической и индивидуальной профилактической работы, оцененным и востребованным экспертным сообществом. Кроме того, немаловажную роль играет наличие навыков построения конструктивных коммуникаций внутри самих совещательных органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В то же время масштаб применения восстановительных технологий (в том числе медиации) не позволяет говорить о них, как о повсеместно принятой и распро-

страненной практике. Задача Концепции по созданию сети служб медиации в виде двухуровневой системы, в которой основу второго уровня на региональном и местном уровнях должны составлять в том числе секретари КДН и ЗП, осталась фактически невыполненной, а описание результатов реализации Концепции в доступных источниках отсутствует. Вместе с тем, в настоящее время проведение восстановительных программ, в том числе по направлению КДН и ЗП, прямо не регламентировано ни одним нормативным документом, носит факультативный характер и реализуется исключительно специалистами, оценившими данную методологию и самостоятельно внедрившими ее в свою деятельность.

Не являясь сторонниками идеи реализации жесткой административной регламентации самой восстановительной практики, мы считаем, что в целом низкий уровень внедрения данных технологий в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обусловлен недостаточной информированностью специалистов системы о показаниях к направлению случаев на восстановительные программы, об их ценностях и преимуществах. Помимо системной просветительской работы на федеральном и региональном уровнях, серьезным катализатором развития восстановительного правосудия в нашей стране нам представляется:

- разработка на основании обобщения существующей практики методических рекомендаций с критериями определения случаев проведения восстановительных программ, фокусированными в зависимости от специфики правонарушений;
- включение в показатели эффективности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних критерия применения восстановительных программ в соотношении с общим числом рассмотренных дел при обосновании причин направления на проведение восстановительных программ или отказа от них.

Реализация такого подхода могла бы в значительной мере косвенно способствовать повышению заинтересованности членов КДН и ЗП в получении знаний о специфике восстановительного правосудия, а также их рефлексии над индивидуализированным выбором в пользу восстановительных программ в зависимости от специфики случая.

Мы надеемся, что подобные инновации станут действенным инструментом построения системы дружественного к детям правосудия в целом, а также повышения эффективности и объективизации работы КДН и ЗП в частности.

Литература

1. *Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы*: утв. Указом Президента РФ № 761 от 1 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 08.08.2018).
2. *Методические рекомендации по проведению медиации между жертвой и правонарушителем с целью реализации восстановительного подхода и восстановительного правосудия, создания основ для единообразной интеграции восстановительной практики*. [Электронный ресурс]. URL: http://fedim.ru/wp-content/uploads/2016/03/10.1.Metodicheskie-rekomendatsii_vosstanovitel'naya-praktika.pdf (дата обращения: 08.08.2018).
3. *Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии*: матер. V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Бурят. гос. ун-та (Иркутск — Улан-Удэ, 22–25 сентября 2015 г.) / науч. ред. Э. Л. Раднаева, М. Н. Садовников. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 358 с.
4. *Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание* / пер. с англ.; под общ. ред. Л. М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.

5. *Кристи Н.* Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 28–45.
6. *Карнозова Л. М.* Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М.: Проспект, 2014. 264 с.
7. *Концепция* развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ № 1430-р от 30 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70708642/> (дата обращения: 10.08.2018).
8. *Об основах* системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 10.08.2018).
9. *Примерное положение* о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав: утв. Постановлением Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70497602/> (дата обращения: 10.08.2018).
10. *Методические рекомендации* по внедрению новых технологий и методов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повторных, обеспечению досудебного и судебного сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, а также несовершеннолетних, отбывающих или отбывших наказание в местах лишения и ограничения свободы. [Электронный ресурс]. URL: https://fcsprc.ru/assets/files/teaching_materials/Методические%20материалы/Методические%20рекомендации%20по%20профилактике%20правонарушений.pdf (дата обращения: 10.08.2018).
11. *КДН и ЗП* как площадка для реализации восстановительного подхода. Использование восстановительного подхода в деятельности Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: метод. пособие / под общ. ред. Н. В. Путинцевой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012.
12. *Базовые элементы модели* восстановительной медиации // Использование восстановительного подхода в деятельности Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: метод. пособие / под общ. ред. Н. В. Путинцевой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012.
13. *Максудов Р. Р.* Замысел развития восстановительного подхода в работе районных и городских КДН и ЗП // Вестник восстановительной юстиции. Развитие арсенала восстановительных практик в работе с конфликтными и криминальными ситуациями. № 8. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2011. С. 67–69.
14. *Об утверждении* Плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства: распоряжение Правительства РФ от 6 июля 2018 г. № 1375-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550554509> (дата обращения: 10.08.2018).
15. *Танкова Т. А.* Правовые пробелы в правоприменительной практике комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 242–244.
16. *Шамликашвили Ц. А., Островский А. Н., Лукоянова Э. Р.* Системное взаимодействие органов профилактики правонарушений несовершеннолетних как залог социальной справедливости в их деятельности: пути преодоления существующих ограничений: матер. V Всерос. социол. конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 3374–3383.

Г. А. о. Агаев, А. В. Баженов, Е. А. Зорина

**Трудности антиалкогольного воспитания
и проблемы антинаркотической профилактики
у несовершеннолетних делинквентов
в воспитательных колониях**

G. A. o. Agaev, A. V. Bazhenov, E. A. Zorina. Difficulties of antialcoholic education and problem of counter-narcotics prevention at educational colonies

В статье представлена попытка научно-практического осмысления проблем детерминации алкоголизма и наркопотребления у современных подростков сквозь призму влияния на них широкого спектра биосоциальных факторов. Статья содержит рекомендации по применению различных форм и методов антиалкогольного и антинаркотического воспитания (профилактики), осуществляемого в отношении несовершеннолетних, осужденных к отбытию наказания в воспитательных колониях.

Ключевые слова: воспитательные колонии; пьянство и алкоголизм; антиалкогольное воспитание; профилактика алкоголизма; подростки, склонные к употреблению наркотиков; наркотики; наркомания; наркозависимые подростки; социальные факторы; психотерапия; психопатология; профилактическая работа; антинаркотическое воспитание и профилактика.

Контактные данные: Г. А. о. Агаев, Е. А. Зорина: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149; (812) 369-96-37; zorina_lena@mail.ru | А. В. Баженов: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А; (812) 708-59-04; bazhenovav@mail.ru.

The attempt of scientific and practical judgment of problems of determination of alcoholism and narcoconsumption at modern teenagers through a prism of influence on them of a wide range of bio-social factors is presented in the article. The article contains recommendations about application of various forms and methods of the antialcoholic and counter-narcotics education (prevention) which is carried out concerning the minors condemned to departure of punishment in educational colonies.

Keywords: educational colonies; alcoholism and alcoholism; antialcoholic education; prevention of alcoholism; teenagers inclined to the use of drugs; drugs; drug addiction; drug-addicted teenagers; social factors; psychotherapy; psychopathology; scheduled maintenance; counter-narcotics education and prevention.

Contact details: G. A. o. Agaev, E. A. Zorina: Moskovskiy Ave 149, St. Petersburg, Russian Federation, 196105; (812) 369-96-37; zorina_lena@mail.ru | A. V. Bazhenov: Bol'shaya Morskaya Str. 67/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190000; (812) 708-59-04; bazhenovav@mail.ru.

Существует обильная литература, посвященная исправлению тех, кто злоупотребляет алкоголем. О профилактике же пьянства среди молодежи вообще и в условиях воспитательной колонии (далее — ВК) в частности написано немного.

Гюлоглан Али оглы Агаев — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Александр Владимирович Баженов — доцент кафедры уголовного права и таможенных расследований Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, доцент.

Елена Андреевна Зорина — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.

© Агаев Г. А. о., Баженов А. В., Зорина Е. А., 2018

Исследования (анкетирование несовершеннолетних правонарушителей, изучение их личных дел, справок о причинах и условиях совершения преступлений, заполняемых следственными органами) свидетельствуют о том, что более 80% осужденных отбывают наказание за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения. Одной из основных причин большинства повторных преступлений является пагубное пристрастие к спиртному.

Особое значение в профилактике пьянства и алкоголизма следует придавать организации воспитательной и профилактической работы с осужденными в воспитательных колониях. Определенный положительный опыт антиалкогольной воспитательной работы накоплен в некоторых ВК, где организована наркологическая служба с наркологическими кабинетами. Вместе с тем в колониях, где отсутствуют специалисты-наркологи, возникают затруднения в организации антиалкогольной пропаганды.

Содержание ее не всегда отличается разнообразием форм, целенаправленностью, плановностью, поскольку далеко не все учителя, воспитатели, другие работники ВК имеют соответствующую практику и необходимую подготовку, а обоснованных методических рекомендаций по данному вопросу явно недостаточно.

В современных условиях достижение эффективности исправления и воспитания невозможно без профилактики алкоголизма и антиалкогольного воспитания осужденных в ВК.

Антиалкогольное воспитание — процесс целенаправленного формирования антиалкогольных взглядов, чувств, убеждений. Оно является одной из сторон трезвого образа жизни, направленного прежде всего на предупреждение первоначального употребления подростками алкогольных напитков.

Важнейшими условиями антиалкогольного воспитания должны быть:

- целенаправленность — осуществление в едином процессе социального развития личности: не только в специальной учебно-воспитательной деятельности, но и в трудовой, бытовой и общественной;
- систематичность: разовые, бессистемные мероприятия не могут создать устойчивые качества личности и сформировать адекватные привычки поведения;
- дифференцированность в зависимости от возрастных психофизиологических особенностей, уровня учебно-познавательной деятельности. При этом все мероприятия должны осуществляться при соблюдении преемственности в увеличении объема знаний, т. е. на каждом последующем этапе обучения объем знаний должен дополняться, уточняться, аргументироваться в соответствии с возрастом.

Накопленный специалистами опыт работы в воспитательных колониях дает основание предложить специальную программу работы администрации ВК по антиалкогольному воспитанию и профилактике алкоголизма осужденных. Она может включать в себя следующие направления работы:

- выявление и учет осужденных, страдающих алкоголизмом;
- санитарно-гигиеническое воспитание всех осужденных, находящихся в ВК, в основе которого должна лежать пропаганда здорового образа жизни и искоренение вредных привычек;
- проведение воспитательной работы с сотрудниками ВК, направленной на повышение их культурного уровня и формирование антиалкогольного общественного мнения;
- создание трезвеннических установок у осужденных путем целенаправленного педагогического воздействия, формирование антиалкогольного сознания и по-

ведения. В качестве особой задачи антиалкогольного воспитания следует выделить формирование у осужденных непримиримости к идеологии, пропагандирующей «свободный образ жизни», в котором особое значение придается культуре потребления алкогольных напитков. Выполнение этой задачи невозможно без объединенных усилий всех работников ВК и в первую очередь воспитателей и врачей, взаимной информации о результатах воспитательного процесса. Это обстоятельство, так же как и знание сотрудниками основ наркологии, характера изменений личности у больных алкоголизмом — обязательное условие успешной выработки сознательной трезвеннической установки.

Кроме того, необходимо:

- обеспечить методическую подготовку работников медицинской части ВК, определить степень их участия в антиалкогольном воспитании осужденных ВК, организовать стажировку медицинских сестер в городских наркологических кабинетах;
- привлечь к этой работе воспитателей отрядов, учителей, психологов, мастеров профессионально-технических училищ и мастеров производства, самих осужденных и их родителей;
- принять меры к созданию учебно-методической базы: организовать стенды, оформить методический кабинет, выставку периодической печати в библиотеке, иметь папки с подборкой фактического материала и т. д.;
- использовать процесс преподавания общеобразовательных дисциплин, все формы внеклассной и кружковой работы с осужденными для борьбы с пьянством и алкоголизмом, их пагубным влиянием на организм человека, его поведение и нравственность;
- ознакомить родителей осужденных с законодательством, запрещающим спайивание подростков взрослыми, убеждать их в необходимости борьбы с алкогольными традициями в семье;
- ознакомить осужденных с причинами возникновения пьянства, формировать негативное отношение к пьянству, убеждать в необходимости решительного пресечения намечающегося увлечения алкогольными напитками;
- расширить участие организаций, шефствующих над ВК, в проведении антиалкогольной пропаганды [1].

Содержание антиалкогольного воспитания охватывает основополагающие научные факты, понятия и сведения о причинах и последствиях употребления алкогольных напитков, о мерах борьбы против пьянства и алкоголизма, а также преимуществах трезвого образа жизни.

Важной задачей является выработка у осужденных трезвеннических установок, т. е. необходимо сформировать у подростка решимость не употреблять алкоголь после выхода на свободу. От ее решения, по сути дела, зависит успех исправления. Дело в том, что из употребления алкоголя плавно вырастает злоупотребление им. Трудно добиться трезвости от лиц, уже знакомых с «радостями» алкоголя, уже привыкших к состоянию опьянения.

Поэтому начинать профилактическую работу следует с выявления лиц, страдающих алкоголизмом. В воспитательных колониях находится довольно много лиц, нуждающихся в противоалкогольном лечении. Изучение судебной практики показало, что многие суды не применяют ст. 97 УК РФ (принудительное лечение от алкоголизма), объясняя это тем, что в ВК: а) не употребляют спиртное; б) осужденные в ВК не могут получать полноценное лечение; в) низкой эффективностью принудительного лечения алкоголизма.

Если со вторым объяснением мы можем согласиться частично, с третьим практически полностью, то первое требует комментария. Ошибочно полагать, что

склонность к пьянству, как правило, не может проявляться в местах лишения свободы. Возникшая психическая зависимость от алкоголя не исчезает в течение нескольких лет, даже в условиях, исключающих алкоголизацию. Поэтому подростки продолжают испытывать потребность в спиртных напитках в период пребывания в ВК. Стремясь как-то воспроизвести состояние алкогольного опьянения, они вдыхают пары ацетона, летучих растворителей, бензина, керосина.

Алкогольное опьянение становится наиболее желанным психическим состоянием. В результате неправильного воспитания, отрицательного влияния микросреды, традиций, осужденные часто не понимают, что пьянство приобрело выраженную болезненную форму. Напротив, нередко у осужденных при определенном отрицательном участии соответствующей среды формируется антирезвническая установка («все пьют, и я как все»).

Выявление осужденных, склонных к алкоголизму, с первого дня пребывания в ВК с использованием психологических методик, опросов, бесед с родителями, изучения характеристик, личных дел несовершеннолетних и т. д. позволит провести их дифференциацию.

Осужденные к принудительному лечению по ст. 97 УК РФ должны быть направлены на лечение. Для выделения группы лиц, больных алкоголизмом, к которым не была судом применена ст. 97 УК РФ, необходимо заключение нарколога. В большинстве ВК врач психиатр-нарколог отсутствует, поэтому следует прибегнуть к помощи специалистов городских и областных наркологических диспансеров. У осужденных прежде всего необходимо добиться правильного отношения к своему заболеванию как чрезвычайно серьезному, неизменно приводящему к тяжелому физическому недугу и жизненной катастрофе. Эта работа требует настойчивости, терпеливости и должна проводиться в течение всего периода пребывания в ВК.

Таким образом, осужденные, степень алкоголизации которых достигла болезненного состояния, должны находиться под наблюдением врача и, кроме воспитательного воздействия, к ним необходимо применять меры медицинского характера. Учет таких осужденных ведет медицинская часть. Выявлять осужденных с сохраняющейся потребностью в алкоголизации могут воспитатели в отделениях, учителя в школе, мастера на производстве, наблюдая, беседуя с ними, получая необходимую информацию из личных дел.

Профилактика подросткового алкоголизма намного плодотворнее, чем последующее его лечение. В то же время нельзя думать, что только благодаря противоалкогольной агитации осужденные прекратят употребление спиртных напитков, но, несомненно, такая агитация является важным элементом в комплексе антиалкогольных мер.

Разумеется, воспитание трезвеннических установок — трудоемкий процесс, тем более в условиях лишения свободы. Современная психология считает, что формирование любых понятий у несовершеннолетних проходит сложный путь. Они принимаются подростками не в готовом виде, а складываются в процессе накопления опыта. Для того, чтобы сформировавшееся отношение к чему-либо стало действительно внутренне своим, необходима «гимнастика поведения». Следовательно, знания о вреде алкоголя должны глубоко войти в сознание воспитанников ВК, для чего нужно создать единую целенаправленную преемственную систему антиалкогольного воспитания.

В результате злоупотребления спиртными напитками формирование у несовершеннолетних черт характера и волевых свойств существенно деформируется. Подросток, как говорят, «тупеет» и интеллектуально, и эмоционально, и нравственно. По нашим данным, 68% 17-летних воспитанников ВК имеют образова-

ние 4–7 классов. Лишь треть 18-летних осужденных имеет среднее образование. В беседе большинство воспитанников (55%) отмечает, что употребление спиртного привело к изменению их характера в худшую сторону. Следовательно, возникает необходимость определения своеобразного комплекса психологических и социально-психологических показателей, характеризующих склонность к пьянству и алкоголизму. Выявление этих показателей улучшит своевременную диагностику лиц, нуждающихся в специальном профилактическом и воспитательном воздействии [2].

Антиалкогольное воспитание осужденных в условиях общеобразовательной школы занимает особое место. А. С. Макаренко утверждал, что «полное перевоспитание, гарантирующее от рецидивов, возможно только при полной средней школе». Эти слова можно отнести в полной мере и к лицам, совершившим преступления в состоянии опьянения. Именно такие осужденные пополняют ряды рецидивистов. Учителя школ ВК осуществляют антиалкогольное воспитание в процессе преподавания всех предметов. Однако учителю необходимо не только увидеть воспитательные возможности содержания учебного предмета, который он ведет, но и реализовать их, причем с таким расчетом, чтобы восполнить у осужденных пробелы в антиалкогольном воспитании. Поэтому учителя должны использовать для решения этой задачи разнообразные методы педагогического воздействия на сознание учащихся, уметь найти в содержании предметов яркие эмоциональные факты и доводы для доказательства вреда употребления алкогольных напитков.

В целях повышения эффективности воспитательного воздействия учебного процесса предварительно анализируются учебные программы и выделяются те моменты, которые могут быть использованы на уроках. Например, на уроках ботаники во время изучения темы «семена» учителя затрагивают вопрос не только о вреде алкоголя на человека, но и показывают на опыте, что алкоголь — это яд, губительно действующий на живую клетку. Подобную работу целесообразно осуществлять на различных уроках.

На уроках литературы, к примеру, следует уделять большое внимание раскрытию в литературных произведениях не только последствий пьянства и алкоголизма для тех или иных героев, но и той гражданской позиции, которую занимали сами авторы, к которой они призывали будущее молодое поколение. Так, при знакомстве учащихся с творчеством Л. Н. Толстого следует обратить внимание на то, что от заблуждений и ошибок молодости русский писатель пришел к убеждению о необходимости полной трезвости. Он стал основателем одного из первых в России обществ трезвости. Им был составлен манифест «Согласие против пьянства».

Чтение и анализ с учащимися таких произведений, как «Горе от ума» А. С. Грибоедова, сцен из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова (эпизод на горской свадьбе в повести «Бэла», эпизод с пьяным казаком в «Фаталисте») дают возможность показать жестокую сущность пьянства, его унижительные и страшные последствия.

Изучая роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», необходимо раскрыть судьбу семьи Мармеладова, остановиться на его исповеди, показать, как тема губительного влияния алкоголизма на личность тесно переплетается с темой человеческого страдания, униженности человека, потери его нравственных устоев и достоинства. Знакомство учащихся с «Дневником писателя» позволит глубоко проникнуться мыслями Ф. М. Достоевского о пьянстве: «Никогда не мог я вынести без отвращения пьяного народного разгула...».

При чтении эпизодов пьесы «На дне», беседе о судьбах героев необходимо обратить внимание учащихся на то, что социальная несправедливость

является главной причиной пьянства и алкоголизма людей, что эти негативные явления неизбежно приводят к деградации личности, к нравственной гибели человека.

Программы по курсу истории имеют большие возможности для формирования у осужденных негативного отношения к пьянству и алкоголизму, позволяют раскрыть следующий круг вопросов:

- народ в своем фольклоре, обычаях и традициях всегда выступал против пьянства и алкоголизма, которые во все века были несовместимы с созидательной трудовой и познавательной деятельностью людей;
- пьянство во многих конкретных исторических ситуациях приводило к трагическим и разрушительным последствиям для целых народов;
- пьянство и алкоголизм существенным образом затрудняли решение социальных задач в нашем государстве.

На уроках права следует шире практиковать обсуждение материалов местной и центральной периодической печати, кинофильмов по нравственно-правовой и антиалкогольной тематике, предлагать осужденным для оценки и анализа конкретные правовые ситуации.

Как известно, в школах ВК, в отличие от обычных общеобразовательных школ, вопросы права изучаются в гораздо большем объеме. В учебный план введен курс «Основы правовых знаний», который ведется в 5–7 и в 9–11 классах.

Это открывает дополнительные возможности для широкой антиалкогольной пропаганды в ходе обучения. Особый акцент на уроках права следует сделать на раскрытии большой опасности для общества и личности злоупотребления алкоголем, различных отрицательных последствий употребления алкоголя, разъяснении прямой связи пьянства и аморального, преступного поведения, убеждении в необходимости борьбы с пьянством.

В программу курса может быть включен специальный урок «Сегодня пьяница — завтра преступник». Вместе с тем, преподаватель должен учитывать, что стандартные методы пропаганды должного эффекта давать не будут, так как многие осужденные в достаточной мере представляют себе последствия употребления алкоголя. Следовательно, надо находить и подбирать какие-то новые сведения и факты, способные заинтересовать и затронуть их.

Раскрывая тему «Трудовое право», необходимо указать на основания для ограничения дееспособности, главным из которых является пьянство одного из членов семьи. Нужно познакомить осужденных с теми статьями, в которых говорится о том, что несовершеннолетний, находящийся в нетрезвом состоянии, отвечает за причиненный им вред на общих основаниях.

Рассказывая осужденным о семейном праве, еще раз необходимо напомнить им о том, что основанием для лишения родительских прав является алкоголизм родителей.

Характеризуя административные правонарушения, необходимо выделить те из них, которые связаны с пьянством, и указать ответственность за их совершение, а именно:

- распитие спиртных напитков или появление в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство;
- распитие спиртных напитков на производстве или пребывание на работе в нетрезвом виде;
- доведение родителями или иными лицами несовершеннолетнего до состояния опьянения;
- управление транспортными средствами водителями, находящимися в состоянии опьянения и др.

Рассказывая об опорно-двигательной системе на уроках биологии, учителю следует обращать внимание осужденных на то, что при употреблении человеком алкогольных напитков в его мышцах происходят дистрофические изменения, замена клеток мышц грубой рубцовой тканью, изменяется возбудимость мышц, что приводит к возрастанию вероятности получения человеком разных видов травм опорно-двигательной системы.

Рассматривая тему «кровь и кровообращение», нужно показать, как алкоголь губительно воздействует на компоненты крови, их подвижность, на ритм сокращения сердца и артериальное давление, на состояние сердечной мышцы и кровеносных сосудов.

При рассмотрении темы «дыхание» следует указать на то, что под действием алкоголя происходит раздражение слизистых оболочек дыхательных путей, что, в конечном итоге, приводит к ослаблению защитных возможностей организма, к возникновению простудных и инфекционных заболеваний.

Говоря о пищеварении, нужно рассказать осужденным о том, что алкогольные напитки обжигают слизистую оболочку пищевода и желудка, вызывая ее воспаление, т. е. гастрит. Показать, что в дальнейшем при употреблении алкоголя гастрит является почвой для развития таких тяжелых заболеваний, как язвенная болезнь желудка и злокачественные новообразования.

При обсуждении такого бытующего выражения, как «употреблял алкоголь для аппетита», преподаватели должны обратить внимание осужденных на то, что да, при употреблении алкоголя происходит усиленное выделение желудочного сока. Но какого? Содержащего большое количество слизи, что препятствует пищеварению, удлиняет срок переваривания пищи с 2 до 10 часов.

При изучении темы «Нервная система. Органы чувств» учитель может показать осужденным, как алкоголь вызывает изменения нервной ткани, способствует ее атрофии, как ослабевает активное торможение, как даже малые дозы алкоголя затрудняют образование новых условных рефлексов, как тормозится процесс восприятия, снижается память, нарушается координация движения, что, в конечном итоге, ведет к деградации личности. Особое внимание следует обратить на особенности развития алкоголизма у подростков и женщин. Большой интерес у осужденных вызывает знакомство с резолюцией Пироговского съезда (1915 г.), в которой говорилось:

- «1. Нет ни одного органа человеческого тела, который не подвергался бы разрушительному действию алкоголя.
2. Алкоголь не обладает ни одним таким действием, результаты которого не могли бы быть достигнуты безопаснее и надежнее другими средствами.
3. Нет такого состояния, при котором необходимо назначать алкоголь.
4. Необходимость исключения алкоголя из списка лекарственных средств является выводом из множества научных наблюдений и точных лабораторных исследований».

На уроках географии учитель может рассказать о том, что одним из невольных экспериментов, который показал вредность алкоголя для серьезных физических испытаний и жизни в экстремальных условиях, стал поход к Северному полюсу, которым руководил лейтенант Вейнрехт. В составе экспедиции были помимо «северных медведей» (матросов-китоловов) также далматинские матросы. И неожиданно оказалось, что именно далматинцы заметно лучше переносили холод и трудности похода. Причина была в том, что южане отказывались греться спиртными напитками, а северяне считали это необходимым. В последующих экспедициях старались учитывать опыт предшествующих путешественников. Так, Р. Нансен считал необходимым для успеха похода воздерживаться от употребления алкоголя.

Изучая вопросы этики и психологии семейной жизни, преподавателю необходимо отметить, что биологически человек не испытывает потребности в алкоголе, но только до тех пор, пока не станет его употреблять. Поэтому большое влияние на формирование антиалкогольных убеждений оказывают родители и близкие родственники семьи, их трезвый, здоровый образ жизни.

Говоря о конфликтных ситуациях, надо указать осужденным на то, что одной из главных причин их возникновения является состояние опьянения людей, что многие пьяные ссоры в семье заканчиваются аморальными поступками, либо дерзкими, тяжелыми преступлениями.

Неправильные представления молодых людей о мужественности и женственности часто толкают их к употреблению алкоголя, который, по словам И. А. Сикорского, «парализует самые тонкие и самые возвышенные душевные состояния и, на первом плане, — чувство стыда». Поэтому учителю следует показать истинные моральные ценности, информировать осужденных о способах, средствах и путях удовлетворения общественно ценностных потребностей.

При рассмотрении темы «Культура поведения влюбленных» следует указать на тот факт, что причиной половой распущенности одного из влюбленных нередко является употребление алкогольных напитков, что, в конечном итоге, может привести к ряду заболеваний, в том числе венерическим. Здоровый образ жизни способствует рождению здорового ребенка. Важно разъяснить осужденным, что пьянство и алкоголизм разлагающе действуют на психику и здоровье детей, являются основой бракоразводных дел.

Касаясь воспитания детей в семье, следует показать осужденным типичные ошибки семейного воспитания, способствующие приобщению детей к алкоголю. Основными из них являются:

- традиции употребления алкогольных напитков членами семьи, знакомыми, близкими родственниками;
- низкий уровень педагогической и, в частности, антиалкогольной образованности членов семьи;
- отсутствие в семье единства взглядов на воспитание ребенка;
- конфликтные взаимоотношения между членами семьи;
- недобросовестное отношение родителей к воспитанию ребенка, когда его балуют, чрезмерно опекают, либо не уделяют достаточного внимания, бросают на произвол судьбы, унижают, оскорбляют, обманывают, угрожают, избивают;
- аморальное, асоциальное поведение родителей, близких родственников и знакомых семьи;
- болезнь (физическая, психическая) родителей и близких родственников семьи;
- ситуация «неполного дома»;
- отсутствие правильной организации досуга членов семьи.

Необходимо обратить внимание осужденных на пути устранения этих ошибок.

В процессе занятий физкультурой необходимо формировать у осужденных убеждение в том, что занятия спортом несовместимы с увлечением алкоголем, так как даже небольшие его дозы нарушают координацию движения, замедляют реакцию, снижают мышечную силу. В качестве примера можно привести биографии спортсменов, успехи которых во многом были связаны с трезвым образом жизни. Обратить внимание осужденных на утверждение Аристотеля: «Ничто так не истощает и не разрушает человека, как продолжительное физическое бездействие». Целесообразно разъяснить «формулу здоровья», предложенную профессором Ю. Ф. Змановским: здоровье прямо пропорционально эмоциональной

устойчивости, движению, закаливанию, умеренности в еде и находится в обратной зависимости от лени, пристрастия к спиртному, курению. Следует убедить осужденных в том, что именно физкультура и спорт, а не алкоголь, способны усиливать позитивные эмоциональные переживания, связанные с удовлетворением личностных потребностей.

Массовое распространение наркотиков в подростковой среде на Западе относится к концу 50-х — началу 60-х годов XX в. В конце 60-х наркотики проникли в нашу страну, но об этом долгое время умалчивалось. Наша молодежь сидела в те годы на скудной «духовной диете», комсомольские организации все больше утрачивали свое влияние на нее. Вначале наркотики стали экзотическим дурманом «золотой молодежи», отдельных «богемных» групп. Однако вскоре наркомания распространилась в студенческой среде, учащейся и рабочей молодежи. При этом вовлечение молодежи, подростков происходило так стремительно, что с полным правом можно говорить о заразительности этого недуга [3].

В распространении наркомании среди подростков и молодежи особую роль играет социальный фактор. Влияние социальных факторов опосредствуется через внутренние условия — через особенности личности человека, которые раскрываются в его индивидуальном развитии. Не последнее место в приобщении к наркотикам занимает феномен «запретного плода», который привлекателен.

Подростков, склонных к употреблению наркотиков, можно разделить на три условные группы. Первую из них составляют те, которые пробовали наркотическое средство просто из любопытства. Подобное любопытство трудно предвидеть заранее, предугадать, кто из ребят может его проявить. Но все же кое-какие основания для прогнозирования имеются. Нездоровое любопытство такого рода чаще других проявляют те дети, которых в семье до школы и в период обучения еще в младших классах неправильно воспитывали. Воспитание должно укреплять две сферы психической организации ребенка — интеллектуальную и волевую для того, чтобы он понимал, что можно делать, а чего нельзя, и умел сдерживать свое любопытство и побуждения. Если такого воспитания в семье не было, то ребенок легко может попасть в первую группу.

Вторую группу составляют те подростки, у которых сложилась неблагоприятная семейная обстановка: отец или оба родителя пьяницы (пьющие родители меньше уделяют внимания воспитанию детей, которые, оказываясь предоставленными сами себе, в большей мере подвергаются отрицательным влияниям) [4]; кто-то из родителей психически болен; постоянные ссоры и конфликты в семье из-за невротических или психопатических черт одного из родителей, что ведет к отсутствию необходимого внимания к детям. К этой группе можно отнести подростков, родители которых заботятся об удовлетворении только материальных благ детей, а моральную и духовную «пищу» эти ребята получают на улице.

Третью группу образуют те подростки, чей мозг был деформирован какой-либо патологией, вследствие чего произошло ослабление волевых качеств, возможно и интеллектуальных, а влечения гипертрофировались и приобрели извращенный характер. Такие подростки легко попадают под влияние лиц, потребляющих алкоголь и наркотики [2]. По мнению академика АМН СССР Г. В. Морозова, существует два главных пути, по которым молодой человек может прийти к болезни: психопатология, когда у человека расстроена психика и утрачен самоконтроль; второй — беда по неведению. Подростки нередко слышаны о весьма приятных ощущениях, которые дает употребление наркотиков. Сначала из-за любопытства пробуют наркотик, а затем втягиваются и не могут отказаться от него.

Многих молодых людей как раз и сгубил роковой по легкомыслию и необоснованности расчет на то, что можно попробовать затяжку, уколоться и бросить. Но привыкание, психологическая и физическая зависимость от наркотика наступают чуть ли не после двух-трех недель приема. Проходит определенное время, и наркоман деградирует как личность, становится опасным своей готовностью на тягчайшие преступления.

Как показала клиническая практика в нашей стране и за рубежом, консультационное, амбулаторное лечение наркоманов является малоэффективным или вообще неэффективным. Лицо, зависящее от наркотических средств, требует длительного лечения. Профилактическая антинаркотическая деятельность у нас практически отсутствует, если не считать лекций и бесед с родителями и школьной молодежью. Еще раз подчеркнем эмпирически обоснованный в настоящее время взгляд, существующий среди профессионалов, что наркомания в определенном смысле неизлечима, а у лица, которое в результате возникновения зависимости от наркотиков потеряло естественный биологический барьер сопротивляемости этим средствам, уже не удастся восстановить эту сопротивляемость. В связи с этим наркомана можно только подлечить, а спасти его может только полное воздержание от употребления этих средств.

Основная цель профилактической работы состоит в том, чтобы подростки прекратили принимать наркотики. Что же для этого нужно делать? В местах лишения свободы наркоманов можно разделить на две группы:

- тех, которые могут, но не хотят покончить с употреблением наркотиков;
- тех, которые хотят, но сами не способны отказаться от наркотических веществ.

Психотерапия в отношении этих категорий лиц различна. У первых следует вызвать негативное отношение к употреблению одурманивающих веществ. Подросткам второй категории нужно помочь в преодолении сильного психического влечения к приему наркотиков, с которым он борется и от которого хочет избавиться.

Несмотря на справедливое заявление врачей, что «лечение молодых наркоманов неразрывно связано с воспитанием», все же можно четко выделить фазу специфического медицинского воздействия и фазу особых мероприятий воспитательного характера. Методы фармакологического лечения являются лишь вспомогательными и эффективными только в первой, самой короткой фазе этого процесса. Полный курс лечения от наркомании проходит обычно в четыре этапа, из которых первые два носят специфический медицинский характер, а в двух последующих преобладают воспитательные меры:

I этап — нейтрализации яда в организме: удаление еще не усвоенного организмом яда; выведение яда уже усвоенного тканями организма, применение специальных мер — в зависимости от рода употреблявшихся пациентом наркотических веществ.

II этап — устранение последствий отравления, прежде всего, нарушений функции внутренних органов, патологических изменений нервной системы и иных расстройств.

III этап — принятие мер по преодолению вредных привычек. На этом этапе преобладает применение психологических, психотерапевтических и педагогических методик.

IV этап — социальная реабилитация и ресоциализация наркомана. Цель этих мероприятий — возврат человека к нормальной общественной жизни.

На всех этапах подростки нуждаются не только в должном лечении, но и в жестком контроле, надзоре и привитии им навыков соблюдения дисциплины.

Следует иметь в виду, что подростков-наркоманов следует не столько при- нуждать к лечению, сколько убеждать в его необходимости, показывать вредность их заболевания во всех аспектах — медицинском, юридическом, социальном. Но об одном нужно предупреждать сразу: лечение способно помочь только тем, кто хочет вылечиться.

И еще нужно учитывать тот фактор, что алкоголизм и наркомания принципиально отличаются от всех других болезней. Больные этими недугами, как правило, таковыми себя не считают, а стало быть и не желают лечиться. Тогда как с любым иным заболеванием человек сам обращается к врачу, с готовностью принимает все прописанные ему лекарства и процедуры.

Под воспитанием в широком смысле слова подразумевают организованную, целенаправленную деятельность по формированию психологии воспитуемого, различных его личностных качеств, возникающих в процессе определенных отношений между воспитателем и воспитуемым.

В воспитательных колониях, где работают специалисты-наркологи, не должны возникать затруднения в организации антинаркотической пропаганды. Для решения указанной задачи необходимо дать воспитанникам сведения относительно употребления наркотиков в такой форме, чтобы они могли понять, что все социальные, медицинские, правовые и моральные вопросы, относящиеся к употреблению наркотиков, касаются лично их. Поэтому антинаркотическое воспитание следует организовывать в двух формах:

- традиционная форма — сообщение подросткам сведений, касающихся употребления наркотиков;
- активная форма — семинарские занятия.

Однако, чтобы побудить воспитанников к принятию самостоятельных решений по вопросам употребления наркотиков, необходимо умение воспитателя создать на этих занятиях доверительную обстановку, организовать открытый разговор, дать возможность каждому почувствовать, что означает для него лично прием наркотических средств, какое действие они оказывают, к каким результатам приводят. Это обстоятельство является решающим моментом в антинаркотическом воспитании, ибо пока сам подросток не будет готов порвать с наркотиками, ни одна форма юридического или родительского контроля не защитит его от этого зла.

Семинарские занятия предназначены для более глубокого изучения того или иного предмета и могут проводиться в формах активного диалога, учебного диспута, коллективного обсуждения, учебно-ролевой игры. Они эффективны лишь тогда, когда проводятся как заранее подготовленное совместное обсуждение выдвинутых вопросов каждым участником семинара.

Структура семинарского занятия в форме диспута может иметь следующую структуру:

- короткое вступление (актуальность, проблема);
- «прения сторон»;
- подведение итогов;
- заключительное слово.

Для проведения семинарских занятий можно предложить ряд следующих тем:

1. Показания для применения наркотика с лечебной целью.
2. История злоупотребления наркотиком.
3. Физиологические последствия употребления наркотиков.
4. Последствия употребления наркотика для умственной деятельности.
5. Медицинские и социальные последствия неоднократного и чрезмерного употребления наркотика.

6. Методы лечения физической зависимости от наркотика.
7. Законы, регулирующие продажу и употребление наркотиков, и их применение на практике [1].

Необходимо применять технологические и наглядные средства: фильмы, интернет-ресурсы, плакаты, репродукции произведений художников.

Многие подростки знают о наркотиках намного больше сотрудников колонии, спокойно приводят противоположные доводы, опровергающие доводы учителя, воспитателя. Такие противопоставления наносят вред авторитету преподавателя и снижают эффективность воспитания. Поэтому те сотрудники, которым поручено вести занятия по антинаркотическому воспитанию, должны пройти соответствующую подготовку, чтобы детально разбираться в данном предмете.

Лечение больных наркоманией — весьма нелегкая задача, имеющая свои специфические трудности. Следует учитывать особенности душевного склада многих больных. В этой связи особую значимость приобретает психотерапия — имеющая своей целью устранение болезненных симптомов и изменение отношения к себе, к своему состоянию и окружающим [5].

Многолетний опыт изучения наркозависимых позволяет сформулировать ряд выводов и научно-практических рекомендаций сотрудникам ВК по осуществлению антинаркотического воспитания осужденных подростков:

1. Злоупотребление наркотиками может возникнуть в результате воздействия самых различных причин. В одних случаях оно может оказаться результатом экспериментирования с наркотиками по совету «плохих товарищей», в других — указывает на серьезные психологические проблемы, с которыми сталкивается подросток:
 - ♦ потеря интересов к обучению в школе;
 - ♦ трудности в отношениях с учителями в школе;
 - ♦ проблемы в отношениях с родителями, с другими лицами;
 - ♦ скука;
 - ♦ привлекательность мифов о свойствах наркотиков.
2. Преподаватели и воспитатели должны создавать в классе, отделении обстановку доверия. Во время беседы о наркотиках и наркоманах очень важно (хотя это иногда и бывает трудно) избегать излишней морализации. Часто во время обсуждений сотрудникам ВК приходится занимать оборонительную позицию, сознавая при этом свою непоследовательность, поскольку в повседневной жизни они сами употребляют табачные изделия и алкогольные напитки. Тем не менее, существуют убедительные доводы против употребления наркотиков, которые можно сформулировать таким образом: многие подростки считают употребление наркотиков способом проявления своей внутренней свободы. Следует указать подросткам, что трудно добиться этой цели, если у них вырабатывается физическая зависимость от наркотиков.
3. Следует избегать методов запугивания воспитанников сенсационными сообщениями о последствиях употребления наркотиков. Разъяснение неминуемой ответственности (в дальнейшем) может уменьшить стремление подростка к употреблению наркотиков. Необходимо указать, что юридические и социальные последствия пребывания в ВК (по поводу наркомании) будут сказываться в течение всей жизни, и на этом следует сделать акцент как на факторе, которые требуется учитывать, отвечая для себя на вопрос: принимать или не принимать наркотики.
4. Сотрудники, работающие с наркоманами, должны обладать обширными знаниями о наркотиках. Им следует знать, что собой представляют нарко-

тики, как они применяются в медицине и как возникает массовое злоупотребление ими.

В системе антинаркотического воспитания огромное значение имеет личность самого воспитателя: он является проводником знаний, олицетворением той активной силы, которая влияет на формирование взглядов и всю деятельность подростков. Сотрудники, работающие в области антинаркотического воспитания подростков, должны быть честными, вызывать уважение у подростков и понимать, с какими явлениями сталкивается больной наркоманией.

5. Организовывая профилактическую работу с подростками, сотрудникам необходимо иметь в виду, что ее основные задачи заключаются в следующем:

- ♦ необходимо формировать негативное отношение к наркотикам и злоупотреблению наркотическими веществами;
- ♦ учить тому, что нелегальная торговля запрещенными наркотическими веществами, злоупотребление наркотиками и наркомания тесно связаны с преступностью взрослых и малолетних;
- ♦ прививать знание законов и ответственности за их нарушение в отношении наркотиков и злоупотребления наркотическими веществами;
- ♦ воспитывать у подростка чувство опасности в связи с употреблением наркотиков, приводящим к привыканию и возможности превращения в наркомана;
- ♦ воспитывать понимание того, что душевное и физическое здоровье может быть достигнуто и сохранено только благодаря своим собственным усилиям, а не путем регулярного употребления лекарств и наркотиков;
- ♦ знакомить подростков с наиболее важными историческими вехами, относящимися к употреблению наркотических средств;
- ♦ раскрывать содержание научных терминов, имеющих связь с проблемами наркотизма и наркомании;
- ♦ информировать учеников о существующих лечебных учреждениях и методах, применяемых при лечении наркоманов.

Литература

1. Саблина Л. С., Гомонов Н. Д., Баженов А. В. Криминогенное поведение несовершеннолетних: учеб. пособие. СПб.: Фонд «Университет», 2003. 351 с.
2. Баженов А. В., Гомонов Н. Д., Сафин Ф. Ю. Детерминация и превенция девиантного поведения несовершеннолетних в России. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та аэрокосм. приборостроения, 2010. 192 с.
3. Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 574 с.
4. Агаев Г. А., Баженов А. В., Зорина Е. А. Факторы семейного неблагополучия в механизме криминализации несовершеннолетних (результаты регионального криминологического исследования) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2016. № 3. С. 42–48.
5. Гомонов Н. Д., Баженов А. В. Социально опасное поведение несовершеннолетних с психическими отклонениями. Мурманск: Изд-во Мурман. гос. техн. ун-та, 2006. 248 с.

А. В. Кротов**Свобода индивидуализации, либерализм,
индивидуализм как основа права на частную жизнь
в зарубежных странах*****A. V. Krotov. Freedom of individualization, liberalism, individualism,
as the basis of the right to privacy in foreign countries***

Начавшийся в конце 80-х годов XX в. процесс перестройки, демократизации, гласности советского общества, принятие Конституции России 1993 г. ознаменовали не только переход к новому государственному устройству страны, началу построения демократического общества, правового государства (как минимум в качестве декларативных целей), но и ввело в правовой оборот ряд новых прав и свобод человека, практически не апробированных ранее на территории России, закрепив в том числе конституционное право на неприкосновенность частной жизни в ст. 23 Конституции РФ, обязанное своим рождением развитию правовых систем либерально-демократических стран Западного мира (США, страны Западной Европы, Израиль и пр.).

В зарубежной литературе отмечается несовместимость концепций коллективизма и индивидуализма, закрытого и открытого общества, что во многом актуализирует исследование социального регулирования частной жизни на постсоветском пространстве, ставит вопрос о жизнеспособности права на частную жизнь (по образцу западных стран) в традиционных коллективистских обществах.

В настоящей статье впервые предпринята попытка выявления и обоснования связи права на частную жизнь с теоретическими воззрениями крупнейших специалистов в области западной философии, права, социологии, что предполагает формирование итоговых заключений, являющихся основой для дальнейшего изучения особенностей социального регулирования сферы частной жизни в российском государстве.

The process of restructuring, democratization, publicity of Soviet society, the adoption of the Russian Constitution of 1993, which began in the late 80s of the 20th century, marked not only the transition to a new state system of the country, the beginning of building a democratic society, the rule of law (at least as declarative goals), but it also introduced into the legal circulation a number of new human rights and freedoms that had not been practically tested in Russia before, securing, in particular, the constitutional right to privacy in Article 23 constitution Russia owes its birth to the development of the legal systems of the liberal-democratic Western countries (US, Western Europe, Israel and so on).

In foreign literature, there is an incompatibility of the concepts of collectivism and individualism, closed and open society, which largely updates the study of social regulation of private life in the post-Soviet space, raises the question of the viability of the right to private life (modeled on Western countries) in traditional collectivist societies.

This article is the first to attempt to identify and justify the relationship of the right to privacy with the theoretical views of the largest specialists in the field of Western philosophy, law, and sociology, which implies the formation of final conclusions, which are the basis for further study of the features of social regulation of private life in the Russian state.

Андрей Владиславович Кротов — докторант кафедры государственного (конституционного) права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук.

© Кротов А. В., 2018

Ключевые слова: либерализм; индивидуализм; негативная свобода; свобода индивидуализации; частная жизнь; право на частную жизнь.

Контактные данные: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; (863) 201-98-37; pravonnov@yandex.ru.

Keywords: liberalism; individualism; negative freedom; freedom of individualization; private life; the right to private life.

Contact details: Bol'shaya Sadovaya Str. 105/42, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006; (863) 201-98-37; pravonnov@yandex.ru.

Введение

История становления права на частную жизнь началась задолго до создания американской концепции privacy в XIX в. (право «быть оставленным в покое», «the right to be left alone»).

Еще в классической латыни обнаруживается слово «privatus», во многих случаях являющееся противопоставлению «publice», которое означало «действовать не как лицо, облеченное властью, как частное лицо, в совершенно иной плоскости, кроме того privatim означало делать что-либо не на глазах у всех, у себя дома, в уединении, обособлено от общества» [1, с. 16].

Во времена античной цивилизации была отмечена потребность индивида в создании определенной области, позволяющей человеку защититься от окружающей его реальности, вторжения извне, что является объективным свойством человеческой психики, одним из условий его социализации.

В I–II тыс. н. э., во времена Римской империи, было сформировано понятие «особого пространства, имеющего четко выраженные границы и относящееся к той части человеческого существования, которая на всех языках называется личным, — это зона неприкосновенная, хранящая секреты и предоставляющая убежище... В личном пространстве сконцентрировано все самое ценное, то, что принадлежит только тебе, что скрыто от постороннего взгляда, то, что не принято разглашать и демонстрировать, поскольку все это слишком далеко от правил приличия, которые следует соблюдать на публике» [Там же, с. 7–8]. При этом частная жизнь существовала не только у римских граждан, но даже и у рабов.

В Средние века в Европе область privata находилась incommercio и inpatrimonio (в частной и наследуемой собственности), т. е. подчинялась иной, непубличной власти, власти pater familias (отца семейства), осуществляемой главным образом на закрытой, замкнутой территории дома (в основном термины, производные от слова privatus, затрагивали семейную сферу). При этом такая область регулировалась в большей мере положениями обычного права (неписанного, основанного на обычаях, но охраняемого юридически), под частной подразумевалась жизнь в семье, основанная на взаимодействии членов семьи. В условиях феодализма вторжение публичной власти в частную жизнь семьи осуществлялось только в экстраординарных случаях [2].

Со временем, с учетом развития уровня экономики и ее децентрализации, увеличения численности семьи (XIV–XV вв.), у человека все более актуализировалась потребность в личном пространстве, стремление к уединению, обособленности в пределах семьи, что повлекло обособление частной жизни индивида от частной жизни семьи. Жилище в указанном контексте стало рассматриваться как часть не только семейной, но и частной жизни, незаметно стала формироваться концепция частной жизни, подразумевающая под собой право в любой ситуации, не зависимо от состояния своего кошелька, окружения, оставаться самим собой, быть индивидуальностью.

К концу XVII — началу XVIII в. произошла «деприватизация публичной сферы, и общественные цели уже не смешивались с личными интересами или состояниями. С этого момента частное пространство стало практически закрытым и, во всяком случае, полностью отделенным от общественных обязанностей и вполне автономным» [3, с. 215].

Принцип автономии частного пространства, «закрытости» от государства, общества, сформулированный в Новое время, наиболее ярко нашел свое выражение в законодательстве США, где доктрины либерализма, индивидуализма, негативной свободы стали основой развития общественных институтов, послужили базисом рождения права на неприкосновенность частной жизни (privacy), концепции наличия особой сферы жизнедеятельности человека, «закрытой» от общества, государства, явившейся детерминантом формирования в большинстве конституций зарубежных стран права на частную жизнь в негативной форме — права, гарантированного государством, обеспечивающего защиту от вторжения в сферу частной жизни индивида иных лиц (включая и само государство). (Отметим, что так как ни в Конституции США, ни в Билле о правах право на частную жизнь самостоятельно не закреплено, американские судьи выводят его из ряда поправок к Конституции США. Это первая поправка (свобода слова, свобода религии, свобода прессы, свобода собраний, право на подачу петиции), третья поправка (запрет размещения солдат в частных домах без согласия владельца), четвертая (запрет произвольных обысков и арестов), пятая (гарантия надлежащего уголовного процесса, запрет повторного привлечения к ответственности за одно и то же правонарушение, право не свидетельствовать против себя, гарантии при реквизициях), девятая (перечисление прав в Конституции не должно трактоваться как умаление остальных прав), а также четырнадцатая поправки (гарантируется равенство граждан США и запрещается принятие каким-либо штатом дискриминационных законов), т. е. путем расширительной интерпретации положений американской конституции. Такая интерпретация допускается в силу того, что перечень прав и свобод, содержащихся в Билле о правах, является открытым и подлежит корректировке с учетом волеизъявления граждан США.)

Свобода индивидуализации: понятие и признаки

Работы Канта и Руссо, Миля, Вольтера, Юма, Гегеля, Дьюи, Хайека и других ученых внесли неоценимый вклад в развитие категорий свободы, либерализма, индивидуализма, послужив базисом становления права на частную жизнь.

В современном обществе свобода трактуется в качестве универсального человеческого состояния. В соответствии со ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и друг друга в духе братства». По сути, свобода — это и есть человек, как верно отмечено, «свобода — это выбор, мы не выбираем быть свободными, мы приговорены к свободе, брошены в нее» [4], при этом отказ от свободы, как правило, в западном обществе порицаем.

Иммануил Кант в труде «Метафизика нравов» отмечал, что «человеческая жизнь — это способность существа поступать сообразно своим представлениям». По его мнению, «свобода (независимость от принуждающего произволения другого), поскольку она совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом, и есть это единственное первоначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду, в свою очередь атрибут свободы имманентен человеческой личности: дар определять самим

себе цель и варианты сообразного с намеченной целью поведения является врожденным» [5, с. 115].

Бенжамен Констан в XVIII–XIX вв. разработал содержание свободы европейца: личная независимость, самостоятельность, безопасность, возможность влиять на управление государством. Право, по его мнению, это гарант индивидуальной свободы, способ бытия социальности (во многом такие критерии применимы и к статусу сегодняшнего европейца).

В работах современных исследователей отмечается: для того, «чтобы индивид мог использовать свои права и обязанности, он должен располагать свободой, основанной на его воле (теория автономия воли); совокупность волей индивидов узаконивается с помощью принципа консенсуса... Воля, свобода и собственность имеют противоречие в лице ответственности» [6]. При этом, выбирая определенный вариант своего поведения, человек не только самоопределяется, самоидентифицирует себя, но и проектирует свою дальнейшую жизнедеятельность, т. е. изменяет свою бытийность в плоскости настоящего и будущего.

Допустимость выбора человеком вариантов своего поведения, своих поступков (свобода как врожденная категория), акцент на которой сделан Кантом, предполагает возможность определенной независимости человека в его бытийности, независимости от общества, государства. Наличие независимого поведения (своеобразного, неоднородного), формирует различия между людьми.

Соответственно если свобода (как возможность выбора поведения) преследует непосредственно цель — индивидуализацию субъекта, формирование его различий, то мы имеем в виду один из видов свободы человека: свободы индивидуализации как возможности выбора индивидуумом модели поведения по персонализации его жизнедеятельности, целенаправленному изменению присущих ему характеристик (физических, социальных), итоговое формирование различий. Через свободу индивидуализации человек формирует свое собственное бытие, наличный индивидуальный мир.

Д. Локк писал в «Опыте о человеческом разумении» [7, с. 205], что наличие различий — это основа человеческого познания. По его мнению, источниками всех идей человека является внешнее различий объектов познаваемых объектов, в свою очередь дальнейшая умственная деятельность есть форма определенной рефлексии.

Такая потребность человека, как индивидуализация жизнедеятельности (жизнедеятельность — это совокупность процессов, составляющих сущность и проявление жизни человека, его бытие, с присущими ей специфическими характеристиками), основывается на его врожденных характеристиках в качестве особого биологического вида (человек разумный, *Homo Sapiens*). В научной литературе, как правило, выделяются такие особенности, как наличие у человека разума, способность трудиться, наличие речи, социальность и пр.

Человек есть существо изначально, с момента своего рождения, индивидуализированное («индивидуальность как неповторимость каждого отдельного человека есть, прежде всего, факт биологический. Сочетание биологических особенностей организма, специфических черт индивидуальной биографии и, наконец, противоречивость ролевой структуры делают каждого человека как личность уникальным. Эта уникальность и целостность личности, рассматриваемая с ее субъективной, внутренней стороны, отображается понятием Я» [8, с. 35]).

Человек всегда стремится стать иным, не таким, каков он есть на данный момент, изменить свои характеристики, как физические, социальные, так и психологические, причем такие метаморфозы на разных этапах жизни индивидуума могут принимать совершенно иные формы, порой диаметрально противоположные.

Гегель в своих работах отмечал, что «право индивидов на свою особенность содержится также в нравственной субстанциальности, ибо особенность есть внешний способ, в котором существует нравственное. Нравственность есть идея свободы, как живое добро, которое в своем самосознании имеет свое знание, воление, а через его действие свою действительность, равно как самосознание имеет в нравственном бытии свою в себе и для себя сущую основу и движущую цель; нравственность есть понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания» [9, с. 458].

Процесс индивидуализации жизнедеятельности человека ставит перед собой цель — удовлетворение его потребностей через изменение психических, физических, социальных характеристик индивида.

Индивидуализация психических характеристик человека подразумевает под собой формирование (изменение) его ощущений, восприятия, чувств, мыслей. В свою очередь физические характеристики индивида определяют строение его тела, различные стороны его двигательных возможностей, функционирование органов человеческого тела (включая репродуктивную функцию). Указанные характеристики также возможно индивидуализировать: например человек может изменить свою силу, строение тела (нарастить мышечную массу) и т. п. Социальные характеристики предполагают построение социальных связей субъекта (определение (упорядочивание) коммуникативных отношений лица).

Индивидуализация человеческого бытия является собирательным образом. По мнению Джона Дьюи (и с ним стоит согласиться), индивидуальность представляет собою общий (объединяющий) термин для разнообразия отдельных реакций, привычек, склонностей и потенций человеческой природы, которые рождаются и крепнут под влиянием социальной жизни. Сходные идеи прослеживаются в работах Дэвида Юма, утверждавшего, что идея человеческого «Я» есть собирательный образ, «связка или пучок (bundle or collection) различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении» [10, с. 112]. В дальнейшем, в ходе человеческой жизни, врожденная индивидуальность человека развивается под влиянием различных детерминантов. Индивидуализацию, таким образом, возможно классифицировать на два вида: врожденную и приобретенную.

Отметим основные характеристики свободы индивидуализации:

- а) она присуща каждому человеку с рождения, естественна и первична по отношению к обществу, проистекает из природы самосознания человека и окружающего его мира и предполагает способность персонификации жизнедеятельности индивида по собственному желанию (в соответствии с его волеизъявлением) с учетом совместимости со свободой иных лиц;
- б) призвана гарантировать наличие пространства, в котором человек моделирует свое поведение через регулирование социального воздействия;
- в) является свободой личности (индивидуальной), отказ от нее несовместим с природой человека;
- г) образ человека, как результат его индивидуализации, является сложным порядком, совокупностью разнообразий человека (биологических и социальных, врожденных и приобретенных), такой образ находится в постоянном развитии под воздействием физических и социальных факторов;
- д) в своем содержании предполагает как наличие возможности выбора субъектом своего поведения, так и результат такого выбора в качестве определенного риска (поведенческого).

Указанные характеристики свободы индивидуализации во многом предопределили содержание современного права на частную жизнь.

Влияние доктрины либерализм, индивидуализма, негативной свободы, на реализацию свободы индивидуализации

В раннем буржуазном обществе XVIII–XIX в. на воплощение свободы индивидуализации существенно повлияла концепция либерализма, ставшая основным двигателем социальной изоляции человека, символом второй половины XIX — начала XX в.

Подчеркивая достоинства концепции либерализма, Хосе Ортега-и-Гассет в свое время писал: «Либерализм — и сейчас как никогда следует помнить об этом — это высшее воплощение великодушия, это то право, которое большинство предоставляет меньшинству... Он (либерализм) означает мирное сосуществование с противником, более того, он означает сосуществование со слабым противником» [11, с. 24].

Становление доктрины либерализма (как системы воззрений, типа сознания и комплекса установок) стало ответной реакцией на существовавшие в XVIII–XIX вв. формы правления и государства. Дж. Дьюи, характеризуя либерализм, обращал внимание на его мятежный характер, основанный на страхе перед государственной властью, и требование ограничения власти правительства, влияния государства (во власти государства современники Дьюи видели зло). Собственность и свободы стали краеугольными камнями либерализма, опорой организации власти в либерализме прежде всего виделась в спонтанных силах общества, минимальном принуждении в процессе социального регулирования.

Как отмечает в свою очередь С. А. Ребров, даже с учетом критики либерализма «исторический путь либеральной политической идеологии, несмотря на коренные изменения, продолжается и до сих пор, либерализм является доминирующей политической доктриной в мире» [6].

Либерализм также способствовал развитию концепции индивидуализма (в качестве особого психологического течения), закрепившего за личностью ряд прирожденных и естественных прав (юридическая составляющая либерализма), ограничивающих полномочия правительств, формирующих концепции правового государства. Отметим также формирование естественных законов, носящих экономический характер, политические законы с точки зрения либерализма являются искусственными. А своим рождением индивидуализм обязан греческим философам, в работах которых человек рассматривается в качестве цели «самой по себе», именно человек является центром социальной жизни (Сократ, Протагор).

Непосредственно противопоставление индивидуального и общественного, выраженное в концепции либерализма, стало одной из причин формирования права на частную жизнь в качестве негативного права, защищающего сферу частной жизни от вторжения извне. В основе либерализма — смирение перед социальными силами и терпимость к различным мнениям, что в свою очередь благоприятствует развитию сферы частной жизни и неприемлемо для коллективистского общества. Либерализм позволил «путем установления абстрактных безличных правил защитить индивида от произвола и насилия со стороны других, отгородить и обжить защищенное от вторжения пространство, где он может распоряжаться своими знаниями для достижения своих собственных целей» [12, с. 410–420].

Отсюда мы выделяем две основные посылки в качестве базиса права на частную жизнь:

- либерализм, позволивший выделить особую сферу бытия индивида (сферу частной жизни), противопоставив ее области общественной, государственной (государственно организованного общества);

- индивидуализм, в соответствии с установками которого единственным правомочным субъектом сферы частной жизни (ее центром) является индивид.

Общество XVIII–XIX вв., опирающееся на принципы классического либерализма, пестовало идеи негативной свободы (отметим, что либерализм и негативная свобода — не тождественные понятия), содержанием которой является свобода индивидуума от любых посягательств со стороны иных лиц (в том числе государства). В свою очередь, цель государства определяется как охрана и защита личности от подобного вмешательства, а роль государства сводится в данном контексте к осуществлению охранительных функций (роль «ночного сторожа»). Такую роль государства одним из первых отразил Адам Смит в работе «Богатство народов». В труде Джона Локка «Два трактата о правлении» аргументируются преимущества диктата собственности над политикой, роль государства сводится в таком случае лишь к функции «стража собственности».

Негативная свобода предполагает под собой самостоятельное и автономное использование индивидуумом своих способностей и возможностей. Необходимо подчеркнуть, что развитие капитализма, которое и являлось исходной точкой доминирования в раннебуржуазном обществе концепции негативной свободы, строилось на культивировании принципов частной собственности, и это важно для дальнейшего осмысления современного устройства системы прав и свобод, а также соотношения права на частную жизнь и права собственности.

Идеи негативной свободы начального периода капитализма прежде всего использовались в целях пресечения государственного вмешательства в рыночную сферу, экономику, обеспечения личной свободы индивидуума в распоряжении собственностью в новых условиях капиталистического общества, что в итоге привело к существенному социальному прогрессу. (Исследуя последствия перехода от феодализма к капитализму, И. С. Кон отмечал, что «освободив индивида от большинства форм личной зависимости, разрушив феодальную иерархию, он (капитализм) расширил автономию личности в плане социального общения и деятельности... ее культурной идентификации... формирования ее ценностных ориентаций. Все это необычайно увеличило многообразие и богатство индивидов как личностей, вызвало рост материальных и духовных запросов и потребностей» [8, с. 59].)

Свобода индивидуализации, получившая мощный импульс развития в условиях капитализма, под воздействием доктрины либерализма, концепции негативной свободы, индивидуализма явилась основой формирования права на частную жизнь в негативной форме (негативного права на частную жизнь, *privacy*), предполагающей запрет вторжения в область частной жизни индивидуума со стороны других лиц, в том числе государства.

Заключение

Понятие негативной свободы в XIX в., после прохождения эпохи первоначального накопления капитала (XV–XVIII вв.), вступило в противоречие с общественными и индивидуальными потребностями индивидуума, чьи требования в рамках либерализма были существенно увеличены. Постепенно концепция негативной свободы стала дополняться требованиями позитивной свободы, социального либерализма. Уточняя его характеристики, М. Б. Софиенко пишет: «Социальный либерализм представляет собой свободу действия, но, в отличие от доктрин Руссо и Марата, действия не коллективного, а индивидуального... В итоге возникает новая модель государства — такое правовое государство, законы которого, с одной стороны, в равной мере ограничивают индивидуальную неза-

висимость, а с другой — обеспечивают каждому индивиду реальную возможность действовать в соответствии с его жизненными целями, реализуя свои потребности и интересы» [13, с. 106–107]), т. е. притязанием к государству на получении от него определенных благ, более активное участие электората в осуществлении власти и т. п. Роль государства постепенно стала трансформироваться, государство — «ночной сторож» стало приобретать социальные функции, произошла трансформация классической концепции либерализма.

Как отмечают немецкие исследователи, «позиция „человек против государства“ в последовательном развитии конституционного строя и формировании правового, культурного и социального государства изменилась в сторону создания системы позитивных социальных и культурных прав. Равенство в этом контексте трактуется теперь как обязанность государства обеспечивать определенную свободу в качестве именно социального государства, по крайней мере в пределах, которые необходимы для уважения человеческого достоинства» [14, с. 240, 250].

Под влиянием экономических и социальных факторов, с течением времени, «пришло новое, более адекватное восприятие государства, „материализованное“ в теориях правового и социального государства, а вместе с тем и гражданского общества» [15, с. 166]. Такое понимание государства сформировалось под влиянием идей неоллиберализма (современного либерализма, противопоставляющего либерализму понимание свободы как возможности развития и самореализации личности). Неоллиберализм напрямую связывают с глобализацией, усилением влияния транснациональных корпораций. Идеологами неоллиберализма принято считать Дж. Кейнс, А. Хансен, Дж. Гэлбрейт и других исследователей, они по сути отражают установки реформистски настроенных слоев капиталистического общества — крупных промышленников, интеллигенции и пр.). Данное направление предполагает пестование принципов рыночной экономики и рыночного общества, функционирующих при умеренной поддержке государства (общепризнанно, что «происходящие в настоящее время процессы глобализации опираются на транснациональный неоллиберализм, предусматривающий распространение дерегулируемой глобализации на основные политические инфраструктуры „демократического мира“ и „расширение пространства свободы“, представляет собой идеологизированную универалистскую модель, утвердившуюся после окончания холодной войны» [16, с. 44, 57]). В таком государстве конституция призвана гарантировать свободы, при этом объективные свободы индивидуума ограничены свободой всех, в свою очередь свободы всех ограничены свободой индивидуума, общество преследует две цели: «...предоставление индивидам равных гарантий независимости от чужого произвола (в том числе и от произвола государства), и предоставление индивидуумам право самостоятельного удовлетворения своих интересов. Отсюда — синтез независимости и действия, индивидуального и всеобщего, компромисс между потребностями человека и государства. В итоге все содержательные компоненты свободы изменяются. Свобода из формальной независимости превращается в практическую возможность индивида реализовывать именно свои, а не чьи-то интересы и потребности, и из антипода свободы действия становится ее основой» [13, с. 103].

Смена доминирующих концепций свободы (негативная-позитивная), влияние идей неоллиберализма на мироустройство оказали воздействие и на содержание права на частную жизнь, которое стало включать в себя позитивные нормы (элементы), установление запрета на вмешательство в частную жизнь индивидуума со стороны гражданского общества, государства (негативное право на частную жизнь). Классическая концепция либерализма, негативной свободы со временем

трансформировалась в признание необходимости обеспечения государством равных реальных возможностей (поведения) человека в сфере частной жизни, что в части содержания объективного права частной жизни подразумевает формирование соответствующей отрасли права частной жизни, субъективного права: развития права на частную жизнь в качестве сложносоставного (системы прав и правомочий, негативных и позитивных), что в настоящее время оказывает непосредственное влияние на особенности правового регулирования сферы частной жизни как в зарубежных странах, так и в России.

Литература

1. *История частной жизни*. Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса / под ред. Ж. Дюби. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 785 с.
2. *История частной жизни*. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 800 с.
3. *Марченко М. Н.* Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. 648 с.
4. *Рулан Н.* Юридическая антропология: учебник / пер. с франц.; отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: НОРМА, 2000. 310 с.
5. *Кант И.* Сочинения в 8 т.: т. 6. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. 613 с.
6. *Ребров С. А.* Политическая теория либерализма и марксизма: исторические пути и современность // Вопросы политической науки: матер. III Междунар. науч. конф. (Казань, май 2017 г.). Казань: Бук, 2017. С. 1–10.
7. *Локк Дж.* Сочинения в 3 т.: т. 1 / под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. 621 с.
8. *Кон И. С.* Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 110 с.
9. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права / пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 820 с.
10. *Юм Д.* Сочинения в 2 т.: т. I / пер. с англ. С. И. Церетели и др.; вступ. ст. А. Ф. Грязнова; примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. 733 с.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы: эссе о литературе и искусстве: сб. / пер. с исп. М.: Радуга, 1991. 639 с.
12. *Хайек Ф. А. фон.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
13. *Софиенко М. Б.* Правовая свобода как способ реализации индивидуальной свободы в социальной системе: дис. ... канд. философ. наук. Томск, 2007. 268 с.
14. *Государственное право Германии*. Сокращенный перевод немецкого семитомного издания. Т. 1 / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. 312 с.
15. *Марченко М. Н.* Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2015. 440 с.
16. *Алексеева Т. А.* «Неолиберальное государство» в контексте глобализации: сравнительная политика // Юрист. 2011. № 2. С. 44–57.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные точкой с запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список использованной литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (использованных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монография, учебник и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: *Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах*. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из Интернета или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: *Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries*. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Начальник издательства СПбУТУиЭ *Д. А. Владимирская*
Ответственный за выпуск *А. В. Блажко*
Корректор *Г. М. Матвеева*
Компьютерная верстка *Е. О. Зверева*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44, лит. А
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://www.spbume.ru>

Подписано в печать 21.12.2018.
Формат 60×84¹/₈.
Уч.-изд. л. 10,32. Усл. печ. л. 16,74.
Тираж 500 экз. Заказ № 284.

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67818
от 28 ноября 2016 г.

Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП»
198095, г. Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21